

Арсенъ Звѣстискине Харьковскій
и Мѣстскій. —

4852

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ЗА ПЕРВЫЯ СТО ЛѢТЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ
(1805—1905),

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРОФЕССОРАМИ

Д. И. Багалъемъ, Н. В. Сумцовымъ и В. П. Бузескуломъ.

ИЗДАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА.

ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА
№ 12990

ХАРЬКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА
№ 42045

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская, № 19.
1906.

54 070

Харьков
1906

На основаніи ст. 41, § 1, п. 4 и ст. 138 университет. уст. печатать и выпустить
въ свѣтъ разрѣшается

Ректоръ университета *Л. Рейнгардъ.*

Оглавленіе.

Предисловіе	Стран. V
Опечатки и дополненія	VIII

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1804 г. (съ 1805 по 1835 г.).

1-я глава. Основаніе Харьковскаго университета	1—12
Городъ Харьковъ передъ открытіемъ университета и состояніе въ немъ образованія. Роль В. Н. Каразина и общества въ дѣль основанія университета. Открытіе университета.	
2-я глава. Университетское самоуправленіе по уставу 1804 года .	12—47
Уставъ 1804 года. Отношеніе къ университетамъ министерства народнаго просвѣщенія съ 1804 по 1835-й годъ, отношеніе къ Харьковскому университету попечителей Харьковскаго учебнаго округа. Дѣятельность совѣта и правленія.	
3-я глава. Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ	47—86
Научная подготовка профессоровъ Харьковскаго университета до назначенія ихъ въ Харьковъ. Полнота преподаванія. Курсы, читанные преподавателями, и отзывы о нихъ слушателей. Состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Научные труды профессоровъ.	
4-я глава. Студенты	86—101
Статистическія данныя о студентахъ. Занятія студентовъ и число окончившихъ курсъ. Литературные труды студентовъ. Правила, регулировавшія поведеніе студентовъ.	
5-я глава. Просвѣдительное вліяніе университета на общественную среду	101—115
Роль университета въ дѣль устройства и управленія училищъ. Просвѣдительное вліяніе университета на общество. Университетскія періодическія изданія. Университетъ и изящная словесность. Образовательное значеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета.	

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1835 г. (съ 1835 по 1863 г.).

1-я глава. Университетское самоуправленіе	116—133
Уставъ 1835 года. Дополненія и измѣненія его. Отношеніе къ Харьковскому университету попечителей Харьковскаго учебнаго округа. Дѣятельность совѣта.	
2-я глава. Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ.	133—155
Составъ профессорской коллегіи. Курсы, читанные профессорами. Ихъ характеръ и направленіе. Ученая дѣятельность преподавателей и ихъ командировки.	
3-я глава. Студенты	155—165
Статистическія данныя о студентахъ. Научно-литературныя занятія ихъ. Правила о поведеніи.	
4-я глава. Просвѣдительное вліяніе университета	165—171
Благотворное вліяніе университета на городъ Харьковъ, на край и на развитіе просвѣщенія вообще и мѣстной культуры въ частности.	

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1863 г. (съ 1863 по 1884 г.).

1-я глава. Введеніе устава 1863 г. Его значеніе. Университетское самоуправленіе . . . . . 172—192

Характеръ и значеніе устава 1863 г. Статья проф. А. П. Рославскаго-Петровскаго. Попечитель К. К. Фойхтъ. Донось на университетъ и его правленіе. Совѣтъ о польскомъ возстаніи 1863 г. Тѣснота помѣщеній и бѣдность въ средствахъ.

2-я глава. Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ . . . . . 193—220

Почетные члены. Чествованіе памяти писателей. Способы замѣщенія вакантныхъ кафедръ. Несостоявшіяся назначенія (Костомарова, Макушева и др.). Доцентура. Раздѣленіе наукъ и постановка преподаванія. Защита профессоромъ совѣтомъ. Университетскій судъ. Ученая экспертиза и общественно-просвѣтительная дѣятельность профессоровъ. Возникновеніе ученыхъ обществъ. Вражда партій.

3-я глава. Студенты. Инспекція . . . . . 220—242

Переписка по поводу закрытія студенческихъ кассы и библіотеки. Вопросы объ обязательности посѣщенія студентами лекцій, о практическихъ занятіяхъ, о бракѣ студентовъ. Студенческія волненія. Усиленіе инспекціи и ростъ репрессалій. Столкновеніе совѣта съ попечителемъ Максимовскимъ. Личность инспектора Ф. Ф. Рогожина. Предчувствіе предстоящаго административнаго разгрома. Ректоръ Цѣхановецкій и негласное слѣдствіе о его лекціяхъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Исторія университета при дѣйствіи устава 1884 г. (съ 1884 до 1905 г.).

1-я глава. Уставъ 1884 г. и строй университета . . . . . 244—270

Характеристика устава 1884 г. Его введеніе. Его вліяніе. Дѣятельность совѣта. Мнѣніе о гонорарѣ. Отвѣтъ совѣта (1901 г.) на вопросы министерства объ измѣненіи устава. Кураторы и профессорскій судъ. Правленіе. Инспекція.

2-я глава. Преподаваніе и преподаватели . . . . . 270—303

Положеніе профессоровъ. Выдающіяся имена. Число профессоровъ. Положеніе приватъ-доцентовъ. Замѣщеніе кафедръ. Составъ преподавателей. Распределеніе наукъ. «Свобода слушанія и преподаванія» и «экзаменныя требованія» 1885 г. Регламентация. Практическія занятія и спеціальныя курсы. Государственные экзамены и ихъ вліяніе. Расширеніе помѣщеній (постройки клиникъ и проч.). Развитіе учебно-вспомогательныхъ учреждений. Матеріальныя средства университета.

3-я глава. Студенты . . . . . 303—316

Регламентация и правила относительно студентовъ. Колебаніе въ числѣ студентовъ. Студенческія работы. Студенческіе кружки. Матеріальное положеніе студентовъ. Студенческое общежитіе. Студенческія волненія, ихъ причины и мѣры противъ нихъ. Мнѣніе совѣта.

4-я глава. Университетъ и общество . . . . . 316—329

Пользованіе учебно-вспомогательными учреждениями. Университетскія «Записки». Ученыя общества. Популяризація науки. Врачебная помощь въ день 17 октября 1888 г. Общественная дѣятельность профессоровъ. Поддержка со стороны общества. Пожертвованія. Достопамятныя событія. Археологическій сѣздъ въ Харьковѣ. Связь университета и общества.

Указатель . . . . . I—XIV

Предисловіе.

Настоящій очеркъ открываетъ собою серію изданій, предпринятыхъ Харьковскимъ университетомъ къ его столѣтнему юбилею (17 января 1905 г.). Для выработки плана изданій и ихъ смѣты, въ засѣданіи совѣта 4 декабря 1901 г., была избрана коммиссія, которая въ числѣ другихъ трудовъ намѣтила и краткую «Историческую Записку» о Харьковскомъ университетѣ за сто лѣтъ его существованія. Вотъ планъ ея, составленный проф. Д. И. Багалъемъ и одобренный совѣтомъ (въ засѣданіи 19 мая 1903 г.):

«Содержаніе труда обусловливается его цѣлью: онъ долженъ вкратцѣ дать понятіе о заслугахъ Харьковскаго университета, какъ *учебнаго* заведенія и учрежденія *ученаго* и *просвѣтительнаго*. Соотвѣственно этому долженъ быть ограниченъ и фактической матеріалъ для всѣхъ отдѣловъ труда, которыхъ предполагается 4—по числу дѣйствовавшихъ уставовъ. Въ первый отдѣлъ должны войти слѣдующія рубрики: 1) Основаніе университета въ связи съ состояніемъ образованія въ краѣ до его открытія; обстоятельства его открытія; заслуги В. Н. Каразина и др. дѣятелей (Потоцкаго, Тимковскаго и т. п.); 2) университетскій уставъ 1804 года съ дополненіями и его практическое осуществленіе (въ дѣятельности органовъ университетскаго управленія); 3) общій ходъ преподаванія—профессоры и ихъ курсы, отзывы о нихъ современниковъ; научно-литературная дѣятельность профессоровъ—ея общій характеръ и наиболѣе выдающіеся представители; улучшение учебно-вспомогательныхъ учреждений; 4) студенты: ихъ статистика, число оканчивавшихъ курсъ, научно-литературная дѣятельность; 5) просвѣтительная дѣятельность университета: а) роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія, б) просвѣтительное

вліяніе на общество и польза, приносима ея учебно-вспомогательными учрежденіями. Содержаніе II, III и IV отдѣловъ должно быть то же, что и перваго отдѣла, за исключеніемъ рубрикъ объ основаніи университета и ея роли въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія. Размѣръ каждаго изъ 4-хъ отдѣловъ—около 4-хъ печатныхъ листовъ, причемъ возможно увеличеніе 1 и 4-го отдѣловъ на счетъ 2-го. Характеръ и направленіе труда—безпристрастное изложеніе, чуждое и панегирическаго тона, и обличенія, соответствующее основной цѣли труда и ея объему. Весь трудъ долженъ быть составленъ главнымъ образомъ по печатнымъ даннымъ, причемъ основой для I-го отдѣла можетъ послужить 1-й и 2-й т. т. «Опыта исторіи Харьковскаго университета» Д. И. Багалія, а матеріаломъ для остальныхъ—университетскіе уставы и дополнительныя узаконенія, печатные отчеты университета, печатные труды профессоровъ, мемуары, біографіи и вообще пособія и только отчасти архивные источники (нѣкоторые документы университетскаго архива).

Средства на осуществленіе какъ этого, такъ и прочихъ юбилейныхъ изданій, были отпущены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Составленіе «Исторической Записки» или очерка исторіи Харьковскаго университета совѣтъ поручилъ тремъ профессорамъ—Д. И. Багалію, взявшему на себя обработку первыхъ двухъ отдѣловъ (періодъ устава 1804 г. и періодъ устава 1835 г.), Н. О. Сумцову, принявшему на себя составленіе третьяго отдѣла (періодъ устава 1863 г.), и В. П. Бузескулу, обработавшему четвертый отдѣлъ (періодъ устава 1884 г. до начала 1905 г.), такъ какъ, въ виду краткости времени, никто изъ нихъ не могъ взять на себя одного составленіе всего труда. Такое распредѣленіе работы между авторами обусловлено было тѣмъ, что проф. Д. И. Багалій и прежде занимался преимущественно болѣе ранними эпохами въ исторіи Харьковскаго университета (ему принадлежитъ большой «Опытъ» этой исторіи, доведенный пока до 1835 г.); проф. Н. О. Сумцовъ самъ выступилъ на преподавательское поприще въ университетѣ при дѣйствіи устава 1863 г., а проф. В. П. Бузескуль и раньше занимался обработкой исторіи Харьковскаго университета за время царствованія Императора Александра III. Коллективная работа оказалась возможной въ данномъ случаѣ во 1-хъ потому, что всѣ авторы приняли одинъ и

тотъ же планъ объективнаго изложенія, а во 2-хъ и потому, что не приходилось опасаться рѣзкаго различія въ воззрѣніяхъ и въ оцѣнкѣ историческихъ фактовъ.

Въ общемъ можно сказать, что намѣченный планъ и осуществленъ. Отступленія отъ него незначительны. Между прочимъ, въ четвертомъ отдѣлѣ, въ виду близости этого періода къ нашему времени, во многихъ случаяхъ приходилось, касаясь фактовъ, не называть именъ. Что же касается источниковъ, то здѣсь оказалось возможнымъ дать больше, чѣмъ предполагалось, и воспользоваться документами мин. нар. просвѣщенія, извлеченными проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива этого министерства. Указанія на источники, положенные въ основу изложенія, можно найти въ примѣчаніяхъ, въ началѣ каждаго отдѣла, или періода. Объемъ книги нѣсколько пренесилъ намѣченные предѣлы, но всякій знаетъ, какъ трудно на дѣлѣ въ такихъ случаяхъ соблюсти заранѣе установленную норму.

Указатель составленъ архивариусомъ университета Е. М. Ивановымъ.

Январь 1906 г.

ОПЕЧАТКИ и ДОПОЛНЕНИЯ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Нужно читать:
130	16 снизу	Полюмбецкій	Палюмбецкій
138	16 "	И. Бейеръ	Е. И. Бейеръ
139	1 "	А. Д. Масловскій	А. Ф. Масловскій
142	12 сверху	И. А. Нарановичъ	П. А. Нарановичъ
143	6 "	В. Н. Лапшинъ	В. И. Лапшинъ
155	17 "	Сошальскій	Сокальскій
168	5 "	Славицкій	Сливицкій
225	17 снизу	мноія	многія
240	4 и 3 снизу	Въ указанныхъ условіяхъ, милостивые государи, за- ключается	Въ указанныхъ условіяхъ заключается
257	3 снизу	А. К. Андреевъ	К. А. Андреевъ
272	17 сверху	В. Г. Грубе	В. О. Грубе
279	16 снизу	Н. Н. Бѣлоусовъ	Н. О. Бѣлоусовъ
282	15 "	Н. И. Тринклеръ	Н. П. Тринклеръ
299	13 сверху	Г. О. Шульцъ	Г. О. Шульцъ

Къ стран. 272. Въ числѣ выдающихся профессоровъ Харьковскаго университета наряду съ А. А. Потебней слѣдуетъ назвать извѣстнаго слависта М. С. Дринова, имя котораго неразрывно связано съ первою организаціей освобожденной Болгаріи. Въ текстѣ проф. М. С. Дриновъ не названъ, такъ какъ тамъ поименованы лишь тѣ изъ профессоровъ, которыхъ университетъ тогда уже лишился. М. С. Дриновъ скончался 28 февраля 1906 года, послѣ того, какъ книга была уже отпечатана.

Къ стран. 310. О студенческихъ волненіяхъ въ Московскомъ университетѣ въ 1887 году см. еще статью г. Ростовцева въ «Русской Старинѣ» 1906 года, январь.

Т. О. Осиповскій

С. О. Потоцкій

В. Н. Каразинъ

И. О. Тимковскій

И. С. Рижскій

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ:

ИСТОРІЯ УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ДѢЙСТВІИ УСТАВА 1804 года (съ 1805 по 1835 г.) ¹⁾.

1-я глава.

Основаніе Харьковскаго университета.

Основною чертою въ исторіи Харьковскаго университета является та особенность, что возникновеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ общественной инициативѣ: виновникомъ его учрежденія былъ извѣстный общественный дѣятель Василій Назарьевичъ Каразинъ, побудившій мѣстныхъ сословія сдѣлать на него крупное пожертвованіе. Харьковъ въ началѣ XIX-го столѣтія представлялъ изъ себя такой незначительный пунктъ, какой самъ по себѣ отнюдь не могъ разсчитывать на учрежденіе въ немъ высшаго учебнаго заведенія, тѣмъ болѣе что такового не имѣли тогда ни Кіевъ, ни даже Петербургъ; хотя онъ былъ губернскимъ городомъ, но по количеству жителей мало чѣмъ выдѣлялся изъ ряда уѣздныхъ городовъ тогдашней Слободско-украинской губерніи, а двумъ изъ нихъ даже уступалъ: въ Харьковѣ въ 1802 году было 5373 души мужескаго пола, въ Ахтыркѣ 6309, а въ Валкахъ 5392. По внѣшнему виду въ Харьковѣ, особенно на окраинахъ, было еще много деревенскаго; нынѣшняя Гончаровка представляла изъ себя слободу, а Ключковская улица—хуторъ. Только центральная часть имѣла видъ настоящаго города. Но особенно непріятное впечатлѣніе производило на свѣжаго человѣка городское неблагоустройство. Да и что было возможно сдѣлать въ этомъ отношеніи при бюджетѣ въ 10000 р. и при весьма неблагопріятныхъ топографическихъ условіяхъ города? Однако

¹⁾ Исторія этого перваго періода составлена мною по 1-му и 2-му томамъ моего «Опыта исторіи Харьковскаго Университета».

Харьковъ имѣлъ будущее. Любопытно впечатлѣніе, произведенное имъ на проф. Тимковского, который пишетъ: «онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности; если обстроится, будетъ пріятнымъ городомъ: окрестности его богаты красотою; почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпича; есть довольно илѣсу». О развитіи города свидѣтельствовали его ярмарки и вообще торговля—въ этомъ отношеніи Харьковъ являлся центромъ всего южнаго района. Обороты Харьковскихъ ярмарокъ измѣнялись многими милліонами рублей (Крещенской доходили до 10 мил., Успенской—до 8). Харьковъ дѣлался постепенно и центромъ постоянной торговли. Харьковъ связанъ былъ торговыми интересами съ Великороссіей, Малороссіей, Новороссіей, Дономъ, Крымомъ, Польшей и Западной Европой; онъ игралъ при этомъ роль посредника между Московскимъ промышленнымъ окрутомъ и житницею юга—Новороссіей. Такимъ образомъ, и въ Харьковѣ по временамъ жизнь была ключемъ, происходилъ не только обмѣнъ товаровъ, но и обмѣнъ мыслей. Сравнительная матеріальная обезпеченность сдѣлала возможнымъ появленіе потребности въ грамотности и образованіи.

Впрочемъ, стремленіе къ просвѣщенію населеніе Харькова и всего края вынесло еще изъ первоначальной родины своей—Заднѣпровья. Тамъ наука (конечно, духовная) являлась необходимымъ средствомъ борьбы за вѣру и народность; на этой же почвѣ тамъ выросли братства съ ихъ школами и шпиталями, т. е. богадѣльнями. Братства, шпитали и школы были перенесены и въ Харьковъ. Особенное развитіе получили въ краѣ народныя школы, привлекавшія массу учащихся. Число ихъ по отношенію къ населенію почти равнялось нынѣшнему. Въ Харьковѣ уже въ 1-ой половинѣ XVIII в. было 4 такихъ школы при церквяхъ, съ 19 учителями. Здѣсь обучались дѣти всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества. Тогда же было основано въ Харьковѣ и *среднее учебное заведеніе*—Харьковскій коллегіумъ (нынѣшняя Духовная семинарія); въ немъ обучались не только дѣти духовенства, но и козацкой старшины, козаковъ, горожанъ и т. п. Программа его, въ которую входило много свѣтскихъ наукъ, стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ его всесловнымъ характеромъ. Харьковскій коллегіумъ въ значительной степени подготовилъ почву для учрежденія въ Харьковѣ университета: его продолжительное и глубокое просвѣдательное вліяніе въ краѣ способствовало развитію сознанія о важности и пользѣ новаго высшаго учебнаго заведенія; Харьковскій коллегіумъ доставилъ и первыхъ студентовъ для Харьковскаго университета, и многихъ выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ; изъ него выросло и новое учебное заведеніе—чисто свѣтское уже—казенное училище; онъ

положилъ начало и издательской дѣятельности въ Харьковѣ; въ составѣ его преподавателей былъ такой дѣятель, который самъ изъ себя представлялъ странствующую академію или университетъ—знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода, проповѣдь котораго въ сильной степени способствовала культу науки въ мѣстномъ обществѣ. Гр. Сав. Сковородѣ стало тѣсно въ ученическихъ аудиторіяхъ, и онъ предпочелъ имъ несравненно большую аудиторію—цѣлую Украину. Его манилъ къ себѣ широкій просторъ украинскихъ степей, рощи и долины, благопріятствовавшія размышленію, гостепрѣимство друзей и знакомыхъ, гдѣ онъ могъ вести свои назидательныя бесѣды о высшихъ вопросахъ жизни. И онъ нашелъ себѣ массу почитателей среди всѣхъ классовъ тогдашняго общества, создавъ *благоговѣйное отношеніе къ той наукѣ, носителемъ которой онъ былъ* и которая была органически связана съ западно-русской образованностью. Такимъ образомъ, это былъ странствующій учитель или, точнѣе, странствующая академія. И его проповѣдь не осталась безъ вліянія даже на учрежденіе въ Харьковѣ университета: самые близкіе его почитатели впоследствии усерднѣе всѣхъ дѣйствовали и приносили матеріальныя жертвы для открытія университета. Это были трое Квитокъ, въ домѣ которыхъ постоянно бывалъ Г. С. Сковорода, Петръ Андреевичъ Ковалевскій, въ домѣ котораго онъ умеръ, Донецъ-Захаржевскій, Розальонъ-Сошальскій, Щербининъ. Среди харьковскихъ горожанъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Г. С. Сковородой находился Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ, бывшій при основаніи Харьковскаго университета городскимъ головою, вызвавшій пожертвованіе городской думы и способствовавшій В. Н. Каразину въ его предпріятіи. Даже В. Н. Каразинъ не остался, повидимому, безъ вліянія старчика Г. С. Сковороды и выразилъ къ нему глубокое уваженіе въ слѣдующемъ отзывѣ: «мы подѣ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пифагора, Оригена, Лейбница». Рядомъ съ духовной западно-русской наукой стала замѣтно возрастать, однако, и западно-европейская просвѣтительная стихія, частью изъ ея непосредственнаго источника—Западной Европы, гдѣ пѣшкомъ странствовалъ и Г. С. Сковорода, куда ѣздилъ и его ученикъ Ковалинскій, а еще въ большей степени—при посредствѣ русской науки и литературы. Нѣкоторые стали посылать своихъ дѣтей въ Московскій университетъ, а у Сумскихъ дворянъ, вѣроятно, подѣ вліяніемъ литературнаго кружка Палицына уже въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка возникла мысль объ учрежденіи университета въ Сумахъ. Тогда же появилось въ Харьковѣ казенное свѣтское училище, *возсоединенное* впоследствии съ главнымъ народнымъ; въ 1804 году оно было преобра-

зовано въ гимназію. В. Н. Каразинъ близко стоялъ къ литературному кружку Палицына; членомъ его былъ и М. Г. Ушинскій, котораго В. Н. Каразинъ прислалъ въ Харьковъ, чтобы подвинуть къ пожертвованію дворянство. Сочувственно относился къ идеѣ жертвованія Гр. Шидловскій, бывший также членомъ кружка Палицына. Такимъ образомъ, В. Н. Каразинъ не стоялъ одиноко въ Харьковскомъ обществѣ: онъ опирался на многихъ просвѣщенныхъ лицъ, ему сочувствовавшихъ и помогавшихъ. Почва для открытія университета была до нѣкоторой степени подготовлена предшествующимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ и образовательными учрежденіями. Но безъ энергичной инициативы и дѣятельности В. Н. Каразина Харьковъ не имѣлъ бы университета. Ему принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ вызвалъ крупныя матеріальныя пожертвованія на университетъ; онъ долженъ былъ преодолѣть массу препятствій для скорѣйшаго открытія его; онъ вмѣстѣ съ другими не мало поработалъ и въ первоначальномъ устройствѣ университета; однимъ словомъ, — онъ былъ душею всего дѣла.

Уже въ началѣ 1802 года, когда Харьковское дворянство было занято мыслію объ учрежденіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, онъ былъ всецѣло поглощенъ идеей устройства въ немъ университета и эту идею онъ уже сообщилъ Государю, во время одной бесѣды съ нимъ. Нужно думать, что эта идея была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ и практической дѣятельности въ комитетѣ, гдѣ разсматривался уставъ Московскаго университета. Но впереди предстояло самое трудное — добиться отъ Харьковскаго дворянства пожертвованія на учрежденіе университета, ибо только такимъ путемъ В. Н. Каразинъ надѣялся склонить мнѣніе въ пользу Харькова, который самъ по себѣ имѣлъ для этого мало данныхъ и уступалъ не только Кіеву, но и такимъ южнымъ городамъ, какъ Черниговъ. Руководился онъ въ этомъ дѣлѣ самыми чистыми побужденіями — желаніемъ просвѣщенія своей родинѣ. «Не для чего описывать пользу сего учрежденія», говорилъ онъ въ письмѣ къ свящ. Фотіеву, «и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украины произтекти имѣетъ. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ это учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ — моральныхъ, физическихъ, политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастье и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ». На частномъ собраніи Харьковскихъ дворянъ 29 августа 1802 года, гдѣ присутствовали лица, наиболѣе

сочувствовавшія учрежденію университета (Ковалевскій, Палицынъ, Гр. Шидловскій, трое Квитокъ, Неклюдовъ, Алферовъ, Красовскій), предложено было внести на это дѣло посредствомъ открытія 20-лѣтняго банка 1 миліонъ рублей, и это постановленіе вызвано было чтеніемъ «Предначертанія о Харьковскомъ университетѣ», составленнаго В. Н. Каразинымъ. Университетъ по этому предначертанію долженъ былъ представлять изъ себя не высшую школу, пересаженную изъ Германіи, а всеобъемлющее училище, раздѣлявшееся не на факультеты, а на 9 отдѣленій: общихъ познаній, пріятныхъ искусствъ, богословія, гражданскихъ познаній, военныхъ познаній, врачебныхъ познаній, гражданскихъ искусствъ, учености, изящныхъ художествъ; кромѣ того, при немъ предполагались два низшихъ класса—школа сельскаго хозяйства и ремесленное училище. Въ пояснительной запискѣ къ своему проекту В. Н. Каразинъ привелъ теоретическія и практическія соображенія въ его пользу. Университетъ, по его мысли, долженъ былъ явиться общественнымъ учрежденіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Англіи, Америки: содержаться онъ долженъ былъ на средства общества, управляться коллегіей профессоровъ и представителями дворянства, сдѣлавшаго пожертвованія; обширности предпріятія должны были соотвѣтствовать и размѣры зданій: это былъ цѣлый учебный городокъ, который предполагалось помѣстить на Сумской улицѣ, гдѣ нынѣ Университетскій садъ и Ветеринарный институтъ; здѣсь В. Н. Каразину уступали участокъ земли въ 318000 кв. саж. за 6000 руб. Въ этомъ «Предначертаніи» сказался весь Каразинъ—съ его смѣлымъ, оригинальнымъ умомъ, грандіозными, но не практичными замыслами; у него былъ постоянно слишкомъ широкій размахъ, несоразмѣренный съ условіями живой дѣйствительности.

31 августа 1802 года состоялось официальное общее собраніе харьковскаго дворянства, гдѣ В. Н. Каразинъ прочиталъ свое «Предначертаніе» и произнесъ свою знаменитую страстную рѣчь, рѣшившую и его судьбу, и судьбу дѣла. Дворянство пожертвовало на учрежденіе университета въ Харьковѣ 400 тыс. рублей. 20 лѣтъ спустя одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ объ этой рѣчи и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ ораторомъ. Рѣшено было также пригласить къ пожертвованіямъ и сосѣднія губерніи.

Одновременно съ рѣшеніемъ дворянства состоялось постановленіе о пожертвованіи Харьковскаго городского общества; вызвалъ обсужденіе этого вопроса губернскій предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій, а душою дѣла былъ городской голова, просвѣщенный 2-й

гильдіи купецъ Е. Е. Урюпинъ. Свое пожертвованіе городская дума мотивировала явными выгодами для города отъ учрежденія университета; пожертвованіе должно было составить въ теченіе 10 лѣтъ отъ 50 до 70 тыс. рублей. Харьковскіе войсковые обыватели, потомки бывшихъ слободскихъ козаковъ, впоследствии превратившіеся въ государственныхъ крестьянъ (общества Захарьковской, Залопанской и Ивановской слободы), подражая примѣру дворянъ и гражданъ, уступили безвозмездно въ пользу университета изъ дачи, пожалованной ихъ предкамъ и обмежеванной къ г. Харькову, участокъ въ 125 десятинъ пригородной земли. Конечно, тогда земля эта большой цѣнности не имѣла, но это пожертвованіе давало возможность сразу возвести на ней необходимыя постройки; теперь же эти 60000 кв. саж. земли стоятъ милліоны рублей и обезпечиваютъ на многіе годы возможность университету расширять свои учебно-вспомогательныя учрежденія. Въ январѣ 1803 года Екатеринославское дворянство пожертвовало на учрежденіе университета 108260 р. Херсонское дворянство откликнулось на призывъ только 21 мая 1806 года, ассигновавъ на университетъ 40500 р. Подражая примѣру г. Харькова, ассигновали нѣкоторыя суммы изъ своихъ скромныхъ средствъ и уѣздные города Харьковской губ.: Валки, Богодуховъ, Ахтырка, Лебединъ, Сумы, Зміевъ, Купянскъ—въ совокупности болѣе 40 тыс. руб., и все это еще до открытія университета. Откликнулись на призывъ къ пожертвованіямъ и отдѣльныя лица: ген. Хорватъ пожертвовалъ 5000 р., Харьковскій купецъ Аникѣевъ 3000 р., губ. предводитель дворянства В. М. Донецъ Захаржевскій 500 р., Харьк. купецъ Спасскій 500 р., Харьк. куп. Каменевъ 200 р., обыватель Куп. уѣзда Юшковъ 200 р., Суровцева 150 р., калуж. куп. Мишуковъ 100 р., всего 9650 р.; графиня Подгоричани, Квитка и Павловы пожертвовали земли. Сумма всѣхъ денежныхъ пожертвованій должна была превысити 658 тыс. руб. Жертвователямъ была выражена Высочайшая признательность, а нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, по указанію В. Н. Каразина, были выданы и награды (орденами, медалями и чинами). Нужно однако замѣтить, что въ средѣ Харьковскаго дворянства была и оппозиція противъ пожертвованія, во главѣ которой стоялъ Изюмскій предводитель дворянства Захарашевичъ-Капустянскій. Онъ проявилъ такое упорство, что обратился съ жалобою къ государю, который однако призналъ ее неосновательной, о чемъ напечатано было, по Высочайшему повелѣнію, въ Петерб. Вѣд. Деньги поступали туго: понадобились отсрочки, и ассигнованныя суммы были получены много лѣтъ спустя послѣ назначеннаго срока. Однако, въ концѣ концовъ, почти всѣ денежные пожертвованія были внесены: Харьковское дворянство внесло всѣ 400

тыс. (мы имѣемъ опредѣленные свѣдѣнія о 390 тыс.); Екатеринославское—не менѣе 80 тыс. (изъ 108), а можетъ быть,—и всю сумму; Херсонское, вѣроятно, всю сумму, но никакъ не менѣе 20 тыс.; купечество и города—болѣе 44 тыс. (изъ 90—100 тыс.); частныя лица—всю сумму; всего было получено не менѣе 544 тыс. руб., а, можетъ быть, и 602500 р. Изъ общей цифры 658 тыс. руб. небольшая часть этихъ денегъ была истрачена передъ открытіемъ университета на его нужды, а другая—несравненно болѣе значительная—составила специальный фондъ, на который впослѣдствіи были построены важнѣйшія зданія Харьковскаго университета, существующія и въ настоящее время.

Добившись пожертвованій, дававшихъ Харьковъ нравственное право на учрежденіе университета, В. Н. Каразинъ долженъ былъ однако преодолѣть массу затрудненій въ официальныхъ сферахъ для осуществленія своей идеи. Въ Петербургѣ «дѣло Харьковскаго университета пошло въ долгій, съ разными потайными пружинами ящикъ». Вернувшись въ Петербургъ, В. Н. Каразинъ хотѣлъ передать лично Государю всѣ документы по дѣлу учрежденія въ Харьковѣ университета, но доступъ во дворецъ оказался для него закрытъ—Государь къ нему охладѣлъ—онъ долженъ былъ передать ихъ въ Главное Правленіе училищъ. Начались справки, запросы, сношенія вѣдомствъ; Министръ Народнаго Просвѣщенія не сочувствовалъ устройству университета въ Харьковѣ. В. Н. Каразинъ волнуется медленнымъ ходомъ дѣла, пишетъ горячія, несдержанныя письма Министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Кочубею, самому Государю, наконецъ, 24 января 1803 года состоялось Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи Харьковскаго университета и объ открытіи Харьковскаго учебнаго округа, попечителемъ котораго назначенъ былъ гр. С. О. Потоцкій. Но семейныя дѣла заставили гр. Потоцкаго уѣхать на время за границу (въ Вѣну); замѣстителемъ своимъ онъ оставилъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцева, а принятіе мѣръ къ скорѣйшему открытію университета онъ поручилъ В. Н. Каразину и избранному профессоромъ новаго университета И. О. Тимковскому. В. Н. Каразинъ выѣхалъ въ Харьковъ изъ Петербурга 18 февраля 1803 года и усердно сталъ работать на пользу университета: принялъ въ свое распоряженіе генераль-губернаторскій домъ, предназначенный для помѣщенія университета (гдѣ нынѣ канцелярія совѣта и квартира г. попечителя), потребовалъ еще и вице-губернаторскій, заботился о приобрѣтеніи большого участка земли по Сумской дорогѣ, побуждалъ къ пожертвованіямъ сосѣднія губерніи—Екатеринославскую, Полтавскую, Воронежскую, принималъ мѣры къ поступленію суммъ, поручилъ архитектору

Васильеву составленіе плановъ будущихъ зданій университета, заботился о студентахъ для университета.

Дѣло настолько подвинулось, что В. Н. Каразинъ мечталъ уже объ открытіи университета въ сентябрѣ 1803 года. Тимковскій, съ своей стороны, ровно, спокойно, въ противоположность В. Н. Каразину, но безъ усталы работалъ на пользу университета: подыскивалъ земельный участокъ для его будущихъ постоянныхъ построекъ (и выбралъ тотъ самый, на который обратилъ вниманіе В. Н. Каразинъ), приспособлялъ для временнаго помѣщенія б. ген.-губ. домъ, устраивая тамъ аудиторіи и помѣщенія для профессоровъ и казеннокоштныхъ студентовъ. Тимковскій оказался въ высшей степени добросовѣстнымъ, аккуратнымъ и умѣлымъ дѣятелемъ: онъ въ одинаковой степени заботился и о важныхъ вещахъ, и о мелочахъ, которыя теперь выступали на первый планъ; отношенія его къ В. Н. Каразину были самыя дружественныя, при чемъ онъ старался смягчить нѣсколько его порывы и рѣзкій образъ дѣйствій по отношенію ко власти имущимъ. Лѣтомъ 1803 г. В. Н. Каразинъ былъ уже въ Петербургѣ и тамъ снова началъ дѣйствовать на пользу Харьковскаго университета: онъ представилъ проектъ его зданій, къ сожалѣнію, не осуществленный; затѣмъ онъ энергично настаивалъ на отпускѣ для него суммъ, при чемъ обратился съ письмомъ къ самому Государю, указывая въ немъ на явное недоброжелательство Министра Народнаго Просвѣщенія: «не взирая на всѣ мои усилія», писалъ онъ тамъ, «послѣ отъѣзда гр. Потоцкаго ни шагу не сдѣлано въ пользу этого заведенія»; не менѣе отчаянное письмо написалъ онъ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Кочубею. Въ концѣ концовъ, В. Н. Каразину удалось уничтожить всѣ эти препятствія своимъ упорствомъ: это послѣднее сломило сопротивленіе однихъ, инертность другихъ. Къ сожалѣнію, В. Н. Каразинъ при этомъ проявлялъ большую рѣзкость, которая нажила ему много враговъ, удалившихъ его отъ любимаго дѣла. Напрасно предупреждалъ его осторожный Тимковскій, писавшій: «дѣятельность ваша есть пламень, все пожирающій,—ахъ, берегитесь,—пожирающій и васъ самихъ». Одновременно съ тѣмъ В. Н. Каразинъ попрежнему принималъ непосредственное участіе въ приготовительныхъ мѣрахъ къ открытію университета: приглашалъ на службу въ университетъ иностранныхъ ученыхъ, положилъ начало его библиотекѣ и типографіи, приобрѣлъ замѣчательную коллекцію эстамповъ Аделунга и, наконецъ, пригласилъ и прислалъ въ Харьковъ разныхъ ремесленниковъ для производства необходимыхъ работъ. Последнее предпріятіе послужило предлогомъ для удаленія его отъ дѣлъ Харьковскаго университета, по Высочайшему повелѣнію

(18 іюня 1804 года). Министръ Народнаго Просвѣщенія представилъ Государю это дѣло такъ, что В. Н. Каразинъ «самъ собою, безъ всякаго дозволенія отъ начальства, вызвалъ этихъ ремесленниковъ»; въ дѣйствительности же такое дозволеніе было официально ему дано. Мало того: самъ попечитель, въ отзывѣ Министру, призналъ это предпріятіе В. Н. Каразина цѣлесообразнымъ по существу и даже необходимымъ. Отстраненіе отъ созданнаго имъ дѣла было страшнымъ нравственнымъ ударомъ для В. Н. Каразина: онъ долженъ былъ, безъ всякой вины съ своей стороны, отказаться отъ любимаго дѣтища своей творческой мысли, отъ предпріятія, которое должно было принести огромную пользу краю, отъ дѣла, на которое онъ затратилъ массу энергіи и которое теперь близилось уже къ благополучному окончанію.

Но еще ранѣе—въ мартѣ 1804 г. явился въ Харьковъ и попечитель гр. С. О. Потоцкій, учредившій для ускоренія открытія университета 11 апрѣля комитетъ изъ наличныхъ профессоровъ—Тимковскаго, Рижскаго, Делявина, Беленъ де Баллю, Осиповскаго, съ участіемъ Каразина. Съ этого момента все пошло быстрѣе: былъ назначенъ попечитель, комитетъ состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, работалъ по опредѣленной инструкціи и имѣлъ въ своемъ распоряженіи штатную сумму. Дѣятельность его была очень разносторонняя: она захватывала и учебную, и хозяйственную часть. Предсѣдателемъ комитета назначенъ былъ проф. И. С. Рижскій, имя котораго должно быть отмѣчено, какъ одного изъ видныхъ дѣятелей по части первоначальнаго устройства Харьковскаго университета; русскіе профессора (Тимковскій и Осиповскій), естественно, играли болѣе видную роль, чѣмъ иностранцы, незнакомые ни съ русскою жизнью, ни съ языкомъ. Наиболѣе важными дѣйствіями комитета нужно признать слѣдующія: перестройки и пристройки зданій и снабженіе ихъ мебелью, составленіе списка книгъ и инструментовъ, устройство около большого университетскаго дома сада и бульвара, устройство типографіи, покупку земли для будущихъ университетскихъ построекъ, заботы о ремесленникахъ, законтрактованныхъ В. Н. Каразинимъ, составленіе послужныхъ списковъ профессоровъ и выдачу имъ жалованья, изслѣдованіе естественныхъ богатствъ края и командировку для этого профессоромъ, пріемъ своекоштныхъ и содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ, устройство приготовительнаго класса, устройство училища, приходъ и расходъ университетскихъ суммъ, приготовленія къ торжеству открытія университета. Къ началу 1805 года, т. е. къ открытію университета, университетъ имѣлъ уже 9 профессоровъ: Тимковскаго, Рижскаго, Делявина, Осиповскаго, Умлауфа, Беленъ де Баллю, Стойковича, Шада,

Шнауберта;—11 адъюнктовъ: Лаига, Паки де Совиньи, Гамперле, Барендта, Калкау, Васильева, Крюгера, Гизе, Шмерфельда, Каретникова, Филипповича; лектора—Рейта;—4-хъ учителей искусствъ: Матеса, Шетфлина, Витковского и Сивокта. Почти все эти преподаватели были опредѣлены попечителемъ Потоцкимъ и только трое—исполнявшимъ его должность Н. Н. Новосильцевымъ; Каретниковъ и Васильевъ были, повидимому, рекомендованы В. Н. Каразинымъ.

Мы могли коснуться только вкратцѣ дѣятельности В. Н. Каразина на пользу Харьковскаго университета, но и приведенные факты достаточны для заключенія, что онъ былъ истиннымъ виновникомъ его бытія. Ему принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, эту мысль онъ высказалъ государю, связавъ ее съ пожертвованіемъ дворянства. Имп. Александръ ее одобрилъ,—и это рѣшило дѣло въ пользу Харькова, не смотря на скрытое и открытое противодѣйствіе гр. Завадовскаго. Не было бы В. Н. Каразина,—не было бы и дворянскаго пожертвованія; не было бы пожертвованія,—не было бы и университета въ Харьковѣ. Сознаніе о В. Н. Каразинѣ, какъ истинномъ основателѣ Харьковскаго университета, было ясно выражено этимъ послѣднимъ въ 1811 году. Избравъ его въ свои почетные члены, совѣтъ университета мотивировалъ это избраніе слѣдующими словами: «*ad hunc virum eligendum Senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta*» (совѣтъ подвинутъ былъ къ выбору этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета).

Въ 1833 году, въ виду страшно стѣснительнаго матеріальнаго положенія В. Н. Каразина, профессора собрали по подпискѣ и внесли за него 1280 р. долга, «движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ нему, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета». И можно только порадоваться, что и наше поколѣніе оцѣнило должнымъ образомъ заслуги В. Н. Каразина и въ столѣтній юбилей университета открываетъ ему памятникъ.

На второмъ мѣстѣ за В. Н. Каразинымъ мы ставимъ проф. П. О. Тимковского. Это былъ чрезвычайно полезный практическій дѣятель по части устроенія университета, заботливый, свѣдущій, добросовѣстный хозяинъ, вникавшій во все мелочи, спокойно, ровно, безъ скачковъ дѣлавшій свое нелегкое дѣло. Особенно много труда выпало также

на долю председателя комитета по устройству университета проф. И. С. Рижскаго. Попечитель гр. С. О. Потоцкій, еще проживая за границею, много сдѣлалъ для университета: пригласилъ большинство его преподавателей, и выборъ его нужно признать въ общемъ очень удачнымъ; затѣмъ, по прїѣздѣ въ Харьковъ, онъ понесъ не мало труда, руководя дѣломъ и не рѣдко самостоятельно устраивая отдѣльныя предпріятія, внося непосредственно пожертвованія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что назначеніе на постъ попечителя такого сановнаго, родовитаго вельможи, съ независимыми средствами и—что еще гораздо важнѣе—независимыми прогрессивными убѣжденіями, какъ Потоцкій, имѣло огромное значеніе для вновь учреждаемаго университета: оно возвышало его и въ глазахъ правительства, и въ глазахъ общества. Это были главные дѣятели, но имъ помогали и многіе другіе. Къ тѣмъ, которые названы выше, слѣдуетъ присоединить еще харьковскаго священника Вас. Фотіева, много способствовавшаго В. Н. Каразину въ его начинаніи. Еще въ ноябрѣ 1804 г. университетъ получилъ учредительную грамоту, 17-го января 1805 г. послѣдовало, наконецъ, фактическое открытіе Харьковскаго университета. Этотъ день, по справедливости, долженъ считаться *историческимъ*. Это былъ настоящій «праздникъ просвѣщенія» для Харькова, для всей Украины и даже для «полуденнаго» (т. е. южнаго) края Россіи. Мѣстное духовенство, съ своей стороны, встрѣчало чрезвычайно дружелюбно высшую свѣтскую школу. «Представители наукъ и любители просвѣщенія, присутствовавшіе на торжествѣ открытія университета, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворяющуюся науку». Преосв. Христофоръ Сулима, никогда раньше не произносившій проповѣдей, нарушилъ свое молчаніе только для даннаго случая и сказалъ слово о просвѣщеніи. Ту же тему въ своей рѣчи развивалъ и ректоръ Харьковскаго коллегиума протоіерей А. Прокоповичъ, и попечитель гр. Потоцкій, говорившій на латинскомъ языкѣ рѣчь «О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ», и ректоръ Рижскій, говорившій на русскомъ языкѣ «Объ изящныхъ наукахъ», и проф. Белень де Баллю, сказавшій на французскомъ языкѣ рѣчь «О необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій и въ особенности военнаго». Гр. С. О. Потоцкій горячо высказывался въ пользу необходимости постоянного, безостановочнаго движенія Россіи по пути просвѣщенія. Каждый народъ, говорилъ онъ, долженъ напрягать нынѣ всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ въ области знаній, если уже не можетъ быть впереди: остановиться—значить то же, что подаваться назадъ и прибли-

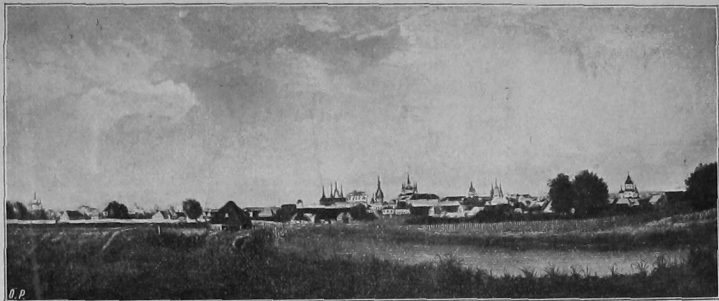
жаться къ прежнему ничтожеству. Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ и культурѣ—никогда. В. Н. Каразинъ высказывалъ такія же убѣжденія: «если что-либо можетъ сдѣлать Россію истинно-независимою отъ всякаго внѣшняго давленія, какъ бы громадно оно ни было, то это только просвѣщеніе». И эти благородныя мысли сдѣлались лозунгомъ всѣхъ первыхъ дѣятелей вновь открытаго разсадника наукъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на торжествѣ—Розальонъ-Сошальскій, человѣкъ вообще задумчивый и молчаливый—съ величайшимъ воодушевленіемъ рассказывалъ своей семьѣ о рѣчахъ и о блестящихъ надеждахъ для общества отъ просвѣщенія. Торжества открытія университета были омрачены только однимъ печальнымъ фактомъ—отсутствіемъ на нихъ В. Н. Каразина. Но всѣ присутствовавшіе вспоминали о немъ съ чувствомъ глубокой признательности. Свящ. Вас. Фотіевъ писалъ В. Н. Каразину: «самые зоилы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастіемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина вамъ единственно обязана. Тѣ-жъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала (вамъ) насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то, конечно, незазорная совѣсть утѣшитъ васъ не только въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь дальнѣйшему потомству».

На слѣдующій день университетъ приступилъ къ своей текущей дѣятельности.

2-я глава.

Университетское самоуправленіе по уставу 1804 года.

Уставъ 1804 года предоставлялъ Харьковскому университету такую широкую автономію, какой не давалъ ему ни одинъ изъ трехъ послѣдующихъ уставовъ (1835, 1863 и 1884 г.г.); онъ исполненъ былъ довѣрія къ университету и въ основу его было положено коллегіальное начало. Выраженіемъ этого довѣрія, характерною, и, къ сожалѣнію, не повторявшеюся уже болѣе особенностью его нужно признать то, что

Видъ г. Харькова конца XVIII-го вѣка.

онъ ставилъ университетъ во главѣ всего учебнаго дѣла въ округѣ—во главѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ его школъ. Цѣль университета въ этомъ уставѣ опредѣлена такъ: «университетъ есть высшее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное. Въ немъ готовится юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы». Здѣсь, такимъ образомъ, учено-преподавательской дѣятельности придается практическая цѣль. Научной сторонѣ дѣла уставъ отводилъ видное мѣсто: особеннымъ достоинствомъ университета онъ признавалъ образованіе въ нѣдрахъ его ученыхъ обществъ и на печатаніе трудовъ ихъ для распространенія въ обществѣ опредѣлялъ особыя суммы; профессора должны были пополнять курсы свои новыми открытіями, сдѣланными въ другихъ странахъ Европы; ежемѣсячно должны были назначаться особыя засѣданія совѣта, въ которыхъ профессора и почетные члены подъ предсѣдательствомъ ректора разсуждали бы о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, къмѣ-либо изъ нихъ исполненныхъ. Для поощренія научныхъ изслѣдованій совѣтъ ежегодно обязанъ былъ предлагать темы для конкурса съ денежнымъ вознагражденіемъ. Той же научной цѣли должны были служить почетные члены, избираемые университетомъ; заграничные члены-корреспонденты получали даже вознагражденіе за свой трудъ. Университетскіе акты должны были являться средствомъ для распространенія научныхъ свѣдѣній въ обществѣ: здѣсь читались профессорами рѣчи, отзывы о конкурсныхъ сочиненіяхъ. Наконецъ, университетъ обязанъ былъ заботиться и о составленіи своей исторіи. Такія широкія научныя задачи ставилъ уставъ 1804 г. университету. ✓

Другіе параграфы устава касались преподаванія. Для того чтобы обезпечить себя преподавателями, совѣтъ черезъ каждые два года долженъ былъ избирать изъ своихъ магистровъ по 2 человека для отправленія съ ученою цѣлью на 2 года за границу; выражалось желаніе, чтобы профессора, въ особенности словесныхъ, философскихъ и юридическихъ наукъ установили со студентами бесѣды, въ которыхъ бы причасти ихъ къ свободному изъясненію своихъ мыслей. Нынѣшніе факультеты назывались отдѣленіями, и такихъ отдѣленій было 4—словесное (нын. историко-филологическій факультетъ), этико-политическое (нын. юридическій), математическое и врачебное. Отдѣленія вѣдали слѣдующія дѣла: составляли распредѣленіе лекцій, производили экзамены, разсматривали рѣчи и сочиненія, назначали темы для конкурсныхъ работъ, разсматривали смѣту средствъ на нужды отдѣленія, разсуждали о предложеніяхъ, внесенныхъ деканомъ или ректоромъ. Постановленія отдѣленій вносились на утвержденіе совѣта. Такимъ образомъ,

дѣтельность отдѣленій касалась исключительно научной и преподавательской сферы, но не носила вполнѣ самостоятельнаго характера, а была подчинена контролю совѣта.

Университетское самоуправленіе было организовано такъ. Во главѣ всѣхъ органовъ университетскаго самоуправленія стоялъ совѣтъ, въ которомъ рѣшающій голосъ имѣли только ординарные профессора, и вслѣдствіе этого онъ былъ сравнительно немногочисленъ. Засѣданія совѣта были ежемѣсячныя, а въ случаѣ надобности могли быть еще и экстренныя. Черезъ каждые полгода совѣтъ общимъ рапортомъ докладывалъ попечителю о своей дѣтельности, а въ концѣ года доставлялъ общую вѣдомость; обо всякомъ же чрезвычайномъ случаѣ нужно было сообщать немедленно. Къ текущей дѣтельности совѣта относились: избраніе преподавателей, почетныхъ членовъ; изысканіе способовъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ, разсужденія о предложеніяхъ начальства; рѣшеніе дѣлъ, переносимыхъ изъ училищнаго комитета; разсмотрѣніе тяжёбныхъ дѣлъ, переносимыхъ изъ правленія, и т. п.; разъ въ годъ совѣтъ разсматривалъ всѣ денежные счета, представляемые ректоромъ за подписью кассира и бухгалтера; для предметовъ, требовавшихъ особенно внимательнаго изслѣдованія, назначались особыя коммисіи. Выборъ преподавателей долженъ былъ производиться такъ: если извѣстная каѳедра дѣлалась вакантною, то каждый профессоръ даннаго факультета имѣлъ право предложить совѣту своего кандидата и представить о немъ необходимыя данныя; если кандидатъ находился въ Харьковѣ, то самъ обязанъ былъ доставить свои сочиненія и общее разсужденіе о своей наукѣ—объ ея успѣхахъ, современномъ состояніи, способѣ преподаванія, ея представителяхъ; совѣтъ назначалъ срокъ для разсмотрѣнія сочиненій и для собранія данныхъ о нравственныхъ качествахъ соискателя, а выборы потомъ утверждались попечителемъ и министромъ. Ректоръ избирался совѣтомъ на 1 годъ, при чемъ баллотировкѣ подвергались всѣ его члены. Совѣтъ могъ удалять отъ должности всѣхъ чиновниковъ университета (не исключая и ректора) послѣ разслѣдованія дѣла въ правленіи, по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ и съ утвержденія начальства. Секретарь совѣта избирался изъ его членовъ.

Правленіе состояло изъ 4-хъ выборныхъ декановъ и непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ, и ректора, его предсѣдателя. Непремѣнный засѣдатель былъ ближайшимъ помощникомъ ректора въ дѣлахъ, касавшихся правленія и университетскаго суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ блюстителемъ законовъ и правилъ. Правленію принадлежала исполнительная и хозяйственная

власть. Въ его вѣдѣніи находился и университетскій судъ, имѣвшій 3 инстанціи: 1) единоличныи судъ ректора, какъ предсѣдателя правленія, или совмѣстный съ непремѣннымъ засѣдателемъ и такъ называемымъ синдикомъ (юристомъ-законникомъ); ректоръ могъ только заключить виновнаго на 3 дня подъ стражу; 2) коллегіальный судъ правленія, которое въ важныхъ случаяхъ могло усиливать свой составъ приглашеніемъ профессоровъ-юристовъ; въ окончательной формѣ оно могло произнести приговоръ не выше 14 дневнаго ареста; оно могло принимать жалобы и на ректора и представляло свое заключеніе попечителю; въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе производило только первоначальное слѣдствіе и затѣмъ препровождало его въ соответственное присутственное мѣсто, гдѣ, въ качествѣ депутата отъ университета, долженъ былъ присутствовать синдикъ; 3) судъ совѣта, откуда можно было апеллировать только въ Сенатъ. Сфера прямого, непосредственнаго вліянія университета выходила однако далеко за его стѣны. Въ его вѣдѣніи были всѣ среднія и низшія училища, а также частныя пансіоны въ предѣлахъ всего учебнаго округа. Среднее, низшее и высшее образованіе, по мысли законодателя, должны были находиться между собою въ органической связи; отсюда и возникла зависимость гимназій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ отъ университетовъ и широкая административно-педагогическая дѣятельность этихъ послѣднихъ. Университетъ обязанъ былъ прилагать особую заботу объ учрежденіи въ своемъ округѣ училищъ, о пополненіи преподавательскаго персонала ихъ свѣдущими и хорошими учителями, о снабженіи ихъ учебными пособіями, о назначеніи для нихъ директоровъ, штатныхъ и почетныхъ смотрителей. Всѣми этими дѣлами долженъ былъ вѣдать особый училищный комитетъ, состоявшій изъ 6 ординарныхъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора. Его обязанности были очень серьезны и сложны: онъ получалъ донесенія отъ директоровъ, самъ собиралъ свѣдѣнія о состояніи училищъ при посредствѣ такъ называемыхъ визитаторовъ, т. е. особо для того командированныхъ на мѣста профессоровъ, удалялъ отъ должности неисправныхъ, награждалъ достойныхъ, однимъ словомъ— вѣдалъ учебной и хозяйственной стороной жизни училищъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ округа, обнимавшаго тогда Малороссію, Донъ, Крымъ и Кавказъ, одно время даже юго-западный край. Съ другой стороны, университетъ стоялъ во главѣ и всей умственной жизни этого же раіона, потому что ему принадлежала цензура всѣхъ книгъ, печатавшихся въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Этимъ дѣломъ долженъ былъ вѣдать цензурный комитетъ, состоявшій изъ четырехъ декановъ. Комитетъ могъ, впрочемъ, приглашать для отзыва

и спеціалистовъ; апелляціонной инстанціей для недовольныхъ являлся совѣтъ университета и главное правленіе училищъ (въ Петербургѣ). Въ университетскую библіотеку и лично профессорамъ можно было выписывать всѣ книги, но цензурный комитетъ долженъ былъ отмѣтить въ библіотечномъ каталогѣ тѣ изъ нихъ, которыя не могли выдаваться постороннимъ лицамъ.

Изъ этого видно, что уставъ 1804 года явился результатомъ просвѣдательныхъ, либеральныхъ и гуманныхъ началъ, которыми проникнуты были лучшіе дѣятели западно-европейскаго общества и университетовъ, а вмѣстѣ съ ними имп. Александръ. Правда, уставъ этотъ отличался теоретическимъ характеромъ и мало считался съ условіями русской дѣйствительности; но не слѣдуетъ забывать, что русскіе университеты не имѣли корней въ нашемъ историческомъ прошломъ и, такимъ образомъ, сама жизнь должна была сдѣлать ему испытаніе; огромнымъ же достоинствомъ его было то, что онъ не стѣснялъ ни университетской науки, ни университетскаго самоуправленія и, такимъ образомъ, могъ вызвать къ общественной дѣятельности всѣ живыя силы профессорской корпораціи и создать мало-по-малу добрую университетскую традицію, подъ вліяніемъ иностранныхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ-за границы. Этотъ вызовъ иностранцевъ былъ необходимъ, особенно на первыхъ порахъ—Россія часто должна была обращаться къ роднику знаній—Западной Европѣ,—но уставъ 1804 г. сдѣлалъ въ этомъ отношеніи одну чрезвычайно справедливую и разумную оговорку: при избраніи адъюнктовъ «природные россияне, нужные знанія и качества имѣющіе, должны были быть предпочитаемы чужестраннымъ».

Таковъ былъ уставъ 1804 года, дѣйствовавшій до 1835 года. Но этотъ уставъ, къ сожалѣнію, очень скоро подвергся измѣненіямъ, которыя расшатали его устои и въ корнѣ измѣнили его духъ и характеръ. Всѣ эти измѣненія были вызваны тѣми переменами въ отношеніи къ университетамъ, которыя происходили въ высшихъ правящихъ сферахъ и отражались также на взглядахъ и дѣятельности мѣстныхъ органовъ учебнаго управленія, а отчасти и самихъ дѣятелей университета.

Уже съ 1811 года началось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія нѣкоторое недовѣріе къ широкой университетской автономіи. Но рѣшительный переломъ въ самомъ имп. Александрѣ произошелъ подъ вліяніемъ отечественной войны 1812 года: тяжкія народныя бѣдствія, «судъ Божій» на сѣвѣнныхъ поляхъ русскихъ вызвали у него глубокой искренній порывъ піэтизма на мистической подкладкѣ. Но этотъ же піэтизмъ явился для многихъ тогдашнихъ дѣятелей только средствомъ для достиженія личнаго вліянія; у нихъ, вмѣсто истиннаго

благочестіа, было только лицемѣріе и ханжество, и они старались насаждать благочестіе въ обществѣ чисто внѣшними средствами. На этой почвѣ выросъ и священный союзъ, имѣвшій своими косвенными послѣдствіями тяжкую реакцію во всей Европѣ и въ Россіи: онъ привелъ къ реорганизации народнаго образованія на религіозной основѣ и расширенію дѣятельности библейскихъ обществъ. Во главѣ ихъ стоялъ новый министръ народнаго просвѣщенія, смѣнившій А. К. Разумовскаго, кн. А. Н. Голицинъ; въ нихъ также нашли себѣ надежный пріютъ реакція и обскурантизмъ. Важнѣйшимъ актомъ этого періода было превращеніе министерства народнаго просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (въ 1817 году). Это было сдѣлано для того, «чтобы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Ученый комитетъ, основанный въ это время при главномъ правленіи училищъ, поднималъ настоящее гоненіе на самые скромные ученые труды и учебники; даже прописи въ это время были приспособлены къ новому курсу; нашли «опасныя мѣста» и хотѣли уничтожить даже офиціальныя органы министерства «Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», — какъ вредное наслѣдіе прежней эпохи. Съ наибольшею силою реакція въ отношеніи къ университетамъ проявилась въ дѣятельности Казанскаго попечителя Магницкаго и Петербургскаго Рунича. Магницкій писалъ: «профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаешь его по всей Европѣ. Счастлива была бы Россія, ежели бы можно было такъ оградить ее отъ Европы, чтобы и слухъ о происходящихъ тамъ неистовствахъ не достигалъ до нея». Магницкій, видимо, забылъ драгоценный завѣтъ русскаго гения, Ломоносова, который говорилъ, что «правда и вѣра двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя»... «Не здраво разсудителенъ математикъ, если онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтыри научиться можно астрономіи и химіи». Усиливаясь изъ науки дѣлать орудіе для своихъ цѣлей, реформаторы, частію безсознательно, а частію сознательно, такъ же поступали и съ религіей. По словамъ Шишкова, «нравственный развратъ росъ и усиливался; ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и челоуѣколюбія, умѣло вползати въ сердца и заражати ихъ ядомъ». Изгнаніе лучшихъ преподавателей, въ которыхъ такъ нуждались наши университеты, и назначеніе на ихъ мѣсто людей малосвѣдущихъ, но прикинувшихся благонамѣренными, понизило уровень научнаго образованія... «Все зло состояло въ томъ, что чистую и святую идею религіи упо-

требляли во зло, а чѣмъ чище и святѣе идеи, тѣмъ поразительнѣе ея злоупотребленіе». Общество было терроризировано и деморализировано новой системой. «Юноши», говорилъ знаменитый Парротъ, разбирая инструкцію Магницкаго, «которымъ въ каждой лекціи исторіи, физики, философіи, медицины, древнихъ языковъ и т. п. говорятъ о религіи, и только о религіи,—кончатъ тѣмъ, что почувствуютъ къ ней холодность. Что же касается до профессоровъ, за которыми постоянно слѣдитъ ректоръ съ цѣлю убѣдиться въ запасѣ ихъ религіознаго чувства, дабы выгнать ихъ, какъ скоро ему покажется, что запасъ этотъ недостаточенъ, то съ какимъ настроеніемъ будутъ говорить они о религіи милосердной, отвергающей всякое лицемѣріе и насилие и желающей господствовать лишь любовью и истиной». Онъ вооружался также противъ излишняго надзора и находилъ, что студентъ, котораго держали, такъ сказать, въ пеленкахъ въ университетѣ, могъ сдѣлаться или негодяемъ или автоматомъ, неспособнымъ ни къ какой самостоятельной дѣятельности. Напротивъ, говорилъ онъ, нужно предоставить юношѣ свободу, подъ надзоромъ, который не стѣснялъ бы, а главное—не представлялъ бы ничего унижительнаго. А между тѣмъ все, противъ чего возставалъ Парротъ, строго примѣнялось въ дѣйствительности во всѣхъ тогдашнихъ университетахъ въ министерство кн. А. Н. Голицына.

Но и эта реакція была признана недостаточной, и главою министерства народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ извѣстный Шишковъ. Одинъ обскурантизмъ пострадалъ отъ другого, менѣе замысловатаго, такъ сказать, русскаго, доморощеннаго, представителями котораго были архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій, митрополитъ Серафимъ, Аракчеевъ, Магницкій и Шишковъ. Первый былъ ханжа, фанатикъ и лукавый обманщикъ и заявилъ импер. Александру, что ему свѣше было открыто о необходимости немедленнаго удаленія отъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына. Шишковъ былъ настоящій ревнитель русской старины въ жизни, націоналистъ-ретроградъ. Кн. Голицынъ уничтожалъ свободу мысли; Шишковъ съ Фотіемъ стали истреблять и свободу совѣсти, противъ которой не выступалъ кн. Голицынъ. Слепо вѣруй, ни о чемъ не разсуждай—такова въ сущности была его программа. Онъ приготовилъ манифестъ, въ которомъ рѣзко осуждалась вся прежняя дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія съ кн. Голицынымъ во главѣ: «истинное просвѣщеніе», говорилось тамъ, «состоитъ въ страхѣ Божіемъ и смиренномъ разумѣ»; «сколько ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для человѣческаго рода послѣдствій». Но Шишкову не удалось долго удержаться на своемъ посту: имп. Александръ не рѣшился публично осудить дѣятельность

своего личнаго друга, кн. А. Н. Голицына, имп. Николай также указаль свой особый путь въ дѣлѣ воспитанія русскаго юношества.

Хотя восшествіе его на престолъ сопровождалось бунтомъ декабристовъ, но онъ посмотрѣлъ на этотъ послѣдній, какъ на заразу, привнесенную извнѣ,—и рѣшилъ воспитывать учащуюся молодежь въ духѣ православія, самодержавія и народности. Этотъ принципъ былъ ясно провозглашенъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, долго занимавшимъ этотъ постъ и смѣнившимъ въ 1833 году кн. Ливена, 5 лѣтъ бывшаго министромъ послѣ Шишкова, ушедшаго въ 1828 году. Какъ видимъ, Уваровъ выдвинулъ принципъ славянофиловъ, но это не было чистое славянофильство: здѣсь господствовала идея государственности, проникавшая собою всецѣло и идею народности. Общественный элементъ совершенно исключался. «Только правительство», писалъ Уваровъ, имѣть всѣ средства знать и высоту успѣховъ всемірнаго образованія, и настоящія нужды отечества». Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, лучшія общественныя стремленія замерли и люди, истинно просвѣщенные, благородные, любившіе Россію и желавшіе ей прогресса, нравственно страдали въ это время и состояніе общества было апатичное и бездѣтельное. «Причина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ», пишетъ подъ 1834 годомъ въ своемъ дневникѣ Никитенко, «въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни учебной администраціи, они однако до того затруднили насъ цензурою, частыми преслѣдованіями и общимъ направленіемъ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія... что солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать,—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло». Такова была эволюція взглядовъ правительства на дѣло высшаго образованія и она, конечно, должна была найти себѣ отраженіе и у мѣстныхъ представителей учебнаго вѣдомства.

Выразителемъ взглядовъ первой либеральной эпохи министерства въ Харьковѣ былъ попечитель гр. С. О. Потоцкій, который много

способствовалъ развитію и процвѣтанію основаннаго при немъ Харьковскаго университета. Хотя, по дѣйствовавшимъ тогда правиламъ, онъ не проживалъ постоянно въ Харьковѣ, а только наѣзжалъ туда и управлялъ университетомъ, такъ сказать, издалека, но это не отражалось неблагоприятно на университетской жизни, которой предоставлена была широкая свобода: попечитель не вмѣшивался въ детали, ему принадлежало только общее наблюденіе надъ университетомъ—но это-то и имѣло прекрасныя послѣдствія: попечитель внимательно слѣдилъ за дѣятельностію органовъ университетскаго самоуправленія, чтобы они не отступали отъ устава, не нарушали справедливости и пользы университета, разрѣшалъ возникавшія недоразумѣнія, поддерживалъ отношенія съ мѣстнымъ обществомъ и былъ авторитетнымъ и благожелательнымъ истолкователемъ нуждъ и потребностей университета передъ министерствомъ, хранителемъ и защитникомъ прерогативъ и правъ, дарованныхъ университету закономъ. Въ самые послѣдніе годы, не безъ вліянія новой министерской политики, измѣнилось и отношеніе гр. С. О. Потоцкаго къ Харьковскому университету: вмѣсто прежняго живого увлеченія мы замѣчаемъ абсентеизмъ, разочарованіе и равнодушіе; очевидно, этому просвѣщенному вельможѣ, съ независимымъ и прогрессивнымъ образомъ мыслей, не хотѣлось приспособляться къ «новому курсу»; онъ остался при тѣхъ убѣжденіяхъ, какія имѣли всѣ друзья юности Имп. Александра, въ числѣ коихъ былъ и онъ. Имп. Александръ, хотя лично и охладѣлъ къ нему, но, увольняя его въ отставку въ 1817 году, далъ ему рескриптъ, въ которомъ отмѣтилъ его выдающуюся дѣятельность на пользу Харьковскаго университета, «открытаго его попеченіемъ» и на благо другихъ училищъ округа.

Его преемникомъ былъ З. Я. Карнѣевъ, вице-президентъ Библейскаго общества, ближайшій помощникъ кн. А. Н. Голицына, вполне подходившій, слѣдовательно, къ новому курсу. Образование его было незначительно; раньше занималъ онъ должности военныя и гражданско-административныя (былъ губернаторомъ) и подготовки къ учебной дѣятельности не имѣлъ; при назначеніи на постъ попечителя былъ уже въ очень преклонномъ возрастѣ; твердости характера не имѣлъ. Сдѣлавшись попечителемъ, З. Я. Карнѣевъ немедленно сталъ насаждать въ университетѣ тотъ піэтизмъ, проводникомъ котораго былъ его патронъ кн. А. Н. Голицынъ. Инспекторъ студентовъ со своими помощниками, по его распоряженію, долженъ былъ каждое воскресенье и праздникъ читать студентамъ и кандидатамъ передъ обѣднею въ залѣ по главѣ изъ евангелія и апостольскихъ посланій съ краткимъ объясненіемъ ихъ. Эти первые шаги попечителя встрѣтили немедленное одобреніе и со сто-

роны министра, и со стороны государя, посѣтившаго Харьковскій университетъ въ 1817 году. Впрочемъ, относительно студентовъ онъ самъ замѣчалъ, что только очень немногіе искренно ревнуютъ евангелію и богослуженію; большинство же ходитъ въ церковь, боясь взысканій; смущали его также профессора-иностранцы, которыхъ нельзя было превратить въ истинно вѣрующихъ, т. е. православныхъ. А между тѣмъ другихъ средствъ для насажденія вѣры и благочестія, кромѣ внѣшнихъ, онъ не примѣнялъ; по энергіи дѣятельности онъ при этомъ далеко уступалъ своимъ образцамъ Магницкому и Руничу. Въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, носившихъ характеръ душеспасительныхъ посланій, христіанское благочестіе профессоровъ и студентовъ онъ ставилъ въ непосредственную связь съ волею высшаго начальства; но вышею профанаціей чистаго христіанскаго ученія было то, что онъ прибавку жалованья профессорамъ поставилъ въ зависимость отъ насажденія среди нихъ христіанскаго благочестія. И вотъ нѣкоторые профессора, желая угодить своему начальнику, приводили на лекціяхъ кстати и некстати тексты изъ Священнаго писанія; у самого попечителя, по свидѣтельству современника, происходили собранія мистиковъ или, вѣрнѣе, людей, притворявшихся таковыми пользы ради; здѣсь бывали Дудровичъ, Байковъ, Артемовскій-Гулакъ и др. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности письмоводитель его Подвысоцкій, руководили и имъ самимъ, и дѣлами округа. Попечитель рекомендовалъ особенному вниманію университета мистическую книгу Дюгу «Божественная философія», переведенную на русскій языкъ его племянникомъ и преемникомъ по должности попечителя Е. В. Карнѣевымъ, изданную на средства государя. Характерно, что строгій ревнитель православія Шишковъ далъ о ней заключенію государю, какъ о чрезвычайно вредномъ, безбожномъ, богохульномъ сочиненіи. Осудилъ ее и В. Н. Каразинъ, заявившій, что изданіемъ подобныхъ сочиненій мы «переселяемся добровольно и всѣми силами въ вѣка самаго мрачнаго суевѣрія и невѣжества» и что «въ нынѣшнемъ вѣкѣ это все не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ сдѣлать религію и правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей». Еще будучи вице-президентомъ Библейскаго общества въ Петербургѣ, З. Я. Карнѣевъ обратился къ Харьковскому губернатору съ предложеніемъ объ учрежденіи отдѣленія общества въ Харьковѣ. Сдѣлавшись попечителемъ, онъ позаботился, при содѣйствіи Джунковскаго и Дудровича, объ открытіи отдѣленія студенческаго Библейскаго общества. Но характерно то, что З. Я. Карнѣевъ упустилъ изъ виду то, что дѣйствительно представляло явную аномалію: кафедра богословія была вакантна въ Харьковѣ

скомъ университетѣ до 1819 года, и позаботилось о занятіи ея само министерство народнаго просвѣщенія. Но несомнѣнно, что самую печальною страницей попечительства З. Я. Карнѣева является насильственное устраненіе отъ должности ректора и профессора Т. О. Осиповскаго—этого, по общему признанію, «свѣтила математическаго факультета». У власти, прикрываясь лицемеріемъ и ханжествомъ, «стали теперь худшіе элементы профессорской коллегіи. Выходя въ отставку, З. Я. Карнѣевъ хотѣлъ навязать Харьковскому университету тотъ печальный режимъ, который господствовалъ въ Казанскомъ университетѣ при Магницкомъ: онъ предлагалъ министру примѣнить его къ Харьковскому университету, сдѣлавъ директоромъ этого послѣдняго своего письмоводителя Подвысоцкаго. Къ счастью, это предложеніе было оставлено втуне.

Но З. Я. Карнѣеву удалось все-таки оставить по себѣ нравственнаго наслѣдника Харьковскому университету въ лицѣ племянника своего Е. В. Карнѣева (1822—1825 г.), который учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ и Московскомъ университетѣ, а потомъ служилъ въ военной и гражданской службѣ (но не по учебному вѣдомству). Онъ былъ однако болѣе энергиченъ и дѣловитъ, чѣмъ его дядя, и обратилъ главное вниманіе свое на хозяйственную часть университета и на контроль надъ преподаваніемъ профессоровъ, особенно же духомъ этого преподаванія. Но предложеніе его объ изданіи энциклопедическихъ обзорѣній профессорскихъ курсовъ было признано въ ученomъ комитетѣ министерства нераціональнымъ. Тотъ же ученый комитетъ не согласился съ его представленіемъ о реформѣ управленія Харьковскаго университета въ духѣ сокращенія его автономіи; попечитель предлагалъ, чтобы ректоръ не выбирался, а назначался начальствомъ и не только изъ профессоровъ, но и изъ постороннихъ чиновниковъ, чтобы онъ не имѣлъ права читать лекцій, хотя былъ бы изъ профессоровъ, и чтобы на немъ лежала полная отвѣтственность за университетъ, коего профессора и чиновники должны быть всецѣло ему подчинены на основаніи инструкціи, данной директору Казанскаго университета. Членъ ученаго комитета акад. Фусъ, возражая на представленіе Е. В. Карнѣева, между прочимъ, замѣчалъ, что власть ректора надъ профессорами опредѣлена уставами, по которымъ профессора не суть приказные «служители, но члены университетскаго совѣта, коего предсѣдатель есть ректоръ».... Фусъ высказался вообще противъ отступленій отъ устава 1804 г. «Вообще надлежитъ примѣчать», говорилъ онъ, «что такія частныя отступленія отъ общихъ началъ, служившихъ основою университетскимъ уставамъ, постепенно уничтожаютъ нужное однообразіе,

даже въ важнѣйшихъ частяхъ состава этихъ высшихъ учебныхъ заведеній и при томъ то, что опытомъ признано полезнымъ для прочихъ университетовъ, не можетъ быть вреднымъ для Харьковскаго». Однако Е. В. Карнѣеву удалось все-таки пробить первую брешь въ самоуправленіи Харьковскаго университета: забаллотированный совѣтомъ Джунковскій былъ оставленъ, по представленію попечителя, ректоромъ впредь до усмотрѣнія».

Новый попечитель Перовскій (съ 1825—по 1830-й годъ) нанесъ университетскому самоуправленію еще болѣе тяжкіе удары. Онъ получилъ прекрасное образованіе (окончилъ Московскій университетъ) и приобрѣлъ большую извѣстность въ качествѣ литератора (подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго). Онъ самъ просилъ должности попечителя у государя и главною обязанностью своею выставилъ воспитаніе молодежи въ духѣ вѣры и безпредѣльной преданности царю, «и въ этомъ», писалъ онъ, «едва ли кто его превзойдетъ»....

Ему, конечно, не трудно было проводить инструкцію, которая была дана ему Шишковымъ и въ основаніе которой была положена мысль, что «науки, изошряющія умъ, не составляютъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго»; затѣмъ особенное вниманіе, по этой инструкціи, нужно было обратить на внѣдреніе любви къ русскому языку, родинѣ, всему отечественному, на повиновеніе престолу и властямъ, на цензуру книгъ, въ которыхъ получили такую силу хитрые извороты разума, распространяющаго развратъ и невѣріе, ко вреду правительствъ и гражданскихъ обществъ. Хотя Перовскій и мало занимался дѣломъ и рѣдко проживалъ въ Харьковѣ, но, къ сожалѣнію, онъ свои выдающіяся способности и дѣятельность направилъ главнымъ образомъ на разрушеніе того строя, которымъ до тѣхъ поръ держался и могъ развиваться университетъ. Въ 1826 г. онъ вошелъ съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о предоставленіи попечителю, по своему усмотрѣнію, права приглашать профессоровъ—и на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Тогда же онъ ходатайствовалъ о назначеніи ректора начальствомъ безъ срока—и ректоромъ, по его представленію, былъ назначенъ Кронебергъ «до изданія новаго устава для университетовъ». Такъ же властно держалъ себя Перовскій и въ дѣлѣ выбора почетныхъ членовъ, официально приказывая совѣту (чего не имѣлъ права дѣлать) избирать угодныхъ ему лицъ. Такимъ образомъ, не трогая устава 1804 г., Перовскій въ сущности упразднилъ основанную на немъ автономію Харьковскаго университета.

Преемникомъ Перовскаго былъ В. И. Филатьевъ (съ 1830 по 1833-й годъ). Это былъ человѣкъ, лишенный какого бы то ни было

образованія, а между тѣмъ онъ взялъ на себя непосильную для него задачу замѣщенія вакантныхъ каѳедръ: руководствовался онъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ требованіями благонамѣренности. Между прочимъ, онъ стяжалъ себѣ печальную извѣстность приглашеніемъ на каѳедру философіи Чанова, не имѣвшаго никакого научнаго ценза и занимавшаго нѣкоторое время раньше должность околоточнаго надзирателя. Неудивительно, что время его управленія совпадаетъ съ наибольшими смутами въ Харьковскомъ университетѣ: при немъ въ 1833 году послѣдовалъ доносъ государю на университетъ проф. Венедиктова; министру былъ отправленъ другой доносъ на самого Филатьева; и въ одномъ, и въ другомъ были сдѣланы многочисленныя указанія на внутренніе безпорядки: авторъ второго, приведя рядъ фактическихъ указаній на неудачные выборы имъ преподавателей, заявлялъ: «таковыя распоряженія Филатьева произвели величайшее неудовольствіе во всѣхъ факультетахъ и обозначаютъ явное пренебреженіе къ существенной цѣли возложеннаго на него попечительства или сомнительную образованность». Некрасива была роль попечителя и въ дѣлѣ профессора архитектуры Васильева, отстраненнаго имп. Николаемъ Павловичемъ отъ должности за оказавшуюся въ библиотечной залѣ трещину.

Не смотря на большія строгости, проступки студентовъ при немъ увеличились. Правда, самъ Филатьевъ былъ высокаго мнѣнія о пользѣ, принесенной имъ университету, но онъ или искренно заблуждался, или желалъ такимъ образомъ получить при отставкѣ возможно болѣе награды. Министръ же народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ въ своемъ докладѣ имп. Николаю Павловичу по доносу Венедиктова высказалъ очень неблагоприятное заключеніе какъ о Харьковскомъ университетѣ, такъ и о Филатьевѣ, котораго онъ считалъ необходимымъ замѣнить другимъ способнымъ лицомъ. «Не утруждая Ваше Величество», писалъ Уваровъ, «продолжительнымъ изложеніемъ всѣхъ предъидущихъ обстоятельствъ въ исторіи этого университета, долженъ я откровенно сказать, что изъ университетовъ нашихъ Харьковскій менѣе всѣхъ приблизился къ своей цѣли и даже нынѣ начинаетъ отставать отъ прочихъ въ новомъ ихъ направленіи къ обновленію, болѣе или менѣе уже замѣтномъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Причины этого слѣдующія: 1) неудовлетворительное состояніе всѣхъ гимназій, исключая Полтавской; 2) духъ партій и непрерывный раздоръ между профессорами и чиновниками во все время существованія университета; 3) неспособность высшихъ начальниковъ; 4) необращеніе вниманія на приготовленіе способныхъ учителей; 5) несоразмѣрность штатовъ съ постепеннымъ возвышеніемъ всѣхъ цѣнъ на потребности жизни; 6) происходящій отъ

всѣхъ этихъ причинъ духъ унынія, слабости, небреженія къ должностямъ, со всѣми признаками моральнаго упадка». Сказавши о томъ, что и попечитель, ректоръ и нѣкоторые профессора, явившись въ Петербургъ, заявляли, что университетъ не процвѣтаетъ, Уваровъ далѣе прибавлялъ, что для исправленія всего «необходимо нуженъ начальникъ, умѣющій соединять съ твердостью нрава навыкъ обходиться съ людьми; начальникъ, поставленный довольно высоко въ общемъ мнѣніи, чтобы казаться въ глазахъ подчиненныхъ не только справедливымъ исполнителемъ воли высшаго правительства, но и ходатаемъ, и заступникомъ предъ нимъ, словомъ, — безпристрастнымъ цѣнителемъ и трудовъ, и слабостей своихъ подчиненныхъ».

Этими требованіями и обусловленъ былъ выборъ новаго попечителя, и онъ палъ на личнаго друга имп. Николая чрезвычайно богатаго, заслуженнаго вельможу, оберъ-камергера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, бывшаго полномочнаго резидента-министра при Вѣнскомъ дворѣ, кавалера ордена Андрея Первозваннаго, графа Юрія Александровича Головкина. Этотъ послѣдній принялъ новую должность изъ самыхъ чистыхъ мотивовъ — изъ патріотическаго чувства, которое побуждало его посвятить закатъ своихъ дней и столь полезному для государства дѣлу, какъ народное образованіе, и тому учрежденію (Харьковскому университету), о поднятій котораго заботился его царственный другъ, имп. Николай Павловичъ. Въ письмѣ къ ректору Кронебергу онъ, между прочимъ, писалъ, что принялъ должность попечителя, имѣя въ виду, съ помощью просвѣщенныхъ и ученыхъ мужей, составляющихъ Харьковскій университетъ, оставить по себѣ память въ потомствѣ. И дѣйствительно, не смотря на свой преклонный возрастъ, Ю. А. Головкинъ очень серьезно занялся университетскими дѣлами, проявляя постоянно истинно-отеческое попеченіе объ учащихъ, заботу о нуждахъ университета и истинное уваженіе къ профессорамъ, какъ дѣятелямъ науки. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ проявился аристократизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, выражавшійся въ благородствѣ мыслей, чувствъ, намѣреній и поступковъ, въ одинаково ровномъ, привѣтливомъ обращеніи со всѣми. Наконецъ, познакомившись лично съ нуждами и потребностями университета, онъ выступилъ энергичнымъ ходатаемъ за него передъ министерствомъ. Но характерно здѣсь то, что, въ противоположность всѣмъ своимъ предшественникамъ, онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не единолично и не подъ вліяніемъ какихъ-либо случайныхъ совѣтниковъ, а сообщая со всей профессорской коллегіей. «Дабы поближе познаться съ настоящимъ состояніемъ образованія въ Харьковскомъ

университетѣ», писалъ онъ министру, «и удобнѣе узнать разныя потребности его, я употребилъ два средства, доселѣ не бывшія въ употребленіи въ здѣшнемъ университетѣ, а именно—предписалъ сдѣлать публичное испытаніе студентамъ и завелъ у себя частныя засѣданія каждаго факультета отдѣльно»; «эти засѣданія доставили мнѣ возможность лично познакомиться съ дарованіями, способностями и ученостью каждаго изъ профессоровъ». О самомъ университетѣ гр. Головкинъ вынесъ такое впечатлѣніе: «нѣтъ сомнѣнія, что университетъ имѣетъ средства къ образованію; но они нынѣ не совершенно достаточны, и, дабы возвратить ему прежнее цвѣтущее состояніе, необходимо сдѣлать многія измѣненія и расширить его учрежденія». Далѣе слѣдуютъ указанія на эти измѣненія и усовершенствованія. Съ проектомъ реформъ выступилъ также и помощникъ попечителя гр. Панинъ, назначенный на этотъ постъ еще при Филатьевѣ, въ 1833 году. Очевидно, старый режимъ требовалъ обновленія, если о немъ такъ настойчиво говорили и попечитель, основываясь на заявленіяхъ факультетовъ, и непосредственно стоявшіе у дѣла сами университетскіе дѣятели (ректоръ Кронбергъ выступилъ съ цѣлымъ проектомъ реформъ). Проектировалось освобожденіе профессоровъ отъ административной дѣятельности для поднятія ихъ научнаго уровня, улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учреждений университета, учрежденіе педагогическаго института, возведеніе необходимыхъ построекъ, новое распредѣленіе предметовъ и въ частности раздѣленіе физико-математическаго факультета на 2 отдѣленія—математическое и естественное, замѣщеніе вакантныхъ кафедръ и мн. др.

Во всякомъ случаѣ, съ назначеніемъ Ю. А. Головкина, въ Харьковскомъ университетѣ замѣчается пробужденіе, начинается чувствоваться пульсъ живой общественной дѣятельности, почти было замершій при прежнихъ попечителяхъ, съ ихъ исключительно бюрократическимъ и автократическимъ направленіемъ. Къ сожалѣнію, система прежняго управленія, установившагося послѣ С. О. Потоцкаго и дѣйствовавшая 16 лѣтъ, принесла свои плоды—привела къ ослабленію научной дѣятельности, ко всеобщему равнодушію въ сферѣ общественныхъ идеаловъ и господству узкихъ эгоистическихъ интересовъ. И тщетны были усилія гр. Головкина и гр. Панина пробудить совершенно профессоровъ отъ этой спячки, вывести Харьковскій университетъ изъ состоянія упадка, тѣмъ болѣе что и министерство не удовлетворило почти ни одного изъ тѣхъ ходатайствъ, съ которыми обращались къ нему гр. Головкинъ и гр. Панинъ: оно откладывало ихъ разрѣшеніе до общаго разсмотрѣнія новаго университетскаго устава. Такимъ образомъ, первые шаги дѣятельности гр. Ю. А. Головкина въ смыслѣ реформы до

1835 г., можно сказать, пробудили только надежды на лучшее будущее, но зато уничтожили тяжелую атмосферу для профессоров и студентов, которая царила въ немъ раньше, при прежнихъ попечителяхъ: всѣмъ стало легче жить и дышать при добромъ, гуманномъ Головкинѣ. Къ счастью, онъ еще долго оставался на своемъ посту, хотя злосчастное дѣло проф. Венедиктова—результатъ прежнихъ нестроений—едва не вынудило его выйти въ отставку. Онъ требовалъ удаленія Венедиктова изъ Харьковскаго университета, очевидно, желая освободить этотъ послѣдній отъ безпокойнаго доносчика, но встрѣтилъ противоdѣйствіе со стороны Уварова и остался только благодаря резолюціи, положенной по этому дѣлу имп. Николаемъ Павловичемъ.

Таковы были тѣ воздѣйствія, которыя оказывали на университетское самоуправленіе попечители Харьковскаго учебнаго округа сами непосредственно или посредствомъ высшаго учебнаго начальства. Воздѣйствія эти, какъ мы видѣли, были, къ сожалѣнію, преимущественно отрицательнаго характера. Ознакомившись съ уставомъ 1804 г. и послѣдовавшими отступленіями отъ него, а также съ тѣмъ вліяніемъ, какое оказывали на него представители мѣстной учебной власти, мы теперь можемъ перейти къ рѣшенію основнаго вопроса о томъ, какъ примѣнялся уставъ 1804 года Харьковскимъ университетомъ на дѣлѣ, или, иными словами, каково было университетское самоуправленіе въ дѣйствительности. Изучая на основаніи многочисленныхъ матеріаловъ исторію этого самоуправления въ первые 30 лѣтъ университетской жизни, мы замѣчаемъ, что въ первые годы, «либеральную эру» царствования имп. Александра, оно дало прекрасные плоды—это былъ «золотой вѣкъ» въ исторіи Харьковскаго университета, а въ послѣдующую эпоху реакцій внутренняя дѣятельность университета стала ослабѣвать въ своей эвергіи, напряженности и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ клониться къ упадку.

Главнымъ органомъ университетскаго самоуправления былъ совѣтъ. Составъ его былъ немногочисленный, и потому члены его несли дѣйствительно тяжелый трудъ. Засѣданія совѣта были очень часты. Такъ, въ 1805 году было 41 засѣданіе, въ 1806 году—40, въ 1807—48, въ 1808—42, въ 1809—42, въ 1810—39, въ 1811—53, въ 1812—49, въ 1814—47. Главною функціею совѣта были выборы, которые въ общемъ были удачны. Ректора въ началѣ выбирали только на годъ—и при такихъ условіяхъ проф. И. С. Рижскій занималъ ректорскую должность съ открытія университета въ теченіе 6-ти лѣтъ до самой своей смерти (съ промежуткомъ въ одинъ годъ, когда ректоромъ былъ избранъ Стойковичъ). А онъ былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ членовъ профессор-

ской коллегіи, какимъ и долженъ быть ректоръ—настоящій гестог magnificus—и по своей учености, и по умственнымъ, и по нравственнымъ качествамъ, и по тому уваженію, какое питали къ нему профессора, студенты и все Харьковское общество. Это почти безсмѣнное, при ежегодныхъ выборахъ, ректорство Рижскаго краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что выборное начало, свободное отъ внѣшняго давленія и произвола, привилось къ Харьковскому университету и дало прекрасные результаты: годичный срокъ не мѣшалъ совѣту избирать постоянно одно и то же достойное лицо. Послѣ смерти его ректоромъ былъ утвержденъ на 3 года Стойковичъ, обратившійся съ личнымъ конфиденціальнымъ письмомъ къ министру народнаго просвѣщенія, который вошелъ съ докладомъ къ государю объ утвержденіи Стойковича ректоромъ на 3 года. Такимъ образомъ, онъ искалъ себѣ опоры не въ профессорской коллегіи, а въ министерствѣ. Это былъ человѣкъ огромной дѣловой энергіи и значительной научной продуктивности, которая, впрочемъ, не отличалась самостоятельнымъ характеромъ. Примыкая къ группѣ иностранныхъ профессоровъ и пользуясь ихъ поддержкою, онъ имѣлъ надъ ними то преимущество, что усвоилъ себѣ, въ качествѣ сербскаго славянина, русскій языкъ и легко освоился съ русскою жизнью. Къ сожалѣнію, онъ запятналъ себя корыстолюбіемъ и долженъ былъ оставить до истеченія трехлѣтняго срока ректорство, будучи изобличенъ проф. Васильевымъ въ безпошлинномъ провозѣ венгерскихъ винъ и другихъ товаровъ и продажѣ ихъ подчиненнымъ ему лицамъ и комиссіонерамъ. Въ преемники ему былъ избранъ снова достойнѣйшій дѣятель—краса и гордость математическаго факультета и всего университета, видный ученый и преподаватель, энергичный администраторъ, и, главное, необыкновенно стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ человѣкъ. И такого высоко полезнаго для университета дѣятеля не задумался безъ всякой причины устранить отъ должности попечитель З. Я. Карнѣвъ, нанеся этимъ чувствительную, вознаградимую потерю университету и тяжелый ударъ его самоуправленію. Т. О. Осиповскій, съ его свѣтлымъ и точнымъ умомъ, съ его явнымъ нерасположеніемъ къ мистицизму, съ его прямымъ и рѣшительнымъ характеромъ, съ его твердыми прогрессивными убѣжденіями, не могъ быть пріятель Карнѣву, потому что не желалъ сдѣлаться орудіемъ въ его рукахъ для проведенія новыхъ началъ въ университетѣ. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ Карнѣвъ искалъ только повода, чтобы освободиться отъ ненавистнаго ему сотрудника. Съ другой стороны, противъ Осиповскаго велась интрига со стороны профессоровъ, усвоившихъ себѣ «новый курсъ» З. Я. Карнѣва; одинъ

изъ нихъ Дудровичъ подалъ попечителю въ видѣ жалобы доносъ на Осиповскаго и въ немъ указывалъ на его образъ мыслей, противный началамъ вѣры и священнаго писанія, и на то, что онъ попечителя и самого министра народнаго просвѣщенія публично называлъ сумасшедшими мистиками. Наконецъ, и самъ Осиповскій, будучи однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Харьковскаго университета въ духѣ либеральныхъ идей первыхъ лѣтъ царствованія имп. Александра, съ прискорбіемъ видѣлъ, что теперь старались разрушить то, что прежде бережно культивировали, а именно—научное направленіе съ присущей ему свободой изслѣдованія. Онъ понималъ, что въ новой системѣ заключалась огромная опасность для университета, ибо она, объявивъ войну разуму, подкапывалась подъ самыя основы академической жизни, и для него, какъ представителя реального направленія и какъ ректора, это было особенно чувствительно. Не удивительно поэтому, что и онъ впалъ въ возбужденное состояніе духа, проявившееся въ нѣсколькихъ рѣзкостяхъ, которыми воспользовались его враги. З. Я. Карнѣевъ придрался къ тому, что онъ просилъ о предоставленіи ему за выслугу лѣтъ пенсіи и о порученіи чтенія по вакантной кафедрѣ астрономіи—и сдѣлалъ представленіе объ удаленіи его и отъ профессорства, и отъ ректорства въ 1820 году. Пенсію же онъ получилъ только черезъ 1½ года, послѣ подачи имъ особаго прошенія на Высочайшее имя. Преемникомъ Осиповскаго былъ Джунковскій, вѣрный слуга попечителя, избранный въ ректоры подъ прямымъ, непосредственнымъ давленіемъ этого послѣдняго. З. Я. Карнѣевъ, ходатайствуя объ утвержденіи его, рекомендовалъ его министру, какъ человѣка, могущаго быть примѣромъ благочестивой жизни и твердыхъ правилъ христіанской нравственности. Но въ дѣйствительности Джунковскій оказался плохимъ администраторомъ, благодаря слабости характера, безличности и вообще своей ничтожности. Самъ З. Я. Карнѣевъ, оставляя должность попечителя, не рекомендовалъ оставить у власти своего прежняго ставленника. Совѣтъ университета совершенно забаллотировалъ Джунковскаго при выборахъ ректора въ 1824 г., но попечитель Е. В. Карнѣевъ исходатайствовалъ назначеніе его министерствомъ вопреки мнѣнію совѣта, который на основаніи трехлѣтняго опыта призналъ его совершенно непригоднымъ. И что же? Какія послѣдствія имѣло здѣсь нарушеніе университетской автономіи? Новый попечитель округа Перовскій въ 1826 году вошелъ съ ходатайствомъ объ устраненіи Джунковскаго отъ ректорской должности, въ виду того что онъ не выказалъ потребной дѣятельности, вниманія, соображенія и силы характера, а обнаружилъ, наоборотъ, болѣзненность и излишнюю мягкость,—и о замѣнѣ его проф. Кронсбергомъ,

котораго совѣтъ избралъ еще въ 1824 году. Назначеніе Кронеберга дѣйствительно было удачное, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ былъ также и избранникомъ совѣта. По представленію Перовскаго, Кронебергъ въ 1826 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность ректора, а въ 1827 г., по ходатайству же Перовскаго, ректоромъ до изданія новаго устава. Отдавая должное выдающемуся уму Кронеберга, его способностямъ, энергіи, настойчивости, мы должны отнѣстись у него также черты самовластія по отношенію къ профессорской коллегіи. Очевидно, и онъ, подражая автократизму попечителя, стремился осуществить принципъ «власть идегъ» и хотѣлъ поставить значеніе ректора выше власти совѣта. Попечитель видѣлъ въ немъ вполне подходящаго для «новой, твердой власти ректора». Но и профессорская коллегія съ своей стороны не хотѣла примириться съ новыми порядками, упраздненными властью и значеніе, предоставленныя ей Высочайше утвержденнымъ и не отмѣненнымъ уставомъ 1804 года. На этой почвѣ происходила глухая борьба и столкновенія между ректоромъ и профессорами (Пауловичемъ). Все это дѣлало положеніе новаго ректора очень труднымъ. А онъ все-таки былъ настоящій университетскій дѣятель, талантливый ученый и благородный человѣкъ, — и вотъ въ 1829 году онъ самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, прошеніе, въ которомъ звучитъ нота грусти, обиды и разочарованія. Ректоромъ избранъ былъ Дудровичъ, принявшій эту должность въ виду желанія начальства. Сохранилось чрезвычайно характерное письмо его послѣ выбора къ попечителю, ярко рисуящее съ нравственно-общественной стороны его личность. «Усматривая изъ послѣдовавшаго ко мнѣ отзыва Александра Васильевича (Складовскаго, правителя канцеляріи попечителя), что вашему превосходительству угодно, дабы я никакъ не отклонялъ отъ себя выбора, и привыкши всегда повиноваться волѣ начальства, я охотно принимаю на себя эту новую для меня должность». Спрашивается, какой самостоятельности можно было ожидать отъ такого ректора? Впрочемъ, въ 1830 году онъ умеръ, и въ преемники его совѣтъ избралъ выдающагося, заслуженнаго дѣятеля проф. Н. И. Еллина (съ 1830 по 1833 г.), которому, при его слабомъ здоровьѣ, однако было трудно справляться съ тяжелою въ попечительство Филатьева ректорскою должностію и онъ вышелъ въ отставку. Преемникомъ его былъ снова призванный ко власти Кронебергъ, который могъ широко проявить свои таланты, энергію и дѣятельность при попечителѣ гр. Ю. А. Головкинѣ, выступивъ съ цѣлымъ рядомъ проектовъ, имѣвшихъ въ виду улучшеніе разныхъ сторонъ университетской жизни. Здѣсь шла рѣчь и о достиженіи полноты преподаванія, и о способахъ для поднятія

занятій студентовъ, и о средствахъ для поднятія сціентифическаго уровня профессоровъ, и о педагогическомъ институтѣ, и о гимназической подготовкѣ.

Такимъ образомъ, можно, кажется, сказать, что свободные совѣтскіе выборы ректора давали лучшіе результаты, чѣмъ назначенія на эту должность министерствомъ по указанію попечителей.

Что касается выбора другихъ дѣятелей университетскаго самоуправления (напримѣръ декановъ), то и здѣсь въ общемъ дѣло велось, повидимому, хорошо; репрессіи реакціонной эпохи не коснулись выбора декановъ. Въ должности декановъ мы видимъ въ первое десятилѣтіе такихъ выдающихся представителей факультетскаго преподаванія, какъ: Шадъ, Тимковскій, Стойковичъ, Шумлянскій, Дюгуровъ, Успенскій, Гизе, Книгинъ, Беленъ-де-Баллю. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ нужно признать незначительный составъ членовъ совѣта. Относительно секретарей факультета слѣдуетъ отмѣтить одну характерную и пріятную особенность: на эти должности избирались всегда младшіе члены факультетовъ, но исполненіе секретарской должности не давало, само по себѣ, права на выборы въ деканы, ибо въ основу этой послѣдней должности поставлена была не служебная выслуга, а должная авторитетность въ факультетѣ, нѣкоторая способность къ веденію учебно-воспитательнаго и отчасти хозяйственнаго дѣла, пониманіе высокихъ задачъ университета и соответствующій достоинству его независимый образъ дѣйствій въ вопросахъ, касающихся чести и достоинства учрежденія и его коллегіи. Конечно, это нисколько не исключало возможности для секретаря факультета сдѣлаться впоследствии деканомъ; но этого онъ могъ достигъ не путемъ служебной выслуги, а проявивъ, въ качествѣ профессора, свойства, необходимыя для декана. Послѣ 1815 года профессорская коллегія сильно уменьшилась въ своемъ составѣ, благодаря уходу профессоровъ иностраннаго происхожденія, невольному удаленію нѣкоторыхъ и т. п.,—и это обстоятельство отразилось крайне неблагопріятно на избраніи декановъ и другихъ должностныхъ лицъ. Въ 1820 году, напримѣръ, возможно было произвести выборы декана только на одномъ этико-политическомъ отдѣленіи, на другихъ же должны были остаться прежнія лица, потому что, кромѣ ихъ, другихъ ординарныхъ профессоровъ, могущихъ подвергнуться баллотировкѣ, не было; на этико-политическомъ отдѣленіи однажды некого было избрать въ секретари и эту должность временно исправлялъ профессоръ словеснаго отдѣленія Куницкій. Училищный комитетъ состоялъ изъ ординарныхъ профессоровъ, а во всемъ совѣтѣ было тогда только 6 человекъ (кромѣ проректора Джунковскаго и проф. Пильгера, ко-

торый, по слабости здоровья, ото всѣхъ должностей отказался). Далѣе идти по пути оскудѣнія было невозможно, а между тѣмъ именно въ этомъ году попечитель Карнѣевъ удалил Осиповскаго! Въ 1819 году также не изъ кого было выбирать декановъ. Въ 1821 г. министръ народного просвѣщенія сдѣлалъ запросъ попечителю, не слѣдуетъ ли допускать къ занятію нѣкоторыхъ должностей экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ. Попечитель обратился къ ректору Джунковскому, и тотъ указалъ на нѣкоторые изъ должностей, но съ тѣмъ, чтобы на нихъ назначало само начальство, а не выбиралъ совѣтъ; о допущеніи въ совѣтъ экстраординарныхъ профессоровъ, что было бы наиболѣе цѣлесообразно, указанія имъ сдѣлано не было. Такимъ образомъ, вмѣсто ежегоднаго обновленія коллегій, предполагавшагося уставомъ 1804 года, составъ ихъ оставался прежній, потому что не изъ кого было выбирать новыхъ членовъ. Такъ было въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ. Всѣ члены совѣта, волей неволей, независимо отъ своихъ способностей, вкусовъ и желаній, принуждены были занимать должности декановъ и членовъ разныхъ комитетовъ,—и, конечно, результаты подобнаго порядка вещей для интересовъ дѣла были очень печальные, тѣмъ болѣе что у дѣятелей университета эпохи реакціи не было уже той потребности общественнаго служенія, того бодрого настроенія, которымъ были воодушевлены профессора перваго десятилѣтія и которое давало имъ силы и энергію для исполненія ихъ сложныхъ и трудныхъ обязанностей. Даже и тѣ, кто дѣйствовалъ на пользу университета въ первое десятилѣтіе его существованія, теперь, подъ вліяніемъ суровой реакціи, стали вяло и апатично относиться къ тому, во что прежде вкладывали свою душу, потому что теперь нужно было работать въ пользу того, что они признавали вреднымъ для науки и университета.

Еще болѣе важною функціею дѣятельности былъ выборъ профессоровъ. Здѣсь опять мы замѣчаемъ существенную разницу между первымъ десятилѣтіемъ и послѣдующимъ двадцатилѣтіемъ. Вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ кафедръ представлялъ особенныя трудности для совѣта въ первые годы существованія университета, потому что русскихъ ученыхъ, которые бы удовлетворяли необходимымъ для занятія профессорской должности требованіямъ, почти не было,—и тѣмъ не менѣе совѣтъ весьма удачно справлялся со своей задачей. Заслуживаютъ величайшей признательности, во-1-хъ, его попытки привлечь въ Харьковскій университетъ выдающихся ученыхъ того времени; такъ были избраны или приглашаемы имъ—проф. Виртембергскаго университета Зейлеръ, проф. Эдинбургскаго университета Стевенсонъ, проф. Іенскаго

университета Гейнрихъ, проф. Іенскаго университета Георгъ, членъ Парижскаго національнаго института Пармантье, проф. Эрлангенскаго университета Гильдебрантъ, проф. Геттингенскаго университета Сарторіусъ, знаменитый русскій исторіографъ (на кафедре русской исторіи) Н. М. Карамзинъ, знаменитый юристъ Цезаріэ, лейпцигскій проф. Бурдахъ, первый оріенталистъ Германіи Вилькенъ; знаменитый Вольфъ, труды котораго составляютъ эпоху въ изслѣдованіи гомерическаго эпоса, рѣшился было уже на переѣздъ въ Харьковъ и даже подавъ въ отставку у себя на родинѣ, но былъ удержанъ рескриптомъ прусскаго короля, обѣщавшаго большія выгоды ученому, которымъ гордилась Германія. Переѣзду въ Харьковъ свѣтилъ европейской науки препятствовалъ цѣлый рядъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Харьковскій университетъ не могъ имъ предложить лучшихъ матеріальныхъ условій по сравненію съ остальными преподавателями, что постоянно практиковалось въ Германіи; другихъ останавливала отдаленность и захолустность Харькова, оторванность его отъ ученыхъ центровъ Зап. Европы, отсутствіе въ университетѣ хорошихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, незнаніе русскаго языка и русской жизни и т. п.

Всѣ эти лица не переѣхали въ Харьковскій университетъ; но совѣту въ первое десятилѣтіе удалось все-таки пригласить довольно значительное число иностранныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ и нѣсколько выдающихся. Сдѣйствіе совѣту оказывали въ этомъ дѣлѣ выдающіеся европейскіе ученые. Здѣсь съ гордостью можно указать на знаменитаго Гете, который былъ не только величайшимъ поэтомъ, но и замѣчательнымъ ученымъ и порекомендовалъ попечителю С. О. Потоцкому проф. Шада. Съ признательностью также слѣдуетъ вспомнить имена выдающихся ученыхъ того времени Мейнерса (историка западно-европейскихъ университетовъ) и Сарторія, которые взяли на себя трудъ рекомендовать Харьковскому университету достойныхъ преподавателей. Сарторій, между прочимъ, рекомендовалъ на кафедру математики знаменитаго профессора Марбургскаго университета Гауффа.

Изъ-за границы совѣтъ Харьковского университета пригласилъ на разныя кафедры слѣдующихъ лицъ: Дрейсига, Коритаря, Пильгера, Дюгура, Рейта, Рейниша, Шнауберга, Якоба, Гута, Роммеля, Швейкарта и Нельдехена (мы не называемъ тѣхъ, которые были приглашены гр. С. О. Потоцкимъ еще до открытія университета). Среди этихъ лицъ было нѣсколько несомнѣнно выдающихся. На первыхъ порахъ совѣтъ особенно усердно прибігалъ къ выбору иностранцевъ, что объясняется крайнею бѣдностью русскихъ научныхъ силъ. Нѣкоторое значеніе однако здѣсь имѣлъ и первоначальный составъ совѣта,

въ которомъ преобладали профессора иностраннаго происхожденія; эти послѣдніе, конечно, желали, по причинамъ частью общественнаго, частью личнаго характера, усилить свой составъ. Выбирались однако при этомъ и профессора русскаго происхожденія, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, и въ 1814 году уже сравнялось съ иностранными. Наконецъ, съ первыхъ лѣтъ Харьковскій университетъ сталъ пользоваться и еще однимъ средствомъ для увеличенія своего преподавательскаго персонала: приготовлялъ къ профессорѣ собственныхъ питомцевъ, число коихъ также постепенно возрастало—въ первое десятилѣтіе ихъ было 6, а въ слѣдующее двадцатилѣтіе гораздо больше.

Выборы преподавателей въ періодъ времени съ 1815 по 1835-й годъ не давали уже такихъ хорошихъ результатовъ, какъ въ предшествующее десятилѣтіе. Въ 1815 году Харьковскій университетъ лишился большинства своихъ профессоровъ иностраннаго происхожденія—они буквально разбѣжались подъ вліяніемъ реакціи противъ иностранцевъ, а на мѣсто ихъ не поступилъ ни одинъ ученый изъ Германіи или Франціи. Осталась только небольшая группа иностранцевъ, разрозненная, напуганная высылкою Шада, оторопѣвшая и, нужно сказать, опустившаяся: энергичный боецъ Пильгертъ теперь по болѣзни считался даже неспособнымъ къ занятію какихъ-либо должностей; Нельдехенъ былъ удаленъ за пьянство; Делявинъ заботился только о своемъ матеріальномъ благосостояніи; Паки-де-Совиньи безуспѣшно старался получить каведру латинскаго языка; только Рейтъ да Лангъ проявляли нѣкоторую энергію, но ихъ выставляли въ глазахъ попечителя, какъ безпокойныхъ иноземцевъ, вносящихъ смуту въ университетскую жизнь. Славяне—Дудровичъ и Пауловичъ—чувствовали себя хорошо, потому что сумѣли приспособиться къ новому режиму, но и они лишились своего главы и руководителя—Стойковича. Во главѣ университетскаго управленія находилась теперь естественно, послѣ удаленія иностранцевъ, русская группа профессоровъ, руководимая стойкимъ, энергичнымъ, авторитетнымъ Т. О. Осиповскимъ. Но и ей былъ нанесенъ страшный ударъ удаленіемъ отъ должности Осиповскаго. Ничѣмъ не вызванное устраненіе отъ должности достойнѣйшаго руководителя университетской жизни терроризовало теперь русскихъ профессоровъ не менѣе, чѣмъ ранѣе высылка изъ предѣловъ Россіи Шада иностранныхъ. Во главѣ университета стали такіе дѣятели, какъ Джунковскій, который уже вслѣдствіе слабости и непредпріимчивости своей не могъ принимать энергичныхъ мѣръ къ пополненію состава профессорской коллегіи. Съ другой стороны, вслѣдствіе установившейся репрессіи, и самая должность про-

фессора перестала быть привлекательной, притягивать къ себѣ лучшія, болѣе талантливыя силы изъ среды русской молодежи. Совѣтъ, пораженный уныніемъ и апатіей, не могъ теперь съ прежней энергіей и воодушевленіемъ заботиться о привлеченіи новыхъ силъ въ свою среду. Въ результатъ всего этого было оскуднѣніе числа преподавателей, отражавшееся самымъ пагубнымъ образомъ на всѣхъ сторонахъ университетской жизни, въ особенности же на преподаваніи и наукѣ. Съ 1816 по 1835-й годъ совѣтомъ въ преподаватели были избраны: Сухоминовъ, Куницкій, Черняевъ, Михайловскій, Рейпольскій, Богородицкій, Затеplinскій, Экеbladъ, Золотаревъ, Сокальскій, Правицкій, Байковъ, Еллинскій, Кронебергъ.

Въ общемъ число этихъ лицъ было невелико: очевидно, Россія бѣдна была учеными силами. Однажды совѣтъ выбралъ въ профессора иностранца, но министръ не утвердилъ его; другой разъ иностранные профессора хотѣли было выдвинуть кандидатуру иностранца Феслера, но далѣе предположений дѣло не пошло. Были случаи, когда совѣтъ отклонялъ домогательства нѣкоторыхъ лицъ потому, что они не удовлетворяли должнымъ требованіямъ; такъ отвергнуть былъ Гестъ-де-Кальве и архимандритъ Сильвестръ, желавшій читать лекціи въ университетѣ по латинскому языку и богословію. Въ доказательство своихъ познаній онъ представилъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе: «О вліяніи латинской словесности на успѣхи всеобщаго просвѣщенія». Домогаясь должности при посредствѣ попечителя З. Я. Карнѣева и министра кн. А. Н. Голицына. Совѣтъ университета оказался здѣсь на высотѣ своего призванія: отвергъ искательство аспиранта, ибо рецензентъ, проф. Успенскій, доказалъ, что сочиненіе его списано преимущественно съ книги Heinssii «Fundamenta styli cultioris».

Въ 1820 г. совѣтъ самъ пришелъ къ убѣжденію, что предпринимаемыхъ имъ обычныхъ средствъ для пополненія своего состава изъ среды русскихъ ученыхъ недостаточно, и выступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи вызывать ученыхъ изъ-за границы, въ особенности изъ Австріи—славянъ, ибо не оказывалось возможнымъ замѣщать всѣ вакантныя мѣста природными россиянами, какъ того требовалъ циркуляръ бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго. Кн. А. Н. Голицыну понравилась идея вызова профессоровъ изъ Австріи, потому что въ тамошнихъ университетахъ, по его мнѣнію, царилъ лучшій духъ, чѣмъ въ Германіи, и онъ просилъ имп. Александра возбудить этотъ вопросъ при личномъ свиданіи его съ австрійскимъ императоромъ. Но практическихъ послѣдствій это дѣло не имѣло: ни одинъ ученый изъ Австріи не занялъ профессорскаго мѣста въ Харьковскомъ университетѣ.

Попечитель Перовскій приписывалъ оскуднѣе преподавательскаго персонала въ Харьковскомъ университетѣ существованію выборнаго начала; а когда дѣйствіе этого послѣдняго, во исполненіе его ходатайства, было пріостановлено и ему была предоставлена возможность пополнить его составъ, оказалось, что, хотя онъ, при назначеніи на профессорскія мѣста своихъ кандидатовъ, мало справлялся съ ихъ ученымъ цензомъ, однако въ концѣ его управления число вакантныхъ каведръ было все-таки довольно значительно. Положеніе дѣлъ оказалось, по-истинѣ, плачевнымъ, потому что и совѣтъ, со своей стороны, лишенный права выбора, снялъ съ себя теперь отвѣтственность за недостаточное число преподавателей. Въ 1830 году онъ обратился за «начальническимъ» содѣйствіемъ по этому поводу къ попечителю округа, выказавъ такимъ образомъ *testimonium paupertatis*. И дѣйствительно: этико-политическій факультетъ былъ представленъ тогда въ сущности только однимъ ординарнымъ профессоромъ Пауловичемъ, ибо Даниловичъ былъ командированъ въ Петербургъ, а каведры философіи, естественнаго права, политической экономіи съ дипломатикой были вакантны. Преемникъ Перовскаго Филатьевъ также поставилъ своей главною цѣлью увеличеніе наличнаго состава преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ, но дѣйствовалъ неудачно въ дѣлѣ выбора и не достигъ своей цѣли.

Назначены были, по выбору попечителя З. Я. Каряева и указанію епископа Павла, прот. Могилевскій, Перовскаго — Дорнъ, Блуенталь, Брандейсъ, Мауреръ, Спасскій; по непосредственному назначенію министра нар. просв. — Даниловичъ, Криницкій; по указанію Филатьева — Чановъ, Гренбергъ, Цыхъ, Якимовъ, Степановъ, Бабичевъ, Гордѣнко. Четверо изъ нихъ очень скоро ушли изъ Харьковскаго университета. Изъ нихъ настоящую ученую силу представляли только Цыхъ и Гордѣнко; о Чановѣ и Гренбергѣ самъ новый попечитель Ю. А. Головкинъ выразился, что потеря ихъ не заслуживала особеннаго вниманія. Правильные выборы профессоровъ въ совѣтъ были возстановлены только при Головкинѣ, и это дѣло при немъ вступило на правильный путь.

Такимъ образомъ, попытка Филатьева взять въ свои руки выборъ преподавателей для университета дискредитировала его въ глазахъ университетской коллегіи, не имѣла хорошихъ результатовъ и только внесла смуту въ это дѣло, освободивъ университетъ отъ его существенной обязанности заботиться о пополненіи его преподавательскаго состава.

Выборы почетныхъ членовъ университета въ совѣтъ уже не представляли, конечно, такой важности по своимъ результатамъ, какъ выборы преподавателей, но все-таки и они являлись своего рода барометромъ для характеристики общаго уровня университетской среды.

Нельзя не замѣтить и въ этомъ отношеніи рѣзкой разницы между первымъ десятилѣтіемъ и послѣдующими годами. Въ первое десятилѣтіе были избраны изъ русскихъ мин. внутр. дѣлъ Кочубей (способствовавшій открытію университета въ Харьковѣ и др. г.), Падласъ, през. Ак. наукъ Новосилцевъ, членъ гласн. совѣта Франкъ, Карамзинъ, проф. Моск. у-та Страховъ, известныіи ботаникъ Биберштейнъ, Державинъ, Нартовъ, мин. Дмитріевъ, писатель Хвостовъ, писатель Бурлакинъ, писателю Шишкова, харк. пис. Палицынъ, гр. Завадскій, почт. Потоцкій, харк. губ. Бахтинъ, б. х. проф. Якобъ, о. х. проф. Гутъ, ак. Фустъ и Озерецковскій, проф. Моск. у-та Рихтеръ, дир. департ. Мартыновъ, ак. Шторхъ, ак. Шереръ, В. Н. Каразинъ, б. х. проф. Белень-де-Баллю, акад. Мордвиновъ, мин. внутр. дѣлъ Козодавлевъ, Дюкъ-де-Ришелье, проф. Моск. у-та Фишеръ, проф. мед.-хир. акад. Мухинъ и Бушъ, Кочубей, полт. губ. Добановъ-Ростовскій, ректоръ Моск. у-та Геймъ, акад. Чичаговъ, канц. Н. П. Румянцевъ, оберъ-прокуроръ Свят. Синод. А. Н. Галицынъ; изъ иностранныхъ ученыхъ—Шлецеръ, Шрейберъ, Цахъ, Мейнерсъ, Гайне, Гильбертъ, Шпренгель, Добровскій. Всѣхъ почетныхъ членовъ было избрано 47 (но не всѣ они были утверждены министерствомъ). Шлецеръ не получилъ утвержденія. Избирались какъ лица, пріобрѣтшія себѣ почетную пзвѣстность научными заслугами, такъ и государственные сановники, которые или оказали, или могли оказать услуги дѣлу просвѣщенія, а также мѣстные дѣятели, принесшіе пользу университету, мѣстной наукѣ и литературѣ. Вообще совѣтъ разумно и широко пользовался своимъ правомъ избранія почетныхъ членовъ, за небольшими исключеніями, гдѣ дѣйствовали личные мотивы или неумѣренная предупредительность по отношенію ко власти имущимъ: всякое избраніе мотивировалось болѣе или менѣе вѣскими соображеніями. Чичаговъ, напримѣръ, былъ избранъ за передачу университету огромной нумизматической коллекціи, губернаторъ Бахтинъ за пользу, принесенную имъ университету и училищамъ и т. п. Любопытно, что предложеніе о выборѣ славянина Добровскаго, внесенное Стойковичемъ, было энергично поддержано нѣмцемъ Шломъ. Характерно, что преимущественно избирались русскіе дѣятели; а съ 1812 года вовсе перестали избирать иностранцевъ. По уставу почетные члены могли участвовать въ ученыхъ засѣданіяхъ совѣта, но фактически это не осуществлялось.

Въ эпоху реакціи въ почетные члены стали избирать не столько за ученые заслуги, сколько во вниманіе къ рангу и общественному положенію лицъ. Кромѣ того, вышывались въ это чисто совѣтское дѣло и даже прямо приказывали совѣту избирать нѣкоторыхъ лицъ

попечители округа. Начало этому положилъ еще вообще корректный гр. С. О. Потоцкій: ему пришлось сыграть видную роль въ приглашеніи профессоровъ и вступить по этому поводу въ сношенія со многими учеными Западной Европы; и вотъ онъ представилъ въ совѣтъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ рекомендовалъ избрать въ почетные члены; но онъ только рекомендовалъ, а поп. Перовскій въ 1826 г. прямо предложилъ совѣту избрать въ почетные члены Сперанскаго, Орлова, Ширинскаго-Шихматова и директора департамента Языкова, изготовить для нихъ дипломы, прислать къ нему и впредь поступать такимъ же образомъ; въ 1828 г. по его же письменному предложенію избранъ былъ Вильгорскій. Подъ давленіемъ поп. Е. В. Карнѣева избраны были знаменитые гасители просвѣщенія Магницкій и Руничъ. Оппортионизмомъ и угодливостью можно себѣ только объяснить выборы въ почетные члены Харьковскаго университета такихъ лицъ, какъ Аракчеевъ, Петерб. митроп. Серафимъ, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ, а также многихъ другихъ менѣе замѣтныхъ дѣятелей реакціи и обскурантизма. Съ отраднымъ чувствомъ останавливается при этомъ взоръ только на выборахъ сравнительно небольшого числа дѣятелей: м. Евгенія, Вилье, гр. С. О. Потоцкаго, акад. Загорскаго, проф. Линде, Гете, Александра и Вильгельма Гумбольдтъ, проф. Грефе; а за нимъ слѣдуетъ длинный списокъ лицъ, обязанныхъ избраніемъ своему общественному положенію: губ. Нелидовъ, поп. Голенищевъ-Кутузовъ, б. мин. Разумовскій, нач. шт. кн. Волконскій, ген. Каменскій, вице-адм. Сарычевъ, еп. Павелъ, градонач. Шауфусъ, дир. департ. Поповъ, Лаваль, губ. Шредеръ, ген. Балашовъ, кн. Оболенскій, Булаковъ, сен. Брозинъ, губ. Грабовскій, сов. посольства Ансильонъ, контръ-адм. Рикордъ, ген. Головкинъ, губ. Каховскій, губ. Демидовъ, губ. Бѣгичевъ, Милуковъ, Шереметевъ, губ. Никитинъ, губ. кн. Трубецкой, ген. Кутейниковъ и др. Въ этомъ спискѣ, какъ видимъ, преобладаютъ губернаторы.

Но совѣтъ занимался не только приглашеніемъ новыхъ ординарныхъ профессоровъ, а и производствомъ лекторовъ въ адъюнкты, адъюнктовъ въ экстраординарные профессора и экстраординарныхъ въ ординарные. Отъ правильного исхода этихъ выборовъ зависѣло многое, въ томъ числѣ и полнота состава, и научный уровень профессорской коллегіи. Насколько же удовлетворительно совѣтъ выполнялъ эту свою функцію? Не было ли здѣсь какихъ-либо вопіющихъ злоупотребленій или изъ ряда вонъ выходящихъ ошибокъ? Въ какой мѣрѣ профессорская коллегія оправдала довѣріе, оказанное ей юнымъ монархомъ, такъ искренно и глубоко въ началѣ своего царствованія вѣровавшимъ

въ живыя силы образованнаго русскаго общества? Въ первое десятилѣтіе, при полномъ господствѣ выборнаго начала, эти производства въ общемъ находились въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными научно-педагогическими заслугами аспирантовъ. Бывали не рѣдко только формальныя отступленія отъ требованій объ ученыхъ степеняхъ: давалось званіе профессора лицамъ, не имѣвшимъ докторской степени. Но это часто было только отступленіе отъ буквы закона, а не его сущности. Наиболѣе замѣчательные профессора русскаго происхожденія—Рижскій, Осиповскій, Тимковскій—не имѣли докторской степени, и потому совѣтъ постановилъ дать имъ, а также проф. Беленъ-де-Баллю степень доктора *honoris causa*,—и онъ былъ совершенно правъ: это были выдающіеся для своего времени ученые и странно было подвергать «этихъ мастеровъ» своего дѣла экзамену, который требовался тогда при испытаніи на степень доктора. Совѣтъ стремился въ этомъ дѣлѣ не столько соблюсти форму, сколько составить себѣ убѣжденіе, что данное лицо можетъ быть хорошимъ профессоромъ. Съ этою цѣлью иногда, напримѣръ, дѣлалось постановленіе о посѣщеніи лекцій извѣстнаго адъюнкта, желавшаго быть произведеннымъ въ экстраординарные профессора. Въ своемъ заключеніи о достоинствѣ научныхъ трудовъ кандидата совѣтъ основывался на отзывѣ соотвѣтственнаго факультета, и такой порядокъ, конечно, былъ совершенно правильный и разумный. Производства въ экстраординарные и особенно ординарные профессора было добиться не особенно легко: совѣтъ оберегалъ достоинство университета, хотя иногда подвергался настоящей атакѣ со стороны такихъ не въ мѣру уже настойчивыхъ лицъ, какъ Паки-де-Совиньи.

Съ удаленіемъ отъ должности С. О. Потоцкаго, прямо не вѣщавшагося обыкновенно въ дѣятельность совѣта, его преемники—особенно Перовскій и Филатьевъ—стали оказывать значительное давленіе на преподавателей, а подчасъ дѣлали и лично отъ себя представленія объ этомъ министерству. Что касается совѣта, то этотъ послѣдній, повидимому, старался держаться по возможности прежняго способа дѣйствій въ этомъ дѣлѣ, но его положеніе затруднялось тѣмъ, что онъ былъ лишенъ столь необходимой для полного безпристрастія свободы и самостоятельности.

Впрочемъ, производства переходили черезъ совѣтъ и происходили обычнымъ нормальнымъ образомъ. Но сильныя возраженія въ совѣтъ вызвали производства Дудровича и Пауловича. Чувствуя, что выборному началу наносится серьезный ударъ, нѣкоторые лица, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, обращались со своими искательствами непосредственно къ попечителю округа. Такъ поступилъ,

напримѣръ, Золотаревъ, бывший секретаремъ Библейскаго студенческаго общества. Характерно при этомъ, что онъ просилъ и за двухъ своихъ товарищей, хотя они его на это и не уполномочивали. Съ жалобою на совѣтъ къ попечителю выступилъ и проф. Архангельскій, хотя онъ и не имѣлъ докторской степени, которая бы давала ему право на занятіе должности ординарнаго профессора. Попеч. Перовскій сдѣлалъ представленіе о производствѣ въ экстраординарные профессора адъюнктовъ Робуша, Куницкаго, Филомафитскаго, Байкова, Артемовскаго-Гулака и Венедиктова, которые не имѣли докторской степени; министръ народнаго просвѣщенія отмѣнилъ требованіе о докторской степени и разрѣшилъ баллотировать всѣхъ этихъ лицъ въ совѣтъ. Тотъ же Перовскій самъ ходатайствовалъ о возведеніи въ адъюнкты Сокальскаго. Благодаря его непосредственному представленію, Байковъ, Артемовскій-Гулакъ и Робушъ были произведены въ ординарные профессора, Черняевъ и Затеплинскій также въ ординарные профессора изъ адъюнктовъ, Криницкій въ экстраординарные.

Другія стороны въ дѣятельности совѣта не поддаются такому точному опредѣленію, какъ выборы и производства преподавателей. Онѣ касались самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, преимущественно, но далеко не исключительно, учебныхъ. Прочитывая протоколы совѣта, въ особенности за первые годы существованія университета, невольно выносимъ отрадное впечатлѣніе о дѣятельности членовъ этой коллегіи. Почти всѣ проявляли значительную дѣятельность: одни—большую, другіе—меньшую, одни—въ одной сферѣ, другіе—въ другой. Она заслуживаетъ тѣмъ большей признательности, что половина членовъ совѣта состояла изъ иностранцевъ, не знавшихъ ни русскаго языка, ни русской дѣятельности. Иностранные профессора были проводниками прогрессивныхъ принциповъ университетской жизни и идеи свободы. Проф. Якобъ внесъ, напримѣръ, предложеніе о допущеніи въ университетъ на медицинскій факультетъ дѣтей лицъ податнаго состоянія. Даже въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя касались менѣе важныхъ дѣлъ, видимъ также разумныя основанія: для контроля надъ посѣщеніемъ лекцій были, какъ и нынѣ, педеля, но не простые солдаты, а образованные чиновники, которые должны были знать иностранные языки, при чемъ сдѣланныя ими отмѣтки о пропускѣ профессорами лекцій предварительно прочитывались въ засѣданіи совѣта, гдѣ могли быть исправлены заинтересованными лицами, и только потомъ отсылались въ министерство.

Исполнялось даже до извѣстной степени требованіе 52-го § устава объ особыхъ засѣданіяхъ совѣта, посвященныхъ ученымъ сообщеніямъ.

Это дѣлалось, не смотря на то, что профессора были очень обременены различными обязанностями по управленію университетомъ и округомъ. Такъ напримѣръ, въ 1807 году читаны были слѣдующіе труды: пр. Шагомъ—*«De vi philosophiae in reliquas scientias»*, проф. Шнаубертомъ—*«Описание и хим. изслѣдованіе воздушнаго камня, найденнаго въ Сумскомъ уѣздѣ»*, Белень-де-Баллю—*«Dissertatio apologetica de historico Ctesia»*, адъюнктомъ Ванноти—*«Dissertatio physiologica de sensibilitate organismi»*. Впослѣдствіи, съ упадкомъ научной дѣятельности въ университетѣ вообще, такихъ засѣданій никогда уже не бывало.

Отрицательною стороною нужно признать слишкомъ острую подчасъ борьбу партій и лицъ, которая однако открылась только съ 1811 года, когда въ русскомъ обществѣ началась сильная реакція противъ иностранцевъ, нашедшая себѣ отраженіе и въ совѣтѣ университета. Разнородный и разносторонній составъ членовъ совѣта самъ по себѣ уже являлся возможнымъ источникомъ для партійной борьбы. До 1811 года обѣ группы, русская и иностранная, находились, такъ сказать, въ равновѣсіи. Но Наполеоновское нашествіе 12-го года вызвало взрывъ русскаго національнаго чувства, нерасположеніе ко всему иноземному, а также произвело расколъ и среди самихъ иностранцевъ—между французами и нѣмцами. Нѣмецкая партія профессоровъ въ университетѣ всегда была сильнѣе французской и въ средѣ ея были страстный ненавистникъ французовъ, неистовый Шадъ. Проф. Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуетъ о борьбѣ русской партіи съ иностранной. Въ ректорство Рижскаго борьба эта не выходила, такъ сказать, изъ законныхъ предѣловъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить только доносъ Гамперле на Дегурова. Въ ректорство Стойковича произошло два инцидента, которые потрясли до основанія жизнь университетской коллегіи и имѣли тяжелыя послѣдствія для ея будущаго. Въ 1812 году надъ совѣтомъ разразилась гроза, вызванная его столкновеніемъ съ министромъ народнаго просвѣщенія. Причиною коллизіи была ссора курскихъ педагоговъ, которую долженъ былъ по уставу разбирать совѣтъ. Министръ отмѣнилъ постановленіе совѣта объ удаленіи отъ должности нѣкоторыхъ уволенныхъ совѣтомъ учителей и для новаго разсмотрѣнія дѣла на мѣстѣ командировалъ экспедитора своей канцеляріи Дуининъ-Борковскаго. Университетъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ двойнѣ: въ своихъ правахъ и своемъ достоинствѣ. По уставу 1804 года окончательное рѣшеніе всѣхъ такихъ дѣлъ предоставлено было самому университету, а потому на вмѣшательство министра совѣтъ посмотрѣлъ, какъ на явное нарушеніе своихъ правъ, утвержденныхъ Высочайшею волею. Въ назначеніи же министерскаго чиновника для

сужденія надъ дѣйствіями совѣта всѣ увидѣли величайшее оскорбленіе достоинства университета. Начался рядъ бурныхъ засѣданій совѣта, особенно возмущены были нарушеніемъ университетской автономіи иностранные профессора. Въ концѣ концовъ состоялось совѣтское постановленіе, которымъ подтверждалось прежнее рѣшеніе, и назначеніе Дунинъ-Борковскаго признавалось неправильнымъ. Гр. А. К. Разумовскій внесъ это опредѣленіе въ комитетъ министровъ, который постановилъ профессоровъ, подписавшихъ его (Стойковича, Осиповскаго, Делявина, Книгина, Шада, Гизе, Ванноти, Дрейсига, Роммеля, Нельдехена и Ланга), «призвать въ губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду». Совѣтъ, не ожидавшій подобныхъ послѣдствій, рѣшилъ принести повинную министру—ходатайствовать о прощеніи ему его ошибки,—и дѣло, благодаря губернатору Бахтину, окончилось тѣмъ, что профессорамъ былъ сдѣланъ негласный выговоръ, а вмѣсто Дунинъ-Борковскаго былъ командированъ проф. Московскаго университета Двигубскій. Но высокій авторитетъ университета, какъ автономной корпораціи, надѣленной, благодаря довѣрію къ нему Верховной власти, весьма широкими прерогативами, долженъ былъ неминуемо понизиться. Фактъ выговора (хотя и негласнаго) не могъ, конечно, остаться неизвѣстнымъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, канцелярская тайна получила широкое распространеніе въ сопредѣльныхъ педагогическихъ сферахъ и въ обществѣ, которое и безъ того уже съ завистью смотрѣло на права университета.

Еще болѣе печальныя послѣдствія для университета имѣлъ другой инцидентъ (1813 г.)—обвиненіе самого ректора Стойковича въ безпошлинномъ полученіи венгерскаго вина и разныхъ другихъ товаровъ, съ цѣлью перепродажи ихъ частнымъ лицамъ. Официальнымъ обвинителемъ выступилъ адъютантъ Васильевъ. И это обвиненіе, можно сказать, вполне почти подтвердилось, и Стойковичъ былъ отстраненъ отъ должности. Очевидно, Стойковичъ, человѣкъ безъ нравственныхъ устоевъ, широко воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ для удовлетворенія корыстолюбія. Онъ забылъ, что на своемъ отвѣтственномъ посту онъ долженъ былъ служить примѣромъ для другихъ, сохранять незапятнанной свою репутацію, ибо ректоръ является представителемъ университета, его чести и достоинства и всякій проступокъ главы коллегіи отзывался тяжело на всѣхъ членахъ ея и имѣлъ несравненно болѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ подобное же дѣяніе, учиненное рядовымъ членомъ ея. Жалоба Васильевымъ была подана въ совѣтъ, а тотъ поручилъ ея разсмотрѣніе правленію, которое энергично повело

сѣдѣствіе надъ своимъ предсѣдателемъ. Время ректорства Стойковича является печальною страницей въ исторіи университетскаго самоуправленія: это было время распрей, интригъ, доносовъ, пререканій въ совѣтѣ, правленіи, факультетахъ, расцвѣтъ торговли не только товарами, но и магистерскими и докторскими дипломами, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ современникъ—Розальонъ-Сошальскій. Особенно сильное возбужденіе въ факультетѣ и совѣтѣ вызвало дѣло о дарованіи степени доктора философіи курскому купцу Хлапонину; вызывали споры и ученныя промоціи Дудровича, Дегая, Любовскаго, Мизка и Гесъ-де-Кальве. Въ 1814 году дѣло дошло до того, что понадобилось напомнить объ указѣ Петра Великаго, ограждавшемъ порядокъ въ засѣданіяхъ, а министръ народнаго просвѣщенія тогда же поставилъ на видъ совѣту распри среди его членовъ, отсутствіе единодушія, отъ котораго зависить цвѣтущее состояніе не только самого университета, но и всѣхъ учебныхъ заведеній, ему подвѣдомственныхъ. Въ 1816 году на этой почвѣ взаимной вражды разыгрался печальный эпизодъ доноса проф. Дегурова на проф. Шада, окончившійся изгнаніемъ этого послѣдняго изъ предѣловъ Россіи.

Высылка Шада произвела огромное впечатлѣніе даже въ Западной Европѣ, гдѣ на нее взглянули, какъ на сильнѣйшее проявленіе реакціи въ русскихъ правящихъ сферахъ, какъ на гоненіе за извѣстныя научныя мнѣнія—такова была и дѣйствительная подкладка этого печальнаго происшествія: этимъ кн. А. Н. Голицынъ ознаменовалъ свое вступленіе въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Правда, противъ Шада были предъявлены и обвиненія въ неправильномъ дарованіи ученыхъ степеней Гриневичу и Ковалевскому, но вмѣнены были въ вину ему опасныя мѣста въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ: «*De viris illustribus urbis Romae*» и «*Institutiones juris naturae*», а также его выходки противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи, высказанныя имъ въ его автобіографіи, изданной еще за границей. Будучи ярымъ піетистомъ, кн. А. Н. Голицынъ не могъ простить Шаду его призыва къ раціонализму. Но Шадъ долго еще и изъ-за границы давалъ о себѣ знати своими многочисленными оправдательными записками, направленными и къ преемникамъ кн. Голицына по министерству, и Россійскимъ Императорамъ. Къ этому времени Харьковскій университетъ лишился уже, по тѣмъ или инымъ причинамъ, почти всѣхъ выдающихся своихъ профессоровъ иностраннаго происхожденія: Гута и Гизе, Швейкарта, Дегурова, Стойковича, Роммеля, Якоба, Белень-де-Баллю. Высылка Шада «до такой степени напугала проф. Рейта, человѣка отъ природы роб-

каго, что, диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣскольکو разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія самыя невинныя, боясь проговориться. Нельдехенъ опустился до такой степени, что былъ удаленъ изъ университета за постоянное пьянство. Въ 1816 году былъ удаленъ отъ должности безъ аттестата за свою строптивость адъюнктъ Болгаревскій. Но скоро настала очередь и профессоръ русскаго происхожденія: въ 1820 г., какъ мы знаемъ, былъ удаленъ отъ должности ректора и профессора Осиповскій, и это должно было произвести не менѣе гнетущее впечатлѣніе на всѣхъ, чѣмъ удаление Шада; русская партія потеряла своего вождя и была дезорганизована. Въ 1829 г. произошелъ инцидентъ съ проф. Брандейсомъ, на котораго воздвигнуто было гоненіе сенаторомъ ревизоромъ Горголи за его либерализмъ, выразившійся въ томъ, что онъ читалъ на актѣ рѣчь не въ мундирѣ (котораго у него не было), а во фракѣ; на этотъ разъ дѣло окончилось для него благополучно, благодаря защитѣ попечителя Перовскаго. Но въ 1830-1831 году онъ долженъ былъ все-таки оставить службу въ университетѣ по случаю обвиненія его въ томъ, что не подалъ помощи студенту, заболѣвшему холерой. Въ 1832 году былъ удаленъ отъ службы, по личному повелѣнію имп. Николая Павловича, профессоръ архитектуры Васильевъ за то, что въ стѣнѣ построенной имъ университетской библіотеки оказалась трещина, на которую указалъ государю попечитель Филатьевъ. Въ 1833 году послѣдовалъ доносъ на Харьковскій университетъ проф. Венедиктова. Доносъ касался студентовъ, профессоровъ, университетскаго начальства и попечителя округа съ его помощникомъ—и всему этому былъ приданъ характеръ политическаго преступленія. Венедиктовъ для подтвержденія и разъясненія его былъ вытребованъ въ Петербургъ, при чемъ выяснилось, что все это плодъ его болѣзненно разгоряченной фантазіи. Докладъ объ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ имп. Николаю Павловичу, и по резолюціи Уварова все это оставлено безъ послѣдствій. Венедиктову однако разрѣшено было вернуться въ Харьковъ. Но очень скоро Венедиктовъ снова вызвалъ смуту въ университетѣ, которая едва не окончилась выходомъ въ отставку новаго попечителя гр. Ю. А. Головкина. Венедиктовъ былъ болѣзненно подозрителенъ, и ему вездѣ мерещилась измѣна. Студенты были противъ него сильно возбуждены за то, что онъ тайно высѣкъ ихъ двухъ товарищей (въ чемъ самъ сознался). И вотъ на этой почвѣ и разыгралась новая исторія: студентъ Коробка прислалъ ему золотую табакерку не то за излеченіе отъ болѣзни, не то для того, чтобы получить хорошую отмѣтку на экзаменѣ; Венедиктовъ представилъ ее по начальству; началось слѣдствіе; Венедиктовъ обна-

ружилъ дерзость и неуваженіе къ власти университетскаго начальства и попечителя, что побудило этого послѣдняго войти съ представленіемъ къ министру Уварову объ удаленіи отъ должности Венедиктова. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что здѣсь оказалъ вліяніе на попечителя, брезгливо относившагося ко всякому сикофантству, и прежній фактъ доноса Венедиктова на университетъ. Началась, такъ сказать, дипломатическая переписка между министромъ и попечителемъ, закончившаяся просьбою послѣдняго объ отставкѣ. Переписку эту, со своимъ заключеніемъ, Уваровъ представилъ имп. Николаю, который положилъ по этому дѣлу собственноручную резолюцію, чтобы студентъ за предложеніе взятки былъ наказанъ, а Венедиктовъ за ослушаніе отрѣшенъ отъ должности, отданъ подъ судъ. По рѣшенію Харьк. угол. палаты и сената Венедиктовъ, кромѣ отрѣшенія отъ должности, былъ присужденъ еще къ аресту при полиціи на 4 недѣли. Но рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, потому что Венедиктовъ сошелъ съ ума. Нужно думать, что и раньше онъ былъ ненормаленъ, и этимъ психозомъ можно объяснить его странные поступки.

Таковы были важнѣйшіе инциденты, нарушившіе обычную нормальную дѣятельность совѣта университета.

Что касается дѣятельности другихъ органовъ университетскаго самоуправленія—факультетовъ и правленія, то на ней долго останавливаться не приходится. Замѣтимъ только, что медицинскій факультетъ началъ правильно функціонировать съ 1811 года. Важнѣйшимъ актомъ дѣятельности факультетовъ было производство экзаменовъ; затѣмъ слѣдовали вопросы, касавшіеся преподаванія и научной дѣятельности вообще. И здѣсь обычное теченіе дѣлъ нарушалось иногда рѣзкими столкновеніями. Много споровъ, напримѣръ, возбудилъ вопросъ о врачебной практикѣ профессора ветеринаріи Пильгера. Большія смуты вызывали въ факультетскихъ собраніяхъ экзамены на ученые степени магистра и доктора. Но при этомъ всѣ вопросы, связанные съ преподаваніемъ, и всѣ научныя изслѣдованія и предпріятія находили себѣ опору, поддержку и авторитетную оцѣнку именно въ факультетахъ, и много изъ того, что переходило потомъ въ совѣтъ, первоначально зарождалось, а иногда и рассматривалось по существу также въ нихъ. Въ факультетскихъ засѣданіяхъ участвовали и адъюнкты, присутствіе которыхъ было очень полезно: работы было много, а дѣятелей мало. Но на кого выпало особенно много работы, такъ это на членовъ правленія. И теперь доказательствомъ этой дѣятельности являются фоліанты, заключающіе журналы засѣданій правленія. Съ 1805-го по 1815-й годъ такихъ фоліантовъ накопилось 28 съ отчетами о 1051 засѣданіи, и изъ про-

смотра ихъ можно вывести наглядное представленіе о массѣ труда, затраченнаго почтенными членами правленія—деканами, предсѣдателями его—ректораи и непремѣнными засѣдателями. Иностранные профессора, незнакомые съ русскою жизнью и языкомъ, не могли быть, конечно, особенно дѣятельны въ хозяйственныхъ дѣлахъ, составлявшихъ главный предметъ вѣдомства правленія, но и ихъ голосъ былъ не рѣдко очень важенъ въ вопросахъ болѣе общаго характера, и въ дѣлахъ, касавшихся учебно-вспомогательныхъ учреждений, такъ какъ у нихъ были старыя университетскія традиціи, которыхъ не было у ихъ русскихъ товарищей. Но главная тяжесть работы лежала все-таки на русскихъ членахъ правленія, хорошо знакомыхъ и съ мѣстными (харьковскими) условіями, и съ окружающей средой, и съ узаконеніями, и съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ. Въ первые годы, несомнѣнно, особенно потрудились въ правленіи Рижскій и Осиповскій. Далѣе идутъ Стойковичъ, Срезневскій, Шадъ, Шумляинскій, Тимковскій. Таковы были главные дѣятели перваго десятилѣтія. Въ послѣдующее двадцатилѣтіе выдающееся положеніе занимали: Успенскій, представлявшій, впрочемъ, изъ себя наслѣдіе прежней эпохи, Книгинъ, затѣмъ Елдинскій и особенно Кронебергъ.

Едва ли не самую тяжелую сторону въ дѣятельности правленія составляли его весьма широкія судебныя функціи. Въ качествѣ самоуправляющейся юридической единицы, университетъ долженъ былъ стоять тогда на стражѣ интересовъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ къ нему какое-либо отношеніе, въ особенности если дѣло касалось столкновенія ихъ съ посторонними лицами. Впрочемъ, не легко было положеніе правленія, когда ему приходилось судить членовъ и своей университетской семьи въ ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ. Чтобы понять это, стоитъ только вспомнить, напримѣръ, о слѣдствіи, которое пришлось вести ему по дѣлу Стойковича и Васильева. Особенно тяжело было высказывать сужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда заинтересованными лицами являлись жены университетскихъ чиновниковъ и приходилось по неволѣ касаться интимной семейной жизни разныхъ лицъ. Послѣ 1815 года правленію приходилось не рѣдко входить въ разборъ студенческихъ проступковъ, совершенныхъ или отдѣльными лицами, или цѣлыми группами. Правда, эти «студенческія исторіи» не носили тогда политическаго характера, но имъ все-таки придавалось важное значеніе и онѣ доходили и до комитета министровъ, и до самого государя.

О дѣятельности училищнаго комитета мы скажемъ, когда будемъ говорить о роли университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго

народнаго образованія. Наконецъ, университетская автономія нашла себѣ выраженіе еще въ цензурномъ комитетѣ. Цензурныя правила вначалѣ отличались большою мягкостью, и поэтому цензурныя функціи для университета не представлялись затруднительными. Подъ доброжелательною эгидою университета развивалась мѣстная литература и наука, возрастало число сочиненій, печатавшихся въ университетской же типографіи: за 8 лѣтъ было разрѣшено къ печати 103 сочиненія; но такъ продолжалось не долго: съ 1811 года начинаются цензурныя строгости; но онѣ особенно усилились съ 1818 года, при кн. А. Н. Голицынѣ, и продолжались до 1828 г., когда право цензуры было отнято отъ университетовъ. Самому университету пришлось испытать не мало непріятностей по поводу издаваемаго при немъ «Украинскаго Вѣстника».

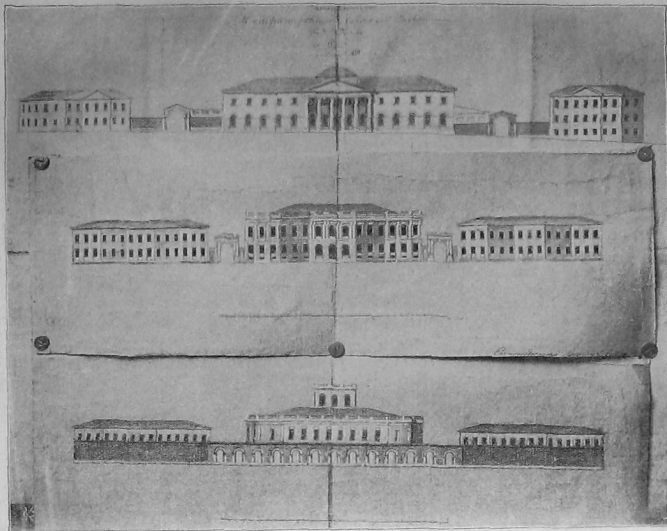
Въ половинѣ 30-хъ годовъ дѣятельность органовъ университетскаго самоуправленія однако не является уже такой живой, энергичной, какою она была въ первые годы послѣ основанія университета. Въ университетскихъ дѣлахъ воцарился духъ апатіи и унынія; на дѣятельность въ университетскихъ учрежденіяхъ стали смотрѣть не какъ на общественный долгъ, дававшій внутреннее нравственное удовлетвореніе, а какъ на тяжелую повинность. При такомъ неблагопріятномъ общественномъ настроеніи созидался новый университетскій уставъ 1835 года. Характерно, что уставъ 1804 года вначалѣ дѣйствовалъ хорошо и рѣзкаго несоотвѣтствія его съ жизнью не обнаружилось: наоборотъ, онъ сразу какъ-то привился къ русской университетской жизни; но когда его устои были расшатаны; когда почувствовалось несоотвѣтствіе его съ общими политическими условіями русской жизни, радикально измѣнившимися по сравненію съ прежней либеральной эрой; когда ему нанесены были самые чувствительные удары; когда онъ лишенъ былъ «духа жива», а осталась въ немъ мертвая форма: тогда, конечно, и онъ потерялъ свое первоначальное значеніе.

3-я глава.

Преподавательская и научно-литературная дѣятельность профессоровъ.

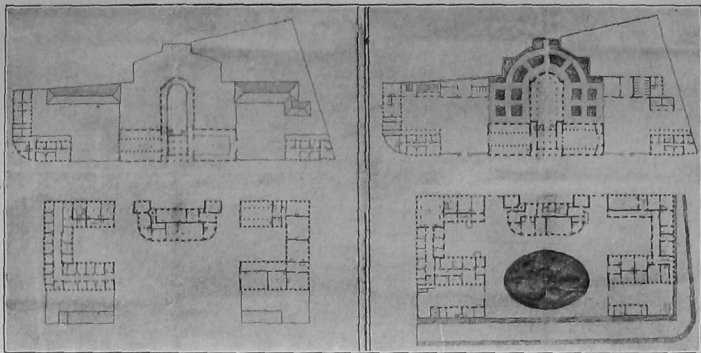
Уставъ 1804 г. опредѣляетъ задачу университета такимъ образомъ: «университетъ есть высшее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное»; отсюда вытекаютъ двѣ обязанности его членовъ—препо-

давательская и научная. Посмотримъ теперь, какъ выполнять на самомъ дѣлѣ университетъ эти двѣ основныя свои обязанности. Разрѣшивъ этотъ кардинальный вопросъ, мы уяснимъ себѣ этимъ самымъ наиболѣе важную сторону въ исторіи нашей университетской жизни. Но предварительно намъ нужно нѣсколько познакомиться съ самими дѣятелями до поступленія ихъ въ Харьковскій университетъ, иными словами, — рѣшить вопросъ объ ихъ научномъ и образовательномъ цензѣ. Въ первое десятилѣтіе, какъ мы видѣли, университетъ вынужденъ былъ вызывать себѣ преподавателей изъ-за границы. Изъ 47 преподавателей этого періода 29 было иностранцевъ и только 18 русскаго происхожденія. И уже а priori можно сказать, въ особенности принять во вниманіе заботу совѣта о вызовѣ наиболѣе достойныхъ лицъ, что образовательный и научный цензъ иноземныхъ кандидатовъ на профессорскія кафедры въ Харьковскомъ университетѣ былъ выше, чѣмъ ихъ русскихъ коллегъ; Западная Европа въ то время располагала несравненно болѣе обширными образовательными средствами, чѣмъ Россія, которая имѣла тогда одинъ только Московскій университетъ, тогда какъ на Западѣ ихъ было много; не говоримъ уже о томъ, что старѣйшій въ Россіи Московскій университетъ былъ основанъ только въ половинѣ XVIII вѣка, въ то время какъ нѣкоторые заграничные университеты считали уже по нѣскольку вѣковъ своего существованія. Факты показываютъ, что въ Харьковъ переѣхало нѣсколько лицъ, занимавшихъ профессорскія должности въ западныхъ университетахъ—ихъ привлекали финансовыя и политическія соображенія. Замѣтимъ, что это была для Германіи печальная пора Наполеоновскихъ успѣховъ; съ другой стороны, эмиграцію изъ Франціи еще ранѣе создала французская революція; политическія и національныя преслѣдованія способствовали также переселенію славянскихъ ученыхъ. Тѣ лица, которыя состояли еще только приватъ-доцентами или готовились къ профессурѣ, еще охотнѣе устремлялись въ Харьковъ. Больше всего преподавателей дала намъ Германія (18 душъ), затѣмъ славянскія земли (7) и Франція (4). Большинство этихъ лицъ имѣло достаточную научно-образовательную подготовку, а нѣкоторыя даже прямо выдающуюся. Таковъ былъ, напримѣръ, классикъ Роммель, ординарный профессоръ Марбургскаго университета, послѣдователь Винкельмана и Гейне, приверженецъ эстетическаго изученія классическаго міра. Побужденіемъ къ переѣзду для него послужило, между прочимъ, и желаніе поработать на пользу просвѣщенія страны «еще не затронутой образованіемъ», «гдѣ я», — пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — «въ цвѣтѣ лѣтъ, вольный, какъ птица, полный здоровья и силы, могъ бросить нѣсколько сѣмянъ науки». Самъ Роммель былъ превосходный профессоръ, начитанный, умный,

Фасады зданий Харьковского университета до 1835 года.

Планы зданий Харьковского университета до 1835 года.

широкообразованный, съ тою беззаветною преданностью наукъ, которая характеризуетъ истиннаго ученаго. Имъ было напечатано 12 ученыхъ работъ, не считая мелкихъ журнальныхъ статей. Еще болѣе крупную ученую силу представлялъ Шадъ (философъ), бывший монахъ, духовный писатель, убѣжавшій изъ монастыря, принявшій протестанство, получившій за свои ученые труды въ Іенскомъ университетѣ степень доктора, а послѣ защиты диссертациіи и должность приватъ-доцента философіи, по рекомендаціи Фихте, которому онъ представилъ обширное изложеніе его философіи. Въ бытность преподавателемъ Іенскаго университета, онъ напечаталъ 8 философскихъ трудовъ. Якобъ (юристъ) былъ ординарнымъ профессоромъ и даже ректоромъ университета въ Галле; издалъ до 35 сочиненій, въ томъ числѣ нѣсколько учебниковъ, по которымъ шло преподаваніе въ нѣмецкихъ университетахъ. Гуть (математикъ) былъ ординарнымъ профессоромъ Франкфуртскаго университета; ему принадлежало 15 ученыхъ работъ. Швейкартъ (юристъ) также до перехода въ Харьковъ былъ ординарнымъ профессоромъ въ Марбургскомъ университетѣ. Дегуровъ былъ профессоромъ исторіи въ Парижской Центральной школѣ. Белень-де-Баллю былъ членомъ Парижской Королевской Академіи надписей и Національнаго института, имѣлъ, подобно Дегурову, рядъ печатныхъ трудовъ. Другіе состояли приватъ-доцентами, имѣли докторскія степени и ученые труды. Изъ нихъ выдавались—Гизе, Нельдехенъ, Пильгеръ, Дрейсигъ (своими сочиненіями). Нѣмцы стояли выше французовъ, а французы выше славянъ, среди этихъ послѣднихъ только выдѣлялся изъ общаго слабаго уровня одинъ Стойковичъ. Изъ трехъ иностранцевъ, приглашенныхъ въ послѣдующее двадцатилѣтіе, не выдѣлялся особенно никто; хорошую ученую школу въ Лейпцигскомъ университетѣ прошелъ только Дорнъ, оставленный было тамъ преподавателемъ восточныхъ языковъ (это извѣстный впослѣдствіи оріенталистъ-академикъ). Обращаясь къ преподавателямъ русскаго происхожденія, мы замѣчаемъ, что даже болѣе выдающіеся изъ нихъ не имѣли такого образовательнаго и научнаго ценза, какъ иностранцы. Изъ профессоровъ перваго десятилѣтія наиболѣе широкую систематическую подготовку получилъ И. О. Тимковскій, но и онъ не имѣлъ ученой степени, но выдвинулся составленіемъ одного юридическаго труда. Рижскій не получилъ университетскаго образованія, но прославился своими руководствами до такой степени, что былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Осиповскій окончилъ Педагогическій институтъ, гдѣ и получилъ мѣсто профессора, и также выдвинулся составленными имъ руководствами по математикѣ. Успенскій окончилъ учительскую гимназію (переименованую потомъ въ институтъ)

и, не имѣя ученой степени, обратилъ на себя вниманіе своими переводными трудами. А эти четвере лица впоследствии были наиболѣе выдающимися профессорами Харьковскаго университета. Шумлянскій раньше былъ профессоромъ Московской медико-хирургической академіи и имѣлъ степень доктора медицины Страсбургскаго университета. Каменскій былъ профессоромъ Казанскаго университета. Книгинъ былъ адъюнктъ-профессоромъ медико-хирургической академіи. И. Е. Срезневскій имѣлъ степень магистра и былъ профессоромъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ. Калькау имѣлъ степень доктора медицины и хирургіи Геттингенскаго университета и долго готовился къ ученому званію за границей. Болгаревскій имѣлъ магистерскую степень и долго подготовлялся за границей. Въ общемъ подготовка профессоровъ русскаго происхожденія въ первое десятилѣтіе была достаточная, но она все-таки была меньше, чѣмъ у ихъ иностранныхъ товарищей. Въ слѣдующее двадцатилѣтіе явилось новыхъ дѣятелей 48 человекъ. Изъ преподавателей перваго десятилѣтія осталось 26 душъ. Въ первое десятилѣтіе иностранцевъ было 59⁰/₀, русскихъ 41⁰/₀; въ послѣдующее двадцатилѣтіе это отношеніе радикально измѣнилось: иностранцевъ было 23⁰/₀, а русскихъ 77⁰/₀; при томъ изъ 17 иностранцевъ новыхъ было только 3, остальные 14 остались отъ прежняго времени. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ это время кадры преподавателей формировались почти исключительно изъ русскихъ. Харьковскій университетъ почти эмансипировался отъ иностранныхъ элементовъ. Но каковъ былъ ученый цензъ этихъ 45 русскихъ преподавателей?

Изъ 17 преподавателей словеснаго факультета 9 имѣли ученые степени, т. е. формальныя права на занятіе кафедръ; 8, т. е. почти половина, ихъ не имѣли; изъ нихъ у одного были научно-литературныя труды, а у другого (Джунковскаго, назначеннаго прямо ординарнымъ профессоромъ) были только переводы и компіляціи, не относившіеся къ его специальности; 5 вовсе не имѣло трудовъ, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ (Чановъ) былъ назначенъ прямо ординарнымъ профессоромъ. На этико-политическомъ факультетѣ только половина его преподавателей (4) имѣла ученые степени. Изъ 11 преподавателей физико-математическаго факультета 4 имѣли ученую степень, два не имѣли ея, но получили солидную ученую подготовку за границей, 2 въ Россіи, а остальные три не имѣли ни той, ни другой. Изъ 12 преподавателей медицинскаго факультета 5 были докторами медицины, двое получили специальную ученую подготовку въ Петербургской Медико-хирургической Академіи, 1 за границей. Всѣхъ лицъ, имѣвшихъ ученые степени,

было 22, т. е. менѣе половины общаго числа. (Всѣ три профессора, приглашенные въ это время, имѣли ученые степени). Но это процентное отношеніе измѣнится къ лучшему, если мы примемъ во вниманіе лицъ, получившихъ спеціальную научную подготовку въ Россіи или за границей. Университетъ такимъ образомъ создавалъ себѣ третій—самый надежный—способъ для пополненія преподавательскаго персонала. Въ первое десятилѣтіе было подготовлено такимъ способомъ 3 преподавателя—Громовъ, Архангельскій и Робушъ. Первыхъ двухъ университетъ рѣшилъ командировать за границу, но министерство не согласилось на это, а отправило ихъ Москву и Петербургъ. Громовъ получилъ степень магистра естественной исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, затѣмъ былъ командированъ въ Москву для занятій подъ руководствомъ Фишера,—вернувшись же, защитилъ диссертацию на степень доктора естественныхъ наукъ. Архангельскій, послѣ защиты магистерской диссертации былъ командированъ для усовершенствованія въ Петербургъ въ Имп. Академію наукъ. Робушъ также въ Петербургѣ получилъ подготовку по военнымъ наукамъ. Кромѣ того, четыре другихъ питомца Харьковскаго университета—Комлишинскій, Адамовичъ, Павловскій и Борзенко—сами подготовились къ занятію въ немъ преподавательскихъ мѣстъ. Въ слѣдующемъ двадцатилѣтіи университетъ подготовилъ къ профессорѣ еще болѣе своихъ питомцевъ. Затеplinскій былъ командированъ для изученія астрономіи въ Парижъ (въ Германію запретило ему ѣхать министерство, опасаясь вольнаго духа тамошнихъ университетовъ), гдѣ онъ получилъ степень доктора философіи, и затѣмъ въ Англію. Огромную пользу также принесла университету заграничная командировка Черняева. Она не только подготовила университету прекраснаго ученаго ботаника, но и обогатила ботаническій кабинетъ громаднымъ количествомъ всевозможныхъ видовъ рѣдкихъ растений и отчасти животныхъ. Особенное вниманіе Черняевъ обратилъ на тайнобрачныя. За границей онъ и самъ собиралъ растенія, путешествуя тамъ пѣшкомъ, какъ будто у себя въ Украинѣ. Пробылъ онъ въ командировкѣ цѣлыхъ 4 года, извѣздивъ Францію, Швейцарію, Испанію, Германію. Во время этого заграничнаго путешествія онъ окрѣпъ и, такъ сказать, возмужалъ въ качествѣ ботаника; личное непосредственное знакомство съ самыми выдающимися ботаниками Западной Европы такъ же точно, какъ и слушаніе ихъ курсовъ и изученіе коллекцій и непосредственно мѣстной флоры не прошло для него безслѣдно. Благодаря своей солидной подготовкѣ, обширнымъ спеціальнымъ познаніямъ въ области украинской флоры, особенному интересу къ нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ ботанической науки и наконецъ

привезеннымъ изъ Харькова коллекціямъ (онъ началъ составлять свой гербарій еще въ студенческіе годы), Черняевъ и за границей, въ средѣ европейскихъ ботаниковъ, являлся скорѣе ихъ товарищемъ, чѣмъ ученикомъ. Черняевъ принадлежалъ исключительно къ школѣ ботаниковъ-систематиковъ—въ этомъ была его сила, на этомъ сосредоточились всѣ его научные интересы; естественно поэтому, что на эту сторону своей науки онъ обратилъ главное вниманіе и за границей. Былъ командированъ еще въ Англію для изученія медицины Гнѣдичъ, но командировало его само министерство, впрочемъ, на средства Харьковскаго университета: средства истрачены были на него большія—а профессора изъ него не вышло. Лекаръ Венедиктовъ былъ командированъ для усовершенствованія въ анатоміи въ Петербургъ въ Медико-хирургическую академію. Командировка его оказалась весьма удачной. Не совсѣмъ удачной оказалась командировка въ Московскій университетъ Спасскаго для подготовки по русскому праву. Совѣтъ университета командировалъ еще за границу кандидата Якимова (по русской словесности); но попечитель Перовскій счелъ возможнымъ ограничиться отправленіемъ его только въ Петербургъ и Москву.

Чтобы создать въ Россіи школу для подготовки профессоровъ, былъ учрежденъ Дерптскій Педагогическій институтъ, куда набирали наиболѣе способныхъ студентовъ изъ всѣхъ университетовъ. По первоначальному проекту они 3 года должны были пробывать въ Педагогическомъ институтѣ и 2 года за границей. Изъ Харьковскаго университета туда было отправлено въ 2 пріема 8 душъ и въ числѣ ихъ знаменитый впоследствии Иноземцевъ.

Попеч. Филатьевъ при этомъ высказался рѣшительно противъ заграничныхъ командировокъ по соображеніямъ политическаго свойства. Но эти соображенія однако не имѣли ничего общаго съ наукой. Опасаясь вліянія на харьковскихъ молодыхъ ученыхъ западныхъ политическихъ идей, Филатьевъ для огражденія ихъ отъ этого яда закрывалъ для нихъ возможность почерпнуть науку изъ ея непосредственнаго источника; но онъ забывалъ, что отгородить Россію въ началѣ XIX в. отъ Европы китайскою стѣною было невозможно; что чистая наука, какъ таковая, съ политикой совершенно не связана и что, если кто принесъ политическія идеи изъ-за границы въ Россію, то, конечно, не горсть молодыхъ русскихъ ученыхъ, а масса русскихъ офицеровъ, приведенныхъ туда Имп. Александромъ для уничтоженія господства Наполеона. Опытъ русскихъ университетовъ вообще и Харьковскаго въ частности не оправдывалъ подобныхъ опасеній: Затеplinскій и Черняевъ занимались во время командировки своею спеціальностью, а не политикой.

Ливень былъ согласенъ съ точкой зрѣнія Филатѣева, но Уваровъ, не смотря на свое ultra-русское направленіе, командировалъ питомцевъ Дерптскаго Педагогическаго института за границу, и изъ среды ихъ Харьковскій университетъ получилъ двухъ наиболѣе блестящихъ профессоровъ слѣдующаго періода—историка Лунина и классика Валицкаго, а также профессора-физика Лапшина. Нѣкоторые лица сами себя, такъ сказать, подготовили къ профессурѣ. Типомъ такихъ автодидаховъ можетъ служить Т. О. Степановъ, который подготовился къ преподаванію политической экономіи самостоятельно, занимая въ то же время должность учителя; сюда же нужно отнести Байкова. Говоря о лицахъ, подготовленныхъ самимъ университетомъ къ занятію въ немъ преподавательскихъ должностей, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ изъ нихъ, которые получили отъ него ученые степени, но не заняли въ немъ преподавательскихъ должностей. Въ первое десятилѣтіе магистерскую степень получили: Гевличъ (а потомъ и докторскую), Кеппенъ, Татаревъ; докторскую (непосредственно)—Хлапонинъ, Гесъ-де-Кальве, Дегай, Жиле (изящныхъ искусствъ) и Масловичъ. Кеппенъ въ послѣдствіи сдѣлся извѣстнымъ академикомъ; Гесъ-де-Кальве составилъ хорошую книгу по теоріи музыки; Масловичъ сдѣлся писателемъ (баснописцемъ) и редакторомъ-издателемъ журнала; Дегай и Гевличъ пріобрѣли извѣстность въ качествѣ юристовъ. Въ слѣдующее двадцатилѣтіе получили магистерскую степень: Левшинъ, Колядинъ, Гриневичъ, Корсунъ, Андріевскій, Шкляревичъ, Майстеренко; докторскую—магистръ Шуманъ (химія), Грибовскій, Яхимовичъ и др. Изъ нихъ въ послѣдствіи занимались науками—Левшинъ, Шуманъ. Магистерская и докторская степени давали большія права при поступленіи на гражданскую службу (докторскій дипломъ—на чинъ 8 класса) и потому нѣкоторые лица добивались этихъ степеней не по призванію къ ученой дѣятельности, а ради служебной карьеры. Понятно, что на этой почвѣ происходили нежелательныя явленія: послабленія на экзаменахъ, слабость диссертаций и т. п. Есть указанія, что подчасъ здѣсь дѣйствовали и корыстные виды. Министерство, по доносу проф. Дегурова, не дало дипломовъ Гриневичу и Ковалевскому, убѣдившись, что они списали свои диссертации съ лекцій и сочиненія профессора Шада. Въ виду злоупотребленій, обнаруженныхъ въ дѣлѣ ученыхъ промоцій въ разныхъ университетахъ, министерство издало о нихъ новыя, болѣе строгія правила. Между прочимъ, еще въ 1816 г. запрещено было давать докторскую степень лицамъ, не получившимъ степени магистра. Въ 1819 г. издано было новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ. Званіе почетнаго доктора упразднилось. Лица податныхъ

состояній не могли получать ученыхъ степеней. Для получения ученыхъ степеней магистра и доктора назначались извѣстные сроки.

Ознакомившись съ подготовкой тѣхъ лицъ, которыя получили каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ, обратимся теперь къ преподавательской дѣятельности ихъ и остановимся прежде всего на полномъ преподаваніи,—посмотримъ, какія каѳедры полагались по уставу и какія изъ нихъ были заняты въ дѣйствительности. Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ (нын. историко-филологическомъ факультетѣ) установлено было 6 каѳедръ съ 6 преподавателями: 1) краснорѣчія, стихотворства и русскаго языка, 2) греческаго языка и словесности, 3) древностей и латинскаго языка, 4) всемірной исторіи, географіи и статистики, 5) исторіи, географіи и статистики Россійскаго государства, 6) восточныхъ языковъ. Въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ (нын. юридическомъ факультетѣ) назначено было 7 каѳедръ: 1) догматическаго и нравоучительнаго богословія, 2) толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, 3) умозрительной и практической философіи, 4) правъ—естественнаго, политическаго и народнаго, 5) гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской имперіи, 6) правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7) дипломатики и политической экономіи. Въ отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ (нын. физико-математическомъ факультетѣ)—9 каѳедръ: 1) теоретической и опытной физики, 2) чистой математики, 3) прикладной математики, 4) астрономіи, 5) химіи и металлургіи, 6) естественной исторіи и ботаники, 7) сельскаго домоводства (т. е. хозяйства), 8) технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ, 9) военныхъ наукъ. Въ отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ (нын. медицинскомъ факультетѣ) полагалось 6 каѳедръ: 1) анатоміи, физиологіи и судебной врачебной науки (судебной медицины), 2) патологіи, терапіи и клиники, 3) врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолѣченія. Для всѣхъ этихъ 28 каѳедръ назначалось 28 профессоровъ и въ помощь имъ 12 адъюнктовъ. Кромѣ того, полагалось еще 3 лектора новыхъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) и 3 учителя пріятныхъ искусствъ—музыки, рисованія и танцевъ съ гимнастикой. Но хотя общее число преподавателей было ограничено цифрою 40, совѣту предоставлено было однако право приглашать сверхъ этой нормы въ профессора достойныхъ ученыхъ, а въ адъюнкты молодыхъ людей русскаго происхожденія, доказавшихъ свои способности лекціями или научными трудами (печатными или рукописными). Преподавательскія обязанности профессоровъ уставомъ опре-

дѣлены были такъ: они должны были преподавать курсы, присоединяя тамъ, гдѣ это было нужно, къ теоріи и практику; пополнять ихъ новыми открытіями, сдѣланными въ Европѣ; руководить адъюнктами. Каждый профессоръ обязанъ былъ, съ согласія совѣта, избрать въ видѣ пособія свое сочиненіе или книгу другого автора и ею руководствоваться при чтеніи лекцій; каждый курсъ долженъ былъ быть пройденъ въ назначенное время. Кромѣ указанныхъ выше предметовъ, совѣтъ могъ назначать дополнительные и возлагать преподаваніе ихъ на экстра-ординарныхъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ. Профессора, не имѣвшіе слушателей или вообще почему-либо не читавшіе своихъ курсовъ, обязаны были сообщить совѣту, какимъ полезнымъ дѣломъ они намѣрены были заниматься, или самъ совѣтъ могъ имъ поручить визитаціи училищъ или ученые путешествія. Адъюнкты — это помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ они должны были достигать усовершенствованія; они замѣняли ихъ въ случаѣ болѣзни и участвовали во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ; могли читать и самостоятельные курсы. Четырехъ наиболѣе выдающихся адъюнктовъ совѣтъ, по предложенію ректора, баллотировалъ въ экстра-ординарные профессора, которые получали прибавку жалованья изъ экономическихъ суммъ университета. Уставъ требовалъ учрежденія при университетѣ Педагогическаго института, во главѣ котораго долженъ былъ стоять особый директоръ изъ ординарныхъ профессоровъ, избранный совѣтомъ. Въ него могли поступать подъ именемъ студентовъ-кандидатовъ молодые люди, окончившіе университетъ и желавшіе приготовиться къ учительской должности; туда ихъ принимали на казенное содержаніе. Курсъ въ институтѣ полагался трехлѣтній, и по окончаніи его лица, доказавшія преподавательскія способности, получали вторую университетскую степень или опредѣлялись старшими и младшими учителями въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Старшіе учителя гимназій, пробывшіе на службѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ, пользовались, наравнѣ съ магистрами, преимуществами передъ посторонними лицами при выборѣ въ адъюнкты. Такимъ образомъ, Педагогическій институтъ, имѣя главною своею цѣлью готовить учителей, въ то же время косвенно могъ служить рассадникомъ молодыхъ людей, приготовлявшихся къ профессорскому званію. Преподаватели гимназій не были отгорожены китайскою стѣною отъ университета: между нимъ и среднею школою существовала тѣсная связь.

Таковы были требованія устава. Нужно замѣтить, что существовала маленькая разница между Харьковскимъ и другими университетами въ числѣ и составѣ кафедръ на разныхъ факультетахъ. Такъ, между

прочимъ, у насъ на словесномъ отдѣленіи не было эстетики и археологій, которыя были въ Московскомъ университетѣ, но зато числились военныя науки, которыхъ не было ни въ Москвѣ, ни въ Казани; это была дань уваженія къ дворянству за его пожертвованія. По сравненію съ нынѣшнимъ временемъ число кафедръ было весьма ограничено: тогда въ составъ одной кафедры входило по нѣсколько предметовъ, представляющихъ нынѣ отдѣльныя кафедры. Но зато теперь упразднены и нѣкоторыя изъ прежнихъ кафедръ, напримѣръ, восточныя языки, военныя науки и ветеринарія; нѣкоторые предметы теперь перенесены на другіе факультеты (напримѣръ, философія). Въ промежутокъ времени съ 1805 по 1835 годъ не произошло никакихъ перемѣнъ ни въ числѣ кафедръ, ни въ ихъ распредѣленіи по отдѣленіямъ. Являлись только проекты, изъ коихъ главные касались упраздненія медицинскаго факультета и раздѣленія физико-математическаго факультета на 2 отдѣленія. Мысль объ упраздненіи медицинскаго факультета была вызвана почти полнымъ отсутствіемъ на немъ въ первые годы слушателей. Въ 1809 году на этомъ факультетѣ было, по заявленію ректора, всего 3 студента, изъ которыхъ одинъ былъ боленъ, а другой находился въ отпуску,—и потому лекціи на немъ прекратились. Въ 1811 году на медицинскомъ факультетѣ также не было слушателей, и всѣ профессора его получили отъ совѣта порученіе заниматься чѣмъ-либо постороннимъ.

Тогда попечитель С. О. Потоцкій выступилъ съ предложеніемъ объ упраздненіи медицинскаго факультета. Къ счастью, его мнѣніе встрѣтило сильныя возраженія не только въ совѣтѣ, но и министерствѣ. Мало того: самъ государь высказалъ желаніе, чтобы медицинскій факультетъ оставался при Харьковскомъ университетѣ. Благодаря этому, рѣшено было принять самыя энергичныя мѣры для пополненія на немъ персонала учащихся и учащихся и для устройства учебно-вспомогательныхъ учреждений, отсутствіе которыхъ и было, конечно, главною причиною отсутствія студентовъ (не было ни анатомическаго театра, ни клиники, ни инструментовъ); первая клиника была открыта только въ 1814 году. Уничтоженіе же медицинскаго факультета было бы началомъ расчлененія университета и привело бы въ концѣ концовъ къ полному упраздненію его или переводу въ другой городъ, о чемъ и возникалъ вопросъ.

Что касается раздѣленія физико-математическаго факультета на 2 отдѣленія (математическое и естественное), то факультетъ входилъ объ этомъ съ представленіемъ въ совѣтъ еще въ 1822 г. Совѣтъ согласился съ этимъ и возбуждалъ соотвѣтственные ходатайства въ 1823,

1825 и въ 1834 гг. Это же ходатайство возбудилъ отъ своего имени и поп. гр. Ю. А. Головкинъ. Министръ однако не счелъ себя въ правѣ разрѣшить такое отступленіе отъ устава и распорядился только о внесеніи этого проекта въ комитетъ по устройству учебныхъ заведеній.

Изъ новыхъ учреждений, касавшихся преподаванія и не предусмотрѣнныхъ уставомъ 1804 года, слѣдуетъ отмѣтить только приготовительный классъ, экзаменаціонный комитетъ для лицъ, искавшихъ учительскаго званія, институтъ для гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ, возникшій благодаря указу 6 авг. 1809 г., требовавшему особаго экзамена въ университетѣ отъ чиновниковъ, не имѣвшихъ университетскаго диплома и желавшихъ получить чинъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника.

Посмотримъ теперь, насколько осуществлялись въ дѣйствительности требованія устава,—какія кафедры были заняты *de facto* и какія были вакантны.

Наглядное представленіе объ этомъ для перваго десятилѣтія даетъ слѣдующая таблица:

орд. проф., экстраорд., адъюнкт., лект., всего (русск., иностр.).

Въ 1805 году было	10	1	8	2	21	7	14
» 1806 » »	11	1	8	2	22	7	15
» 1807 » »	13	2	8	2	25	7	18
» 1808 » »	14	2	9	1	26	7	19
» 1809 » »	15	1	10	0	26	7	19
» 1810 » »	13	1	10	0	24	7	17
» 1811 » »	14	4	3	3	24	10	14
» 1812 » »	18	3	4	3	28	12	16
» 1813 » »	18	3	7	5	33	15	18
» 1814 » »	17	2	9	4	32	16	16

Если сопоставить эти цифры съ числомъ преподавателей, полагавшимся по штату, то окажется слѣдующее (экстраординарныхъ профессоровъ мы включаемъ въ составъ адъюнктовъ, каковыми они были и по существу).

Въ 1-й годъ недоставало	18 проф.,	3 адъюнк.	и 1 лектора	(22 чел.)
» 2-й » »	17 »	3 »	» 1 »	(21 »)
» 3-й » »	15 »	2 »	» 1 »	(18 »)
» 4-й » »	14 »	1 »	» 2 »	(17 »)
» 5-й » »	14 »	1 »	» 3 »	(18 »)
» 6-й » »	13 »	1 »	» 3 »	(17 »)
» 7-й » »	15 »	5 »	» 0 »	(20 »)
» 8-й » »	14 »	5 »	» 0 »	(19 »)

Въ 9-й годъ недоставало 10 проф., 2 адъюнк. (2 лишнѣхъ) (12 чел.)
 » 10-й » » 11 » 1 » (1 лишній) (12 »)

Изъ этихъ таблицъ видно, что число вакантныхъ кафедръ въ первое десятилѣтіе, благодаря энергичной дѣятельности совѣта по части замѣщенія ихъ, постепенно уменьшалось: въ первый годъ ихъ было 50⁰/₀, а въ девятый и десятый годы немного болѣе 25⁰/₀. Наконецъ, для правильной оцѣнки представленныхъ здѣсь цифръ необходимо имѣть въ виду, что медицинскій факультетъ началъ правильно функціонировать только съ 1811 года. Такимъ образомъ, до этого года число занятыхъ кафедръ пришлось бы въ сущности распредѣлить только между тремя факультетами, и на долю каждаго изъ нихъ, слѣдовательно, пришлось бы менѣе вакантныхъ кафедръ.

Въ послѣдующее двадцатилѣтіе число всѣхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ равнялось въ среднемъ 29¹/₄, въ то время какъ по уставу ихъ требовалось 40, т. е., иными словами, недоставало болѣе 25⁰/₀. Самыми печальными годами по числу преподавателей являются—1815-й (27), 1817 (26), 1820 (24), 1821 (26), 1822 (27), 1823 (27), 1824 (27), 1828 (27); самыми лучшими—1819 (32), 1826 (31), 1829 (32), 1830 (33), 1832 (34). Между факультетами преподаватели распредѣлялись такъ: на долю словеснаго факультета приходилось въ среднемъ (за 20 лѣтъ) въ годъ 3³/₄, физико-математическаго 10¹/₄, этико-политическаго 4³/₄ и медицинскаго 6¹/₂. Недоставало до нормы устава (если приурочить къ каждому факультету по 3 адъюнкта)—по словесному факультету 1¹/₄, по физико-математическому 1³/₄, медицинскому 2¹/₂ и этико-политическому 5¹/₄, иными словами, по обезпеченію преподавателями факультеты идутъ въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: словесный, физико-математическій, медицинскій и этико-политическій. Колебанія по годамъ на одномъ и томъ же факультетѣ бывали довольно значительны: на этико-политическомъ максимальное число преподавателей равнялось 8, минимальное 3; на медицинскомъ—максимальное 9, минимальное 4; на физико-математическомъ—максимальное 12, минимальное 7; на словесномъ—максимальное 9, минимальное 6. Если сравнить эти цифры съ цифрами перваго десятилѣтія, то окажется слѣдующее: среднее число преподавателей тогда равнялось 24, а ежегодный дефицитъ ихъ равенъ 16. Слѣдовательно, общая норма ихъ возвысилась съ 24 до 29¹/₄, а дефицитъ уменьшился съ 16 до 10³/₄.

Обратимся теперь къ личному составу преподавателей, сдѣлаемъ перечень ихъ по кафедрамъ, въ хронологическомъ порядкѣ занятія этихъ послѣднихъ, посмотримъ, какіе курсы они читали и какими пособіями при чтеніи ихъ пользовались.

Начнемъ свое обозрѣніе со словеснаго факультета. Каѳедра російской словесности и краснорѣчія была занята здѣсь до 1811 года выдающимся ея представителемъ Рижскимъ; послѣ его смерти съ 1812 года орд. проф. П. Е. Срезневскимъ и съ 1815 г. адъюнктомъ Борзенковымъ, потомъ временно выступали Складовскій и Золотаревъ, наконецъ занялъ ее въ 1831 г. Якимовъ. Рижскій читалъ риторику и піитику, занимался разборомъ литературныхъ произведеній съ эстетической точки зрѣнія и даже давалъ краткій очеркъ русской словесности, руководствовался своими печатными сочиненіями и нѣкоторыми иностранными пособіями. Срезневскій и Борзенко подѣлили его предметъ между собою такъ, что на долю перваго досталась эстетика съ критикой, а на долю 2-го риторики, піитики (которыя онъ читалъ по Рижскому) и введеніе въ словесность; Срезневскій, подобно Рижскому, разбиралъ сочиненія своихъ слушателей; потомъ и Борзенко читалъ эстетику и критику по Мейнерсу и исторію русской словесности по руководству Греча. Складовскій преподавалъ поэзію и философскую грамматику (по Блеру, Гречу и Остолопову). Золотаревъ читалъ риторику по Рижскому, поэзію и исторію русской словесности. Якимовъ—риторику, піитику, исторію русской словесности, теорію словесности и вѣлъ практическія занятія. Греческій языкъ и словесность читалъ съ 1805 по 1811 годъ проф. Белевъ-де-Баллю, въ 1812 г.—ад. Милюновичъ, потомъ эта каѳедра была вакантна до пріѣзда въ 1817 г. Куницкаго, а съ 1819 года представителемъ каѳедры сдѣлался Джунковскій; наконецъ, эту каѳедру занялъ Мауреръ. Белевъ-де-Баллю читалъ греческую грамматику (по собственному методу), а впослѣдствіи и археологію; изъ авторовъ переводилъ Геродота, Гомера и Лукіана; Милюновичъ излагалъ греческую грамматику и древности по книгѣ Валерія и послѣ краткаго очерка греческаго краснорѣчія объяснялъ Демосѣна. Куницкій читалъ исторію греческой литературы по руководству Эшенбурга, греческую грамматику, переводилъ отрывки изъ писателей по хрестоматіи Гедике, стихотворной хрестоматіи Белевъ-де-Баллю и Матею; переводилъ Платонова Критона и вѣлъ курсъ міѳологіи. Джунковскій преподавалъ исторію греческой литературы по Эшенбургу и по собственнымъ запискамъ, излагалъ греческія древности по Бозію и переводилъ Піаду Гомера. Мауреръ читалъ греческую грамматику и комментировалъ и переводилъ Анабасисъ Ксенофонта, Плутарха, Одиссею Гомера, Феокрита. Каѳедру латинскаго языка занималъ до смерти проф. Умляуфъ, которому помогали адъюнкты Паки-де-Совиньи; съ 1807 по 1811 преподаваніе по этому предмету было поручено Белевъ-де-Баллю (во время же отлучки въ Петербургъ его замѣнялъ прекрасный латинистъ, проф.

Шадъ); съ 1811 по 1814 г. эту кафедру съ честью занималъ выдающійся филологъ пр. Роммельъ, при которомъ состоялъ адъюнктомъ тотъ же Паки-де-Совиньи, произведенный въ 1813 г. въ экстра-ординарные профессора. Въ 1814 г. предметъ этотъ подѣлили между собою Шаль и Паки-де-Совиньи. Загѣмъ замѣчательнымъ представителемъ этой кафедры сдѣлался съ 1819 г. Кронебергъ, помощникомъ его впоследствии Сокальскій. Умляуфъ преподавалъ римскія древности, эстетику, декламацию, переводилъ Саллюстія и Горация и занимался разборомъ студенческихъ сочиненій. Временный преподаватель Белень-де-Баллю объяснялъ Цезаря, Цицерона, Виргилія, Горация, Тита Ливія и Тацита и упражнялъ студентовъ въ латинскихъ сочиненіяхъ. Паки-де-Совиньи излагалъ элементарный курсъ латинской словесности и грамматики, занимался чтеніемъ отрывковъ изъ писателей, упражнялъ своихъ слушателей въ сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ. Роммельъ значительно расширилъ рамки преподаванія, введя въ него исторію римской литературы (по Герлаху) и политическія древности. Кромѣ того, онъ устроилъ филологическій семинарій, въ которомъ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герминевтики и археологін. Кронебергъ объяснялъ римскихъ классиковъ (Тацита, Горация и Цицерона), преподавалъ филологическую энциклопедію, римскія древности по своей книгѣ «*Antiquitates romanae*» и исторію римской словесности. Сокальскій объяснялъ легчайшихъ римскихъ авторовъ, Федровы басни, Цицерона, Энеиду, занимался переводами съ латинскаго на русскій и обратно, читалъ исторію римской словесности по руководству Филеборна и римскія древности по книгѣ Кронеберга. Восточные языки читалъ короткое время вначалѣ пасторъ Харьковскаго евангелическаго общества Барендтъ, а впоследствии единственнымъ представителемъ этой кафедры былъ (съ 1827 г.) проф. Дорнъ. Барендтъ читалъ еврейскую грамматику по руководству Дидерика, переводилъ съ еврейскаго языка на русскій псалмы и преподавалъ филологію восточныхъ языковъ. Дорнъ объяснялъ персидскую хрестоматію Бондырева и Вольненія, арабскую грамматику, алкоранъ, преподавалъ желающимъ санскритскій языкъ, читалъ персидскій, арабскій и турецкій языки, а также турецкую хрестоматію Летельера, исторію персидской литературы, для желающихъ—еврейскій и эіопскій языки. Кафедру всеобщей исторіи, географіи и статистики первоначально дѣлили между собою лекторы Рейнишъ и Рейгъ. Загѣмъ эта кафедра перешла къ проф. Дегурову; адъюнктомъ его былъ Адамовичъ. Предметъ этотъ послѣ отъѣзда Дегурова въ Петербургъ дѣлили между собою Адамовичъ, Филомафитскій и Гонорскій; въ концѣ этого періода (съ 1831 г.) читалъ его Цыхъ,

переведшійся, впрочемъ, скоро (въ 1834 г.) въ Кіевскій университетъ. Рейнишъ читалъ древнюю исторію съ хронологіей, Рейтъ географію, статистику и исторію европейскихъ государствъ. Съ прїѣздомъ проф. Дегурова, преподаваніе по этой каѳедрѣ достигло особенной широты. Онъ сталъ читать исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ (общее философское обзорѣніе) и спеціальныя курсы новѣйшей исторіи, исторической критики, исторію успѣховъ человѣческаго ума въ искусствахъ и наукахъ, политическихъ, церковныхъ и гражданскихъ учреждений. Рейтъ ввелъ въ свое преподаваніе еще нумизматику, а Рейнишъ— историческую пропедевтику, археологію всеобщей исторіи и критическій анализъ мѣровъ древности. Со смертію Рейниша древнюю исторію съ географіей сталъ читать сначала Рейтъ (по учебнику Бредова), а потомъ Адамовичъ. Дегуровъ читалъ среднюю и новую исторію, статистику и историческую критику. Филомафитскій читалъ всеобщую исторію по руководствамъ Шлецера и Кайданова, географію (по Клюверію), а потомъ по собственнымъ запискамъ, объяснялъ особенность древнихъ и новыхъ историковъ. Гонорскій читалъ курсы по всеобщей исторіи, географіи (по Зябловскому) и статистикѣ (по собственнымъ запискамъ и Мейзелю). Адамовичъ читалъ среднюю и новую исторію по Зябловскому, дѣлая прибавленія изъ лучшихъ историческихъ писателей. Цыхъ читалъ всеобщую исторію по Геерену и своему конспекту. Каѳедра русской исторіи, географіи и статистики оставалась вакантною до 1807 года, когда ее занялъ достойнѣйшій Успенскій (умершій въ 1820 г.). Преемникомъ его былъ Гулакъ-Артемовскій. Успенскій читалъ систематическій курсъ русской исторіи, географіи и статистики (по своимъ запискамъ), а кромѣ того спеціальныя курсы (*первый въ Россіи*) русскихъ древностей. Потомъ эти же курсы читалъ Артемовскій-Гулакъ, греческую исторію по Константинову и своимъ запискамъ, статистику по Зябловскому и Арсеньеву, а потомъ по своимъ запискамъ.

На этико-политическомъ факультетѣ каѳедра церковной исторіи была все время вакантна. Каѳедра богословія была вакантна до 1819 года, и только тогда она занята была прот. Могилевскимъ, читавшимъ, впрочемъ, свой предметъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Могилевскій преподавалъ богопознаніе и христіанское ученіе, первое по Фальковскому и Теофилакту, второе—по своимъ запискамъ, объяснялъ евангеліе и апостольскія посланія. Каѳедра философіи занята была первоначально знаменитымъ Шадоу; адъюнктами его состояли—Лангъ (до 1811 года) и Дудровичъ (съ 1813 года). Его преемникомъ сдѣлался Дудровичъ, а по смерти послѣдняго Чановъ со своимъ адъюнктомъ Гренбергомъ. Шадъ читалъ логику, эмпирическую психологію, умозрительную фило-

софію, исторію философіи и теорію эстетики—все по собственнымъ запискамъ, кромѣ того, Шааъ ежемѣсячно устраивалъ философскіе диспуты; Лангъ—нравственную философію (по своимъ запискамъ); Дудровичъ—первоначально, въ качествѣ адъюнкта Шааа, логику по книгѣ Шааа, и психологію по книгѣ Снеллія. Въ качествѣ самостоятельнаго преподавателя онъ читалъ эмпирическую психологію, логику и велъ по этой послѣдней практическія занятія, состоявшія въ диспутахъ для развитія силлогистическаго искусства; читалъ и курсы нравственной философіи, руководствуясь преимущественно Карпіемъ, и исторію философіи, по руководству Аста, введеніе во всеобщую философію. Чановъ читалъ нравственную философію, исторію философіи, теорію эстетики и указывалъ лучшихъ авторовъ для чтенія. Гренбѣргъ преподавалъ логику и психологію по конспекту Чанова. Временно Протопоповъ читалъ логику по запискамъ Дудровича. По кафедрѣ права—естественнаго, политическаго и народнаго—первоначально читалъ (съ 1807 года) адъюнктъ Лангъ, затѣмъ съ 1814 г. Рейтъ, послѣ его смерти временно читалъ Дудровичъ, а затѣмъ съ 1831 г. Криворотовъ. Лангъ велъ преподаваніе по праву естественному, политическому и народному по своимъ запискамъ. Рейтъ—по Гроцію, Якобу, Мейстеру, Клейну, Мартини, Карпе. Криворотовъ читалъ естественное право по руководству Мартини. Каѳедра правъ древнихъ и нынѣшнихъ народовъ была поручена сперва ад. Филипповичу, который однако отправился до открытія лекцій въ заграничную командировку и въ Харьковъ не возвращался. Такимъ образомъ, первымъ преподавателемъ былъ Гамперле, который также оставался въ своей должности не долго. Послѣ перерыва въ 1811 году чтеніе этого курса было поручено Пауловичу, и только въ 1812 г. впервые, можно сказать, каѳедра эта нашла себѣ достойнаго представителя въ лицѣ проф. Швейкарта, который сталъ читать систему и исторію римскаго права, но также скоро уѣхалъ изъ Харькова. Эк.-пр. Рейтъ читалъ исторію права новыхъ народовъ. Представителемъ каѳедры остался Пауловичъ; въ концѣ выступилъ еще ад. Криворотовъ. Швейкартъ читалъ энциклопедію, методологію, систему римскаго права, его исторію (раньше его читалъ Пауловичъ по сочиненію Цахія) и герминевтику; исторію законодательства новѣйшихъ народовъ и международное право взялъ на себя Рейтъ. Пауловичъ читалъ курсы исторіи римскаго права по руководству Баха, догмы его (по выпискамъ изъ Гейнекція и Вальдека), энциклопедію и методологію права древнихъ и новѣйшихъ народовъ. Криворотовъ—исторію римскаго права по конспекту проф. Пауловича, объяснялъ пандекты и институціи. Каѳедру русскаго гражданскаго и уголовнаго права занималъ перво-

начально Тимковскій, а съ выходомъ его въ отставку она была временно поручена Успенскому (съ 1812 г.). Далѣе выдающимся представителемъ этой каѳедры были проф. Даниловичъ и пр. Гордѣнко, а также адъюнкты Михаловскій и Бабичевъ. Тимковскій читалъ исторію и систему русскаго права (древняго и новаго) по собственнымъ запискамъ, Успенскій излагалъ исторію русскаго права вообще и русское уголовное и гражданское право и практику въ томъ и другомъ—по собственнымъ запискамъ, а также читалъ спеціальныя курсы литовскаго, курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго права. Даниловичъ читалъ русское гражданское право и судопроизводство по руководству Вельяминова-Зернова со своими дополненіями, а потомъ тотъ же курсъ по своимъ запискамъ, излагалъ также частныя постановленія присоединенныхъ областей, русское уголовное право, слѣдую Генке и по собственнымъ запискамъ, показывалъ порядокъ уголовнаго судопроизводства въ Россіи. Гордѣнко преподавалъ русское гражданское право, русское уголовное и гражданское судопроизводство. Михаловскій преподавалъ русское уголовное и гражданское право по собственнымъ запискамъ. Бабичевъ читалъ русское публичное право, русское уголовное и гражданское судопроизводство. Каѳедру дипломатики и политической экономіи занимали временно ад. Гамперле и Лангъ, а 1807 года проф. Якобъ, съ отъѣздомъ этого послѣдняго въ 1810 г. Лангъ, а въ концѣ достойнымъ представителемъ этой каѳедры сдѣлался проф. Степановъ. Якобъ излагалъ науку народнаго хозяйства по своему учебнику, Grundsätze der National-Oeconomie. Его преемникъ Лангъ, кромѣ политической экономіи, читалъ еще полицейское право, науку о государственныхъ доходахъ (финансовое право) и политическую ариѳметику—первый предметъ по книгѣ Якоба, второй и третій—по собственнымъ запискамъ, четвертый—по собственному учебнику.

На физико-математическомъ факультетѣ каѳедру физики занималъ съ основанія университета до 1813 г. пр. Стойковичъ; помощникомъ его были Крюгеръ (съ 1807 г.), а потомъ (съ 1811 г.) Комлишинскій, который съ 1813 г. сдѣлался самостоятельнымъ представителемъ этой каѳедры; адъюнктомъ у него былъ Правицкій. Стойковичъ читалъ умозрительную и опытную физику, по своему руководству, и физическую географію, а на практическихъ занятіяхъ показывалъ опыты и объяснялъ слушателямъ избранныя мѣста изъ поэмы Лукреція «О природѣ» и Виргиліевыхъ «Георгики». Крюгеръ преподавалъ элементарный курсъ физики; Комлишинскій теоретическую физику по сочиненію, изданному главнымъ правленіемъ училищъ, а потомъ по собственнымъ запискамъ, прикладную физику—по Мейеру, физи-

ческую географію и метеорологію по собственнымъ запискамъ. Пращицкій, подъ руководствомъ Комлишинскаго, читалъ общій курсъ физики для медиковъ. По кафедрѣ химіи было первоначально два преподавателя—Шнаубертъ и Гизе, съ 1811 года одинъ Гизе, а послѣ перевода его въ Дерптъ (въ 1814 г.)—его ученикъ Сухомлиновъ. Шнаубертъ читалъ общую часть химіи по учебнику Шерера, а Гизе—техническую, по Гмелину и собственнымъ сочиненіямъ; сверхъ того, послѣдній читалъ и спеціальныя отдѣлы (напримѣръ, о самопроизвольныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ животными и растеніями на земной поверхности и внутри земли). Затѣмъ въ своихъ рукахъ сосредотчилъ полный и замѣчательный курсъ всеобщей химіи одинъ Гизе, обработавшій его и для печати. Сухомлиновъ потомъ читалъ химію по руководству Гизе, теорію химіи и стехиометрію по собственнымъ запискамъ. Представителемъ обширной кафедры естественной исторіи былъ съ основанія университета пр. Делявинъ, адъюнктами у него—Крюгеръ и Каретниковъ, потомъ проф. Тауберъ и Громовъ. Затѣмъ представителями этой кафедры были—ботаникъ Черняевъ, зоологъ и минералогъ Криницкій. Делявинъ излагалъ общую часть ботаники и зоологіи (первую по Линнею, а потомъ по руководству Вильденова, вторую по Блюменбаху); кромѣ того, онъ демонстрировалъ растенія въ ботаническомъ саду и ходилъ разъ въ недѣлю лѣтомъ по утрамъ при благоприятной погодѣ со студентами въ поля для ботаническихъ объясненій. Каретниковъ преподавалъ терминологию и физиологию растений и предпринималъ со студентами экскурсіи. Минералогию въ то же время читалъ сначала Крюгеръ (по руководству академика Севергина), потомъ Тауберъ—по Брошану и придерживаясь химической системы Карстена. Ад. Громовъ читалъ общее обзорѣніе естественной исторіи по Блюменбаху. Черняевъ читалъ первоначально общее обзорѣніе естественной исторіи, потомъ ботанику по Вильденову, Ришару и Горяинову, роды растений вообще по Декандолю и о харьковской флорѣ на живыхъ сухихъ растеніяхъ по своимъ запискамъ, весною и лѣтомъ разъ въ недѣлю дѣлалъ со своими слушателями ботаническія экскурсіи. Криницкій преподавалъ зоологию по Кювье, Яроукому и своимъ запискамъ, минералогию—по Фишеру, Щеглову и своимъ запискамъ. По кафедрѣ технологіи и коммерціи читалъ до 1811 г. ад. Шмерфельдъ; послѣ его смерти были временные преподаватели, пока не явился лекторъ этого предмета Дьячковъ, который также преподавалъ не долго. Шмерфельдъ читалъ технологію по сочиненію Функа, а коммерцію по своимъ запискамъ. Временный преподаватель проф. сельскаго хозяйства Нельдехенъ читалъ технологію по Бекману и Гермб-

шеду, а Громовъ—коммерцію по сочиненію Бюша. Дьячковъ читаль технологию съ коммерціей по руководству Бекмана и Двигубскаго съ собственными примѣчаніями. Каѳедра сельскаго хозяйства до 1811 г. оставалась вакантною, но преподаваніе по ней велось пр. Стойковичемъ и Дегуровымъ (историкомъ); съ этого же года она получила постоянного представителя въ лицѣ проф. Нельдехена. Временное преподаваніе по ней, послѣ удаленія его, было поручено Джунковскому (классику), потомъ преподаваніе по ней велъ Байковъ. Стойковичъ читаль по извѣстному въ Венгріи учебнику Планкія. Нельдехенъ читаль курсъ по Бекману и по собственнымъ запискамъ, онъ также преподавалъ естественную исторію въ приложеніи къ агрономіи по руководству Бекштенія. Джунковскій—также по Бекману и собственнымъ запискамъ. Временнымъ преподавателемъ по каѳедрѣ военныхъ наукъ былъ учитель Ивановъ, а потомъ Робушъ, который излагалъ полевую фортификацію по руководству Вернона и Бумаера, долговременную фортификацію по руководству Сенполя, теорію осады и защиты крѣпостей, артиллерію по руководству Гогеля и занималъ своихъ слушателей черченіемъ плановъ. Каѳедру чистой математики занималъ съ основанія университета до 1821 г. блестящій проф. Осиповскій; адъюнктами у него были Васильевъ и Павловскій, который съ удаленіемъ Шада сдѣлался представителемъ этой каѳедры; въ первое время, впрочемъ, вмѣстѣ съ Байковымъ въ концѣ періода выступилъ еще Дьяченко. Осиповскій читаль чистую математику частью по своимъ запискамъ, частью по своему печатному руководству—а именно: геометрію и тригонометрію (плоскую и сферическую), теорію функцій, интегральное и варіаціонное исчисленіе, приложеніе аналитическихъ функцій къ высшей геометріи. Васильевъ и Павловскій при немъ преподавали элементарный курсъ математики, потомъ Павловскій алгебру, обыкновенную и высшую геометрію, плоскую и сферическую тригонометрію, коническія сѣченія, дифференціальныя и интегральныя исчисленія, теорію аналитическихъ функцій, сначала по руководству Осиповскаго, потомъ по собственнымъ запискамъ. Байковъ преподавалъ низшую математику по руководствамъ Осиповскаго и Эйлера, высшую чистую алгебру, плоскую и сферическую тригонометрію и коническія сѣченія. Дьяченко читаль чистую математику; каѳедра прикладной математики была занята первоначально проф. Гумомъ; съ отъѣздомъ его (въ 1811) по ней временно преподавалъ Осиповскій; а съ 1813 г. сталъ читать по ней курсъ и Архангельскій, а потомъ и Дьяченко. Гуть читаль по прикладной математикѣ слѣдующіе курсы: опытную геометрію, механику, оптику и гидравлику. Осиповскій читаль оптику и механику по со-

чиненіямъ Лакаля и Франкера. Архангельскій излагалъ механику по Франкеру, одно время оптику по руководству Бюржа и Лакаля, приложение механическихъ началъ къ употребленію машинъ, по сочиненію Чиждова, со своими прибавленіями. Васильевъ преподавалъ практическую геометрію съ началами геодезіи и упражнялъ въ черченіи. Байковъ обучалъ практической съемкѣ и счисленію на косточкахъ по способу Свободскаго. Дьяченко—практическую геометрію, оптику по Архангельскому и счетъ по системѣ Свободскаго. Каѳедра астрономіи была первоначально вакантна—временно же по ней читалъ Гуть и Осиповскій: затѣмъ эту каѳедру занимали Затеplinскій и Шагинъ. Гуть по ночамъ, при ясномъ небѣ, объяснялъ опытную астрогнозію и астрономію.

Осиповскій читалъ астрономію по сочиненію Біо, Затеplinскій—теоретическую астрономію по руководству Лапласа, Шуберта и Деламбра, Шагинъ—по собственнымъ запискамъ и Деламбру.

На медицинскомъ факультетѣ каѳедру анатоміи, фізіологіи и судебной медицины занималъ съ 1806 г. Ванноти, а съ 1811 года къ нему присоединился Книгинъ, а этого послѣдняго смѣнилъ Венедиктовъ, адъюнктомъ былъ Леоновъ. Ванноти читалъ анатомію и фізіологію по руководству Пленка, медицинскую полицію и судебную медицину, а также велъ практическія занятія зимою на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ. Книгинъ читалъ анатомію по Загорскому, фізіологію по Крансбруху, медицинскую полицію и судебную медицину по собственнымъ запискамъ. Венедиктовъ преподавалъ анатомію по Загорскому, упражнялъ слушателей въ «трупоразытіи» и приготавливалъ трупы для анатомическихъ лекцій; читалъ также и фізіологію, судебную медицину и медицинскую полицію. Леоновъ преподавалъ первую часть анатоміи. Каѳедру патологіи, терапіи и клиники занимали профессора Дрейсигъ, Брандейсъ и Рейпольскій. Дрейсигъ для своего курса терапіи (общей и частной) пользовался сочиненіемъ Геккера, патологію (общую и частную) излагалъ по собственнымъ запискамъ и велъ клинику. Брандейсъ преподавалъ общую и частную патологію и терапію, велъ клинику и объяснялъ соч. Вельса «De re medica» и афоризмы Гиппократы. Рейпольскій излагалъ сначала ученіе о хроническихъ болѣзняхъ, а потомъ общую и частную патологію и терапію. Гнѣдичъ очень недолго читалъ патологію. Каѳедру хирургіи занимали—Шумлянскій, получившій себѣ въ 1814 г. адъюнкта Колумну Вигуру, Еллинскій съ адъюнктомъ Кригеромъ и Бутковскій. Шумлянскій проходилъ теоретическую и оперативную хирургию по сочиненіямъ Плотнера и Калиссена, читалъ онъ также спеціальныя курсы по исторіи хирургіи и о повязкахъ. Колумна Вигура читалъ теоретическую и практическую хирургию и дѣлалъ хирургическіе

опыты. Еллинскій читалъ оперативную и патолого-терапевтическую хирургию по руководству Буша, клиническія хирургическія наставленія, десмургію. Кригеръ преподавалъ десмургію по запискамъ Еллинскаго, оперативную хирургию и читалъ со студентами медицинскія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ. Бутковскій читалъ теоретическую хирургию по сочиненію Хеліуса. Каѳедру повивальнаго искусства занимали—съ 1811 г. Каменскій (до того времени одинъ теоретическій курсъ временно читалъ Калькау), Богородицкій, Блументаль и Ганъ. Каменскій пользовался для своихъ лекцій повивальнаго искусства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней трудами Мартенса и Амбодика, съ прибавленіемъ своихъ собственныхъ примѣчаній. Богородицкій преподавалъ теоретическое и практическое акушерство (по сочиненію Капюрона), женскія и дѣтскія болѣзни. Блументаль читалъ теоретическое и практическое акушерство по руководству Иерга и Озіандера, а когда представлялся случай, посѣщаль со слушателями клинику для леченія роженицъ и младенцевъ, излагалъ дѣтскія болѣзни по руководству Ганке и Гартаннера и велъ практическія упражненія на фантомѣ. Проф. Ганъ читалъ акушерство по конспекту Блументалья, а дѣтскія болѣзни по системѣ Гекке. По каѳедрѣ врачебнаго веществословія (фармакологіи), фармаціи и врачебной словесности (исторію медицины) читали—съ 1807 года Коритарі, послѣ его смерти (съ 1810 года) Ванноти, ад. Калькау, далѣе проф. Громовъ съ ад. Болгаревскимъ, наконецъ, Е. С. Гордѣнко. Коритарі читалъ фармакологию и исторію медицины по собственнымъ запискамъ, а фармацію—по сочиненію Тромсдорфа. Ванноти преподавалъ фармакологию и рецептуру, руководствуясь для приготовленія лекарствъ русской гражданской и военной фармакопеей, а также излагалъ практическую фармацію и исторію медицины. Громовъ читалъ фармакологию по сочиненію Геккера, руководствуясь въ фармакологической практикѣ сокращеніемъ Бухгольца, а для приготовленія лекарствъ сочиненіемъ Нелюбина и русской полевой фармакопеей; кромѣ того, онъ дѣлалъ обзорніе медицинскихъ системъ по руководству Удена и Геккера. Болгаревскій читалъ практическую фармацію по руководству химика-фармацевта Буильона-Лагранжа. Гордѣнко преподавалъ фармацію по Тромсдорфу и рецептуру по Фохту. Каѳедру скотолеченія (ветеринарія) занимали—проф. Пильгеръ, а потомъ Экебладъ. Пильгеръ читалъ разные отдѣлы ветеринарій—общую и частную сравнительную зоопатологию, наставленіе о вскормленіи скота, черепословіе и т. п. Экебладъ читалъ общее обзорніе ветеринарной науки относительно ея различныхъ вѣтвей, пользы и исторіи, зоотомію главнѣйшихъ животныхъ, сравнительную физиологию, патологию и повальныя болѣзни домашнихъ животныхъ.

Когда известная кафедра не имѣла представителя, его замѣнялъ, какъ мы видѣли, преподаватель какого-либо иного предмета, и благодаря этому преподаваніе фактически не прекращалось, хотя, конечно, не могло уже вестись съ должной полнотой и обстоятельностью. Но бывали все-таки случаи, когда не было и такого временнаго преподавателя по нѣкоторымъ предметамъ. Изъ представленныхъ данныхъ видно, что на словесномъ отдѣленіи почти все время была вакантна кафедра восточныхъ языковъ. На этико-политическомъ все время не была занята кафедра церковной исторіи и первыя 14 лѣтъ богословія; оставались безъ спеціалиста долгое время кафедры политической экономіи и естественнаго права; на физико-математическомъ факультетѣ также бывали вакантны кафедры астрономіи, сельскаго хозяйства, технологіи и военныхъ наукъ; на медицинскомъ факультетѣ нѣкоторое время — кафедры патологіи и терапіи, хирургіи и ветеринаріи. Но зато нѣкоторые изъ преподавателей объявляли курсы, не требуемые уставомъ. Таковы, напримѣръ, были курсы—нумизматики, русскихъ древностей, педагогіи, полицейскаго права, политической ариѳметики, гражданской архитектуры (ее читалъ Васильевъ по Блонделю и Дюранду), діететики (читалъ Калькау), антропологіи (читали Ванноти и Дрейсигъ), энциклопедіи медицины (читалъ Калькау), геогнозіи, психіатріи (ее читалъ проф. Бутковскій, согласно съ теоретическими соображеніями Грасса и Гейнрота и практическими наставленіями Ескироля).

Что касается новыхъ языковъ, то они вначалѣ по большей части не имѣли особыхъ лекторовъ, а преподавали ихъ профессора другихъ предметовъ (иностранцы). Въ исключительномъ положеніи былъ только французскій языкъ, имѣвшій все время особаго лектора—Паки-де-Совиньи (который, впрочемъ, состоялъ и при кафедрѣ латинской словесности). Но и по этому предмету читали курсы Белень-де-Баллю и Дегуровъ. Паки-де-Совиньи читалъ и элементарный курсъ, и курсъ словесности по своимъ руководствамъ, объяснялъ правила слоговъ и стихотворства (риторику и пѣтику), занимаясь чтеніемъ Телемака, Вольтеровой Генріады и науки стихотворства Буало. Белень-де-Баллю излагалъ правила краснорѣчія, объясняя ихъ примѣрами изъ лучшихъ писателей, и исторію древней и новой словесности. Нѣмецкій языкъ и словесность преподавали временно: до 1807 г. проф. Умляуфъ, потомъ Рейтъ, Якобъ, Шадъ, Гонорскій и Кронебергъ, затѣмъ лектуру нѣмецкаго языка занялъ Гренбергъ. Гонорскій упражнялъ въ разговорахъ, читалъ краткій курсъ нѣмецкой литературы. Преподаваніе англійскаго языка начато было ад. Шмерфельдомъ, но прекратилось за его смертію въ 1811 г., затѣмъ одно время читалъ англійскій языкъ проф. Дорнъ.

Кромѣ этого, проф. Белень-де-Баллю временно преподавалъ итальянскій языкъ, разбирая основы итальянскаго языка и перевода Метастасіевы трагедіи, Освобожденный Іерусалимъ Торквато Тассо.

Преподавателями свободныхъ искусствъ были: музыки—магистръ Витковскій, рисованія—магистръ Матесъ и Шепфлинъ, танцевъ—магистръ Балашовъ, Еропкинь, фехтованія и верховой ѣзды—Сивоктъ, Ледюкъ. Многіе профессора (на всѣхъ факультетахъ) вели практическія занятія, соотвѣтствовавшія характеру предмета: ботаники демонстрировали растенія, юристы упражнялись въ фактическомъ судопроизводствѣ, филологи—въ разборѣ студенческихъ сочиненій и темъ. Кромѣ чтенія лекцій студентамъ, профессора вели еще преподаваніе въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ, состоявшихъ при университетѣ—приготовительномъ классѣ университета, педагогическомъ институтѣ и институтѣ гражданскихъ чиновниковъ. Приготовительный классъ существовалъ 3 года и былъ вызванъ къ жизни почти полнымъ отсутствіемъ въ то время гимназій; читали въ немъ адъюнкты. Педагогическій институтъ былъ открытъ только въ 1811 году, такъ поздно потому, что въ университетѣ было мало студентовъ и еще меньше кандидатовъ. Первымъ директоромъ его былъ проф. Роммель, составившій для него и «положеніе». Преподавались въ немъ педагогика, дидактика и методика. Но прежняя причина—недостатокъ кандидатовъ (ихъ и безъ того брали нарасхватъ)—продолжала дѣйствовать, и педагогическій институтъ, повидимому, прекратилъ свое существованіе, и только впослѣдствіи уже лекторъ Кронебергъ выступилъ съ проектомъ объ его возстановленіи. Такъ же неудачно пошло дѣло съ институтомъ для гражданскихъ чиновниковъ. Все это были механическіе придатки къ университету, не заключавшіе сами въ себѣ жизненныхъ элементовъ. Онъ былъ открытъ въ 1810 г. при 27 слушателяхъ; въ слѣдующемъ 1811 г. было 19 слушателей, но на экзаменъ не явился никто; въ 1812 г. записался только 1 слушатель, и потому чтеній не открывали.

Спрашивается теперь, какова была качественная сторона преподаванія. Источникомъ для рѣшенія этого вопроса могутъ служить отзывы современниковъ—студентовъ, слушавшихъ лекціи у перечисленныхъ выше преподавателей. Конечно, отзывы эти подчасъ субъективны, но они, въ 1-хъ, провѣряюгъ другъ друга, а во 2-хъ, нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ выдающимся лицамъ, при томъ писавшимъ ихъ уже въ зрѣлые годы. Такихъ отзывовъ сохранилось достаточное число (Селиванова, Розальонъ-Сошальскаго, воспитанника середины 20-хъ годовъ Н. Б., воспитанника конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ Н., Хрущова, Костомарова, Геевскаго). Сопоставляя ихъ другъ съ другомъ

и провѣряя одинъ другимъ, мы можемъ въ концѣ концовъ охарактеризовать способъ преподаванія большинства профессоровъ перваго тридцатилѣтія въ исторіи университета. Всѣ тогдашніе преподаватели могутъ быть подведены подъ три категоріи — выдающихся лекторовъ, среднихъ и неудовлетворительныхъ. Въ первую категорію, основываясь на отзывахъ современниковъ, можно отнести Рижскаго, Осиповскаго, Успенскаго, Тимковскаго, Стойковича, Шада, Роммеля, Швейкарта, Гизе, Белень-де-Баллю, Павловскаго, Артемовскаго-Гулака, Цыха, Кронеберга, Дудровича, Даниловича, Гавр. и Егора Гордѣнко, Ельинскаго, Книгина, Венедиктова, Экеблада и Брандейса. Рижскій преподавалъ превосходно и пользовался глубочайшимъ уваженіемъ у студентовъ; превосходно дѣлалъ разборы псалмовъ и студенческихъ сочиненій. По его печатнымъ курсамъ училось и потомъ нѣсколько поколѣній студентовъ. Осиповскій, весь проникнутый любовью къ своему предмету, поэтизировалъ для своихъ слушателей даже дифференціальныя и интегральныя исчисленія; его печатные курсы имѣли такое же значеніе, какъ и курсы Рижскаго. Успенскій былъ чрезвычайно свѣдушъ не только въ русской исторіи, но и въ русскомъ законовѣдѣніи, представлявшемъ тогда настоящий лабиринтъ. Тимковскій имѣлъ глубокія познанія и читалъ красиво, но нѣсколько туманно и очень риторично. Стойковичъ читалъ физику прекрасно, энергично, выразительно и поражалъ свѣтлою логикою, особенно при изложеніи разныхъ теорій. Шадъ привлекалъ студентовъ своими лекціями, которыя онъ излагалъ чудною, плавною, латынью; на слушателей дѣйствовала его глубокая эрудиція и самостоятельность мысли; это была настоящая философская голова. Хорошими лекторами, повидимому, были также иностранцы — Роммель, Швейкартъ. Белень-де-Баллю славился краснорѣчіемъ, но зналъ латинскій языкъ поверхностно. Гизе хотѣлъ обработать свой превосходный курсъ лекцій къ печати. Артемовскій былъ очень краснорѣчивымъ ораторомъ, но содержаніе его лекцій было довольно бѣдное. Преподаваніе Цыха вызывало восторженные отзывы со стороны студентовъ: съ краснорѣчіемъ и живостью изложенія онъ соединялъ основательность; молодежь его очень любила. Глубокимъ знатокомъ и прекраснымъ, изящнымъ по изложенію лекторомъ былъ Кронебергъ; это былъ образцовый профессоръ своего времени, и слушатели цѣнили его по достоинству. Современникъ считаетъ образцовыми для своего времени и лекціи Дудровича, но, повидимому, нѣсколько преувеличиваетъ ихъ достоинства, говоря, что, «не смотря на сербскій выговоръ и неправильные иногда обороты языка, профессоръ увлекалъ своихъ слушателей богатствомъ мыслей, простотою и ясностью ихъ изложенія». Съ восторженными похвалами отзывались студенты и

о лекціяхъ проф. Даниловича, обладавшаго обширными познаніями въ своемъ предметѣ и въ юридической литературѣ. Г. Гордѣнко былъ даровитымъ ученикомъ и преемникомъ Даниловича. Такимъ же талантливымъ преподавателемъ оказался другой молодой ученый, проф. Т. Степановъ. Еллинскій также отличался рѣкимъ даромъ слова, читалъ ясно, отчетливо и умѣлъ придать особый интересъ своему предмету; студенты увлекались его лекціями. Экебладъ собиралъ огромную аудиторію, потому что читалъ, въ сущности, не ветеринарію, а новую для того времени науку біологію. Брандейсъ былъ хорошій лекторъ и превосходный клиницистъ. Павловскій былъ обожаемъ своими слушателями.

За этими выдающимися преподавателями слѣдовала многочисленная группа среднихъ, въ родѣ, напримѣръ, Книгина, Венедиктова и др., а за ними шли совсѣмъ плохіе, куда нужно отнести—Борзенко, Маурера, Могилевскаго, Пауловича, Архангельскаго, Паки-де-Совиньи. Борзенко имѣлъ самыя поверхностныя свѣдѣнія по своему предмету и никогда не относился къ нему добросовѣстно. Его лекціи никогда не выходили изъ рамокъ чужого печатнаго руководства и разбавлялись шутками и анекдотами; все это смѣшило студентовъ, но не приносило имъ никакой пользы. Мауреръ зналъ свой предметъ, но былъ до того косноязыченъ, что въ его рѣчи трудно было различить членораздѣльные звуки. Весь курсъ прот. Могилевскаго заключался въ тощей тетрадь, которой едва ставало на 4 мѣсяца I-го полугодія. Каждый параграфъ изъ нея онъ повторялъ изустно, но почти тѣми же словами; такое безжизненное преподаваніе не давало ни знанія предмета, ни пробуждало религіознаго чувства. Пауловичъ по римскому праву также буквально повторялъ текстъ своихъ записокъ, а если вдавался въ объясненія, то еще болѣе затемнялъ смыслъ неясными оборотами своей полурусской, полусербской рѣчи. Курсъ политической экономіи представлялъ жадкую иронию надъ университетскимъ преподаваніемъ. Но полнымъ шуткомъ гороховымъ для многихъ поколѣній харьковскихъ студентовъ былъ Паки-де-Совиньи, къ которому студенты относились съ полнѣйшимъ презрѣніемъ и пренебреженіемъ. Многимъ мѣшала въ преподаваніи ихъ гомерическая лѣнь и небрежность. Таковъ былъ Куницкій, позже всѣхъ начинавшій лекціи и раньше всѣхъ ихъ оканчивавшій, прекращавшій ихъ среди года, выходившій ранѣе срока изъ аудиторіи и т. п. Бабичеву обыкновенно студенты посылали депутацію, чтобы будить его, ибо онъ всегда засыпалъ послѣ своего ранняго обѣда, и слушатели тѣсно ожидали его появленія. Кошлишинскій былъ такъ занятъ административною дѣятельностью, что читалъ не болѣе 10—20

лекцій въ годъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще оригиналовъ, проявлявшихъ при чтеніи лекцій разныя забавныя чудачества. Васильевъ лекціи по архитектурѣ облачалъ въ забавныя формы. Шумлянскій также излагалъ свои лекціи по хирургіи и діететикѣ въ юмористической формѣ съ прибаутками на малороссійскомъ языкѣ. Дорнъ читалъ свои лекціи отъ 6 до 7 час. утра, для чего долженъ былъ самъ вставать до разсвѣта. Бабичевъ вмѣсто лекцій рассказывалъ анекдоты. Рейпольскій и Черняевъ знали хорошо свой предметъ, но въ объясненіяхъ безпрестанно перескакивали съ одного сюжета на другой, а первый, кромѣ того, никогда не употреблялъ иностранныхъ словъ, а замѣнялъ ихъ странными, имъ самимъ придуманными выраженіями. Чудачество составляетъ характерную черту времени. Хотя профессора иностраннаго происхожденія по степени своей ученой подготовки стояли и выше своихъ русскихъ коллегъ, но зато на сторонѣ этихъ послѣднихъ было одно огромное преимущество, которое сказывалось и въ дѣлѣ преподаванія, и въ научной дѣятельности—это ихъ родной для аудиторіи и читателей русскій языкъ. И дѣйствительно, только родная рѣчь съ кафедры можетъ создать живую связь между лекторомъ и его аудиторіей, подѣйствовать не только на умъ, но и на сердце, имѣть нравственно-воспитательное вліяніе. Профессора иностраннаго происхожденія читали на разныхъ языкахъ, но преимущественно по-латыни, при чемъ одна часть студентовъ (семинаристы) была лучше подготовлена къ слушанію лекцій на латинскомъ языкѣ, другая—на французскомъ. Только очень немногіе изъ профессоровъ—иностранцы—усвоили себѣ русскій языкъ (преимущественно славяне). Мѣшало имъ также незнаніе русской дѣятельности и психологіи своихъ слушателей. По мѣрѣ завоеваній, которыя дѣлалъ русскій языкъ въ преподаваніи, должно было подыматься и значеніе профессорскихъ лекцій.

Въ дѣлѣ университетскаго преподаванія, особенно нѣкоторыхъ предметовъ практическаго, прикладнаго характера, имѣли всегда большое значеніе учебно-вспомогательныя учрежденія. Спрашивается теперь, каково было состояніе ихъ въ изучаемую нами эпоху, стояли ли они на должной высотѣ, удовлетворяли ли они уровню тогдашняго преподаванія. Состояніе ихъ зависѣло главнымъ образомъ отъ матеріальныхъ средствъ, на нихъ отпускавшихся. Всего по штату отпускалось на содержаніе Харьковскаго университета въ годъ по 130 тыс. руб., въ томъ числѣ на содержаніе его учебно-вспомогательныхъ учрежденій слѣдующія суммы: на бібліотеку 1000 р., анатомическій театръ 800 р., ботаническій садъ 1000 р., химическую лабораторію съ лаборантомъ 1000 р., обсерваторію 500 р., физическій кабинетъ 500 р., кабинетъ естествен-

ной исторіи 600 р., клинической институтъ съ студенческой больницей 5000 р. На типографію вовсе не было положено штатной суммы. Какъ видимъ отсюда, и число учебно-вспомогательныхъ учреждений, введенныхъ въ штатъ, и назначенныя на содержаніе ихъ суммы были довольно скромны (за исключеніемъ клиническаго института). Неблагопріятнымъ представляется и то обстоятельство, что на первоначальное устройство и обзаведеніе этихъ учреждений не было положено особыхъ суммъ. Но на первыхъ порахъ однако университетъ не чувствовалъ недостатка въ матеріальныхъ средствахъ, во 1-хъ, потому, что, пока онъ не вошелъ еще въ норму, бывали ежегодные остатки по нѣкоторымъ статьямъ, которые шли въ его пользу, а во 2-хъ, потому, что въ его распоряженіе продолжали поступать «раньше ассигнованныя патріотическія пожертвованія». Въ послѣдующее время однако это благопріятное финансовое положеніе измѣнилось настолько, что университетъ нѣсколько разъ возбуждалъ ходатайства объ увеличеніи штатной ассигновки, которой было совершенно недостаточно, между прочимъ, и для его учебно-вспомогательныхъ учреждений, тѣмъ болѣе что фондъ «патріотическаго приношенія» былъ почти исчерпанъ на строительныя нужды университета. Первоначальный проектъ устройства ученаго городка «по Сумскому шоссе, на университетской землѣ, къ сожалѣнію, не былъ утвержденъ, и университетъ вынужденъ былъ ютиться все время въ своемъ «временномъ помѣщеніи», рѣзширавшемся только путемъ частныхъ пристроекъ и передѣлокъ, при чемъ исключительно на его спеціальныя средства. Такимъ образомъ, ужасающая тѣснота помѣщеній сдѣлалась какъ бы печальною особенностью Харьковскаго университета и крайне неблагоприятно отражалась на ходѣ и успѣхахъ преподаванія. Съ самаго начала пошли по тому пути, который чѣмъ далѣе, тѣмъ становился все болѣе и болѣе тернистымъ, въ особенности когда значительно возрасло число студентовъ и расширились его учебно-вспомогательныя учрежденія. Но, кромѣ матеріальныхъ средствъ, въ развитіи учебно-вспомогательныхъ учреждений играютъ еще огромную роль сами дѣятели, стоящіе во главѣ ихъ—это какъ нельзя лучше подтверждается и судьбою учебно-вспомогательныхъ учреждений Харьковскаго университета: ботанической кабинетъ былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ проф. Черняеву, минералогическій—своимъ ростомъ Криницкому. Одни учрежденія служили для всего университета—библіотека, типографія, другія—для нуждъ отдѣльныхъ факультетовъ. Больше всего имѣлъ ихъ физико-математическій факультетъ; за нимъ шелъ медицинскій; на словесномъ было одно учрежденіе; на этико-политическомъ не было ни одного. Такимъ образомъ, успѣхи преподаванія въ сильной

степени зависѣли отъ состоянія учебно-вспомогательныхъ учреждений только на двухъ факультетахъ.

Обращаясь къ фактической сторонѣ дѣла, мы можемъ сказать, что университетская библіотека развивалась и возрастала довольно слабо, и это зависѣло частью отъ малыхъ средствъ, а частью отъ трудностей доставки иностранныхъ книгъ. За десять первыхъ лѣтъ число книгъ въ ней дошло до 15 тыс. томовъ, за двадцать послѣдующихъ лѣтъ до 27 тыс. Средній ежегодный приростъ равнялся сначала 1500, а потомъ 600 томовъ. Но уже въ 1828 г. возникъ студенческій отдѣлъ университетской библіотеки. Типографія широко развила свою дѣятельность—процвѣтала. Здѣсь напечатанъ былъ цѣлый рядъ университетскихъ изданій и трудовъ профессоровъ. Физическій кабинетъ при Стойковичѣ усердно пополнялся, а потомъ пришелъ въ упадокъ. Астрономическій кабинетъ и обсерваторія имѣли печальную судьбу, что крайне вредно отражалось и на ходѣ преподаванія астрономіи. До переѣзда въ Харьковъ проф. Гутъ, имѣвшій за границей свою собственную обсерваторію, заявилъ себя цѣлымъ рядомъ ученыхъ наблюдений, въ Харьковѣ же онъ не сдѣлалъ ничего. Начало химической лабораторіи положено было въ 1804 году, но дѣйствовала она чрезвычайно вяло: на нее затрачивалось меньше средствъ, чѣмъ даже полагалось по штату; помѣщеніе ея было убогое, а главное—студенты въ ней почти никогда, повидимому, не занимались. Технологическій кабинетъ былъ очень убогъ, также какъ и состоявшій при немъ кабинетъ рѣдкостей, заключавшій нѣкоторые предметы древностей и этнографіи. Зоологическій кабинетъ возникъ въ 1807 г., но былъ приведенъ въ должный порядокъ только послѣ 1827 г., когда вступилъ въ завѣдываніе имъ Криницкій. Минералогическій кабинетъ былъ богаче, потому что съ самаго начала обогатился хорошей коллекціей пр. Андре, по предложенію попечителя Потоцкаго, купленной за 8000 р.; къ сожалѣнію, и онъ не былъ описанъ, пока въ завѣдываніе имъ не вступилъ Криницкій, составившій превосходный каталогъ его. Чтобы судить о количествѣ затраченнаго на него труда, достаточно замѣтить, что Криницкій со своимъ помощникомъ работалъ надъ нимъ по 8 час. ежедневно, не исключая и каникулъ. Къ 1835 г. въ кабинетъ было предметовъ на 45463 р. Учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ по части ботаники былъ до 1825 года ботаническій садъ. На устройство его, благодаря тому, что онъ занималъ огромное пространство земли, были потрачены весьма значительныя суммы. Особенныя заботы о немъ прилагалъ попечитель Потоцкій. Садъ былъ раздѣленъ на 2 части—собственно специально ботаническій и англійскій, такъ сказать, публичный. Въ 1833 г.

въ немъ уже было болѣе 51½ тысячъ породъ растений стоимостью въ 20 тыс. руб. Но собственно для преподаванія еще большее значеніе имѣлъ ботаническій кабинетъ, обязанный своимъ существованіемъ проф. Черняеву. Въ немъ въ 1835 году было 11460 породъ и свыше 100 тыс. экземпляровъ.

Гораздо бѣднѣе былъ обставленъ учебно-вспомогательными учрежденіями медицинскій факультетъ. Анатомическій театръ былъ учрежденъ въ 1806 г., но долго не имѣлъ постоянного помѣщенія; о размѣрахъ его дѣятельности въ первое время можно судить потому, что въ него доставлялось въ годъ всего 5 труповъ; въ послѣдствіи положеніе его нѣсколько улучшилось. При немъ состоялъ небольшой анатомическій кабинетъ. Фармацевтическая лабораторія ютилась при химической. Клиникъ въ первое время совсѣмъ не было: хирургическая возникла въ 1814 г., терапевтическая въ 1815 г., акушерская въ 1829 г. Дѣятельность ихъ была довольно скромная, особенно на первыхъ порахъ: въ хирургической клиникѣ было сначала 6 кроватей съ 26 больными, а потомъ 8 съ 50—100 больныхъ въ годъ, оперированныхъ отъ 25 до 35 ежегодно, амбулаторныхъ отъ 25 до 200. Въ терапевтической клиникѣ число кроватей возросло съ 6 до 15; соотвѣтственно съ этимъ увеличилось и число больныхъ. Въ акушерской клиникѣ въ 1829 г. было только 4 кровати и вся она помѣщалась въ одной комнатѣ; въ годъ среднимъ числомъ въ ней бывало въ началѣ только по 7 роженій, съ 1 ноября 1833 года по 1 января 1835 г. было только двѣ роженіи.

На словесномъ факультетѣ было только одно учебно-вспомогательное учрежденіе—минцъ-кабинетъ; по разнообразію, богатству и полнотѣ коллекцій онъ уже въ то время принадлежалъ къ числу первоклассныхъ нумизматическихъ коллекцій. Начало ему положилъ своимъ пожертвованіемъ поп. гр. Погоцкій, а затѣмъ его обогатилъ адмиралъ Чичаговъ пожертвованіемъ огромной коллекціи (свыше 13 тыс.), захваченной въ качествѣ военной добычи въ Несвижѣ у Радзивилловъ. Въ послѣдствіи для него приобрѣтена была большая коллекція восточныхъ монетъ у Шпревитца; въ 1835 г. въ немъ было свыше 18 тыс. монетъ и медалей.

Значительное количество различныхъ учебныхъ пособій находилось также въ классахъ рисованія и живописи, музыки, фехтованія и верховой ѣзды. Особенно цѣнна и замѣчательна была коллекція эстамповъ (свыше 13 тыс. номеровъ), приобрѣтенная у акад. Аделунга В. Н. Карзиннымъ для рисовальнаго класса. Изъ всего сказаннаго видно, что физико-математическій факультетъ (или, точнѣе говоря, его естественное

отдѣленіе) со 2 половины 20 годовъ были лучше обставлены учебно-вспомогательными учрежденіями, чѣмъ медицинскій: на послѣднемъ ихъ положеніе было довольно плачевное, и это, конечно, отражалось неблагоприятно не только на успѣхахъ преподаванія, но и на научной дѣятельности. Къ сожалѣнію, еще слѣдуетъ прибавить, что не получили практическаго осуществленія раціональные проекты, имѣвшіе въ виду учрежденіе нѣкоторыхъ новыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений — ветеринарный институтъ, опытное поле, ботаническая станція въ Крыму.

Ознакомившись съ преподавательскою дѣятельностью профессоръ, мы теперь обратимся къ ихъ работамъ на пользу науки. Обозрѣвая различные роды ихъ научныхъ трудовъ, мы можемъ подвести ихъ подъ слѣдующія важнѣйшія группы: исслѣдованія и монографіи, курсы или руководства, диссертациі на ученые степени, актовыя рѣши, рецензіи. Группа исслѣдованій и монографій была немногочисленна. Въ этомъ отношеніи начало XIX в. сильно отличается отъ нашего времени. Теперь ученый профессоръ является синонимомъ самостоятельнаго исслѣдователя-спеціалиста, двигателя науки; тогда же профессора имѣли въ виду не столько самостоятельную разработку своей науки, сколько распространеніе научныхъ знаній. Русская университетская наука того времени была, конечно, очень юна и несовершенна и находилась въ полной зависимости отъ ея западно-европейскихъ представителей. Да и тамъ она не достигла еще той дифференціаціи и спеціализаціи, которая представляетъ столь характерную черту нашего времени. Не трудно было даже на Западѣ приобрести извѣстность изданіемъ въ свѣтъ разныхъ руководствъ и учебниковъ. Въ русскихъ университетахъ чувствовалась въ подобныхъ книгахъ еще болѣе насущная потребность: учебники нужны были не только для студентовъ, но и для воспитанниковъ гимназій, находившихся въ вѣдѣніи университетовъ. Студентамъ Харьковского университета по словесному факультету не по чести было даже переводить греческихъ и римскихъ классиковъ. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, лежитъ причина преобладанія среди профессорскихъ трудовъ сочиненій учебнаго, а не ученаго характера. Что касается диссертациій, то количество ихъ, особенно вначалѣ, было также не велико, а по содержанию своему почти всѣ онѣ представляли изъ себя не ученые исслѣдованія, а небольшія разсужденія на заданную тему. Число диссертациій сократилось отъ того, что большая часть профессоровъ, при учрежденіи университета, была вызвана изъ-за границы и не писала въ Харьковѣ диссертациій, потому что не было строгаго требованія о необходимости докторской степени для профессоры. Кромѣ того, нѣкоторые лица получили докторскую степень безъ диссертациій — *honoris causa*. Нако-

нецъ, весьма значительная часть диссертаций осталась въ рукописяхъ— не была напечатана, такъ какъ можно было представлять и рукописныя сочиненія. Что касается печатныхъ, то это въ большинствѣ разсужденія на заданныя факультетами темы, какъ того, впрочемъ, требовалъ и уставъ; а если въ нихъ и затрогивался какой-нибудь спеціальныи вопросъ, то безъ особеннаго самостоятельнаго услуженія въ тему. Тезисы не всегда соотвѣтствовали результатамъ работы. Съ теченіемъ времени однако уровень требований, предъявляемыхъ къ диссертациямъ, повысился, и мы встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ трудовъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ даже лицамъ, не получившимъ профессорскихъ кафедръ. Очень видное мѣсто въ научно-литературной дѣятельности профессоровъ занимали актовыя рѣчи. Ихъ было, во 1-хъ, очень много: за одно первое десятилѣтіе произнесено ихъ было на актахъ 40 (такое обиліе объясняется тѣмъ, что тогда было два акта и на каждомъ могло читаться по нѣсколько рѣчей); во 2-хъ, всѣ эти рѣчи печатались отъ имени университета, на его счетъ, и получали широкое распространеніе; въ 3-хъ, и сами авторы, и мѣстное общество, для котораго онѣ преимущественно предназначались, придавали имъ важное значеніе въ виду поднимаемыхъ ими общихъ вопросовъ и доступной формы ихъ изложенія. Публика привыкла къ этой формѣ собесѣдованія съ нею: авторы такимъ способомъ могли удобнѣе всего бесѣдовать съ обществомъ, проводить свои идеи, оказывать извѣстное вліяніе на окружающую среду, которая, въ свою очередь, внимательно слушала, что скажутъ ей представители науки. Нужно сознаться, что профессора того времени, особенно перваго десятилѣтія умѣли выбирать живыя, интересныя темы, могшія, какъ увидимъ далѣе, имѣть образовательное значеніе. Въ первое десятилѣтіе число научныхъ работъ у профессоровъ иностраннаго происхожденія было нѣсколько выше, чѣмъ у ихъ русскихъ товарищей; но вообще можно сказать, что и тѣ, и другіе почти одинаково потрудились на пользу науки; только сочиненія на русскомъ языкѣ имѣли большее распространеніе у читателей. Какъ бы то ни было, иностранцы, преобладавшіе численно въ первое десятилѣтіе, способствовали въ такой же мѣрѣ, какъ и русскіе профессора, расцвѣту научно-литературной дѣятельности, который является, по-истинѣ, «золотымъ вѣкомъ» и въ исторіи Харьковскаго университета. Ознакомившись съ общимъ характеромъ ученыхъ профессорскихъ трудовъ, мы можемъ теперь остановиться на болѣе видныхъ представителяхъ тогдашней науки. На словесномъ факультетѣ наиболѣе выдающееся значеніе въ научномъ отношеніи имѣли—Рижскій, Успенскій, Белень-де-Баллю, Роммель, Кронебергъ и Дорнъ. Рижскій стяжалъ себѣ всеобщую почетную извѣстность изданіемъ

выдающихся руководствъ по своему предмету: «Опыта риторики» (2 изданія и 3 посмертное), «Введенія въ кругъ словесности» и «Науки стихотворства». Они служили руководствами не только въ Харьковскомъ, но и Казанскомъ и Московскомъ университетахъ и, по отзыву специалистовъ, «представляютъ полный и самый обстоятельный изъ существующихъ на русскомъ языкѣ курсъ теории словесности, относящійся преимущественно къ ложно-классическому періоду развитія литературы». «По полнотѣ свѣдѣній, обстоятельности и ясности изложенія курсъ теории словесности Рижскаго былъ для своего времени явленіемъ дѣйствительно выдающимся. Равнаго ему по значенію для своего времени русская литература не имѣетъ доселѣ». Успенскій прославилъ себя изданіемъ «Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ» (2 изданія, изъ коихъ 2-е дополненное). Самъ Успенскій справедливо называетъ свое сочиненіе первымъ на русскомъ языкѣ опытомъ отечественныхъ древностей; мы же прибавимъ, что этотъ первый опытъ оставался и единственнымъ въ теченіе 80 лѣтъ, до выхода въ свѣтъ, въ 1890 г., книги профессора В. И. Сергѣевича: «Русскія юридическія древности». А между тѣмъ тогда мы не имѣли еще и «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Успенскому нужно вмѣнить въ огромную заслугу и выборъ темы, и ея обработку. Онъ обнаружилъ большую начитанность не только въ пособіяхъ, но и въ первоисточникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; для мало-россійскихъ древностей онъ даже воспользовался рукописями. Беленъ-де-Баллю и Роммель занимались энергично изданіемъ учебниковъ и хрестоматій по классическимъ предметамъ, предназначенныхъ для студентовъ и гимназистовъ (1-й издалъ 6 такихъ пособій, 2-й—5). Кронебергъ, бывшій украшеніемъ словеснаго факультета, издавалъ частью руководства по латинскому языку (грамматику, словарь, древности авторовъ), а частью сборники учено-литературнаго содержанія: 1) *Аналтею* или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности (2 части), 2) *Брошюрки* (X номеровъ), и 3) *Минерву* (4 части). Стоя на высотѣ современнаго ему научнаго движенія по классической филологіи въ Европѣ вообще и Германіи въ частности, Кронебергъ былъ блестящимъ представителемъ этой науки въ Харьковскомъ университетѣ и при томъ не сухого, мертвого грамматическаго классицизма, а здороваго, образовательнаго, гуманитарнаго, интересовавшагося главнымъ образомъ исторіей литературы, искусства и древностей. Кронебергъ своими изданіями сыгралъ въ Харьковскомъ университетѣ такую же роль, какую позже, въ 50-хъ годахъ, въ Московскомъ университетѣ Леонтьевъ своими «Пропілеями» (Сборникъ статей по классической филологіи). Дорнъ напечаталъ ученый трактатъ на

латинскомъ языкѣ: «De affinitate linguae slavicae et sanscritae». Большое усердіе проявилъ въ составленіи руководствъ Паки-де-Совиньи, но они не имѣли никакого научнаго значенія. На этико-политическомъ факультетѣ самою крупною научною силою былъ Шадъ, издавшій нѣсколько выдающихся своею самостоятельностью руководствъ по предметамъ своей спеціальности. На первомъ мѣстѣ среди нихъ должна быть поставлена «Чистая логика», представлявшая изъ себя нѣчто въ родѣ философской пропедевтики и пользовавшаяся большимъ уваженіемъ у читателей. Въ обработкѣ частей Шадъ обнаружилъ замѣчательную самостоятельность: представляетъ новые анализы различныхъ формъ мысли, разлагаетъ на простѣйшіе элементы то, что считалось первичнымъ и неразложимымъ. Не менѣе оригинальнымъ представляется его «Естественное право» (*Institutiones juris naturae*), гдѣ онъ пытается освободить науку естественнаго права отъ ошибокъ, созданныхъ французскою философіей, и выходъ видитъ въ соглашеніи науки о правѣ съ наукой о нравственности и христіанскою религіей. Но вся его книга однако исполнена рачіоналистическаго духа, и онъ выступаетъ въ ней горячимъ поборникомъ свободы: все его сочиненіе представляетъ неумолимый протестъ противъ всякаго насилія мысли. Не удивительно, что эта книга послужила причиною удаленія его изъ Россіи въ министерство кн. Голицына. Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько руководствъ классической филологіи. Другимъ виднымъ дѣятелемъ былъ Якобъ, издавшій руководство въ 2-хъ частяхъ по полицейскому праву, гдѣ сильно вооружался противъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, два выдающихся научныхъ дѣятеля изъ иностранцевъ, приглашенныхъ въ университетъ въ первое десятилѣтіе, оказались по своимъ убѣжденіямъ защитниками идеи свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ въ жизни гражданской, соціальной и особенно умственной. Издалъ свой курсъ политической ариѳметики и профессоръ Лангъ. Тинковскій издалъ руководство по изученію русскаго языка. Красою и гордостью физико-математическаго факультета былъ Осиповскій, прославившійся главнымъ образомъ своимъ «Курсомъ математики» въ 3-хъ томахъ (4-й былъ приготовленъ къ печати, но остался въ рукописи, точно такъ же, какъ и переводъ 4-хъ томнаго творенія Лапласа «Небесная механика»). По замѣчанію спеціалиста, «Курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы; избравши образцомъ преимущественно Эйлера, Осиповскій по ясности и строгости изложенія былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту

и неутомимой ревности, съ которою изучать творенія европейских ученыхъ (между прочимъ, по увольненіи отъ должности профессора онъ перечиталъ всѣ томы записокъ Парижской академіи наукъ, начиная съ тома на 1735-й годъ, а также нѣкоторые томы записокъ національнаго института), онъ излагалъ открытія гениальныхъ двигателей науки съ яснымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла». Кромѣ этого, ему принадлежить еще нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ работъ по математикѣ и астрономіи. Изъ иностранцевъ энергичнымъ и выдающимся ученымъ оказался Гизе, имя котораго приобрѣло извѣстность и за предѣлами Россіи, какъ ревностнаго и основательнаго изслѣдователя. Наиболѣе замѣчательнымъ трудомъ является его пяти-томная «Всеобщая химія для учащихся и учащихся», переведенная съ нѣмецкой рукописи автора Комлишинскимъ и изданная въ Харьковѣ въ 1813—1817 гг. Она, по отзыву спеціалиста, «содержитъ въ себѣ все существенное, что было извѣстно въ наукѣ (химіи) въ началѣ XIX вѣка»; равнаго ему не могли представить многія страны Европы; съ нимъ можно сопоставить только знаменитый трудъ Берцелиуса, вышедшій 10 лѣтъ спустя. Ему же принадлежитъ рядъ специальныхъ статей и мѣстныхъ изслѣдованій. Практическое значеніе для края должна была имѣть его монографія «О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ». Плодовитымъ, но не ученымъ, а скорѣе компиляторомъ былъ Стойковичъ, напечатавшій за сравнительно короткій промежутокъ времени нѣсколько объемистыхъ трудовъ: 1) О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи (280 стр.), 2) Начальныя основанія умозрительной и опытной физики, 3) Система физики, 4) Начальныя основанія физической астрономіи, 5) О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни (251 стр.). По отзыву спеціалиста, авторъ вездѣ проявилъ здѣсь общее образованіе, знаніе нѣсколькихъ языковъ, знакомство съ литературою предмета, но нигдѣ не виденъ спеціалистъ и самостоятельный изслѣдователь; не всегда соблюдается имъ должное соотношеніе между умозрѣніемъ и опытомъ; но изданіе этихъ книгъ слѣдуетъ поставить въ большую заслугу какъ автору, такъ и самой университетской коллегіи, безъ поддержки которой такая усиленная научно-литературная дѣятельность была бы невозможна.

Кромѣ этихъ лицъ, на физико-математическомъ факультетѣ нельзя указать ни на одного профессора, который бы выдѣлялся своими учеными трудами. Архангельскій перевелъ нѣсколько сочиненій по механикѣ, Павловскій таблицы логарифмовъ Каллета.

На медицинскомъ факультетѣ выдѣлялись изъ среды другихъ Калькау, напечатавшій введеніе въ медицину, Еллинскій, издавшій

обширное 2-хъ томное «Обозрѣніе десмургіи», Блюменталь, напечатавшій конспектъ по акушерству, Венедиктовъ, напечатавшій рядъ спеціальныхъ статей. Другая группа профессоровъ печатала кое-что, но уступала вышеперечисленнымъ, третья группа совсѣмъ ничего не издавала. Диссертациі напечатали—Дудровичъ (по философіи), Комлишинскій (по физикѣ), Громовъ (по минералогіи), Дьяченко, а также цѣлый рядъ другихъ лицъ, не получившихъ кафедръ въ Харьковскомъ университетѣ, но представившихъ въ его факультеты свои диссертациі для полученія степени магистра и доктора—Гесь-де-Кальве, Хлопонинъ, Бразоль, Гриневичъ и Ковалевскій (по философіи), Шуманъ (по химіи), Неголитскій (по медицинѣ), Дегай (по юриспруденціи), Жиле (по исторіи), Майстренковъ (по юриспруденціи), Н. Корсунъ (по исторіи), Титаревъ (по юриспруденціи), Ерофеевъ (по юриспруденціи); Савицкій (по философіи), А. Корсунъ (по юриспруденціи); докторъ изящныхъ наукъ Масловичъ напечаталъ въ дополненномъ видѣ свою лекцію о баснѣ, Гесь-де-Кальве—обширное сочиненіе—теорію музыки, переведенное съ нѣмецкой рукописи на русскій языкъ Гонорскимъ, а Гриневичъ переводы Цицерона съ объясненіями.

Но зато большинство профессоровъ печатало актовыя рѣчи, изъ которыхъ многія имѣли важное общественное значеніе. Двое авторовъ говорили о пользѣ наукъ и просвѣщенія (Рижскій и Белентъ-де-Баллю). Белентъ-де-Баллю доказывалъ превосходство общественнаго образованія надъ частнымъ домашнимъ; Тимковскій говорилъ о примѣненіи знаній къ пользамъ государства; Якобъ—о вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа; Роммель—о силѣ и преимуществѣ истиннаго дарованія; Гутъ—объ истинномъ ученомъ; Швейкартъ—объ академическихъ званіяхъ; Паки-де-Совиньи—о степени совершенства, пріобрѣтаемой отъ занятій изящными искусствами; Успенскій—о томъ, что каждому народу важнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ народовъ; Дегуровъ—о значеніи для Европы эпохи возрожденія наукъ; Каменскій—о физическомъ воспитаніи дѣтей и вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ; Шадъ—о верховной цѣли человѣка и о возвращеніи свободы Европѣ; Коритарі—о связи философскихъ занятій съ медицинскими; Осиповскій опровергалъ мнѣніе Канта о врожденности категоріи пространства и времени и о динамической его системѣ; Стойковичъ—о вредномъ для дыханія воздухѣ; Лангъ—объ изученіи политическихъ и юридическихъ наукъ; другіе касались болѣе спеціальныхъ темъ.

Общимъ, объединяющимъ элементомъ многихъ рѣчей служила философія, которую старались ввести въ свои науки профессора и

которая пользовалась тогда большим уваженіемъ и у студентовъ. «Занесенная въ чужой міръ (изъ германскихъ университетовъ), философія скоро обжила въ своемъ новомъ пріютѣ... По самой сущности своей, она владѣла притягательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, она вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлостей и прелразсудковъ, располагала къ умственному труду, приучала цѣнить и уважать его». Представителемъ философской мысли въ Харьковскомъ университетѣ былъ Шадъ, говорившій на философскія темы двѣ рѣчи. Въ первой онъ проводитъ мысль, что верховною цѣлью человѣка является не счастье, а стремленіе къ правдѣ въ знаніи и къ правдѣ въ жизни. Вторая представляла попытку осмыслить событія текущей жизни съ высшей, философской точки зрѣнія; основной тезисъ ея (близкій къ философіи Шеллинга) тотъ, что всеобщій законъ жизни состоитъ въ разнообразіи и противоположности вещей, по естеству своему одинаковыхъ: чѣмъ разнообразіе больше, тѣмъ совершеннѣе организмъ. Отсюда дѣлался выводъ о вредѣ Наполеоновскихъ завоеваній, стремившихся создать одну самодержавную монархію. Коритарі въ своей рѣчи также проводилъ натурфилософію Шеллинга. Но это господствующее философское теченіе встрѣтило себѣ и реакцію, которая смягчила его крайности и увлеченія, въ видѣ реального направленія; наиболѣе выдающимся представителемъ его былъ Осиповскій, вооружившійся въ своихъ рѣчахъ противъ основныхъ положеній самого Канта и его послѣдователей въ Харьковскомъ университетѣ—Шада и Якоба.

Но реальное направленіе проявлялось не только въ полемикѣ съ философскимъ: оно выразилось въ рядѣ рѣчей на практическія темы и въ цѣлой серіи мѣстныхъ изслѣдованій. Въ рѣчи Стойковича разбирался вопросъ о чистомъ и испорченномъ воздухѣ, которымъ дышитъ населеніе городовъ и селеній,—и эта рѣчь имѣла важное практическое значеніе и для г. Харькова. Въ цѣломъ рядѣ работъ, посвященныхъ изслѣдованію мѣстныхъ естественныхъ богатствъ края, мы видимъ живое практическое приложеніе знаній на пользу населенія. Здѣсь къ наукѣ примѣнены требованія Петровскаго времени. Тутъ дѣятели новаго просвѣтительнаго учрежденія непосредственно отзываются на запросы жизни и тѣмъ укрѣпляютъ въ обществѣ сознаніе пользы, приносимой университетомъ. Здѣсь профессора Харьковскаго университета продолжали дѣло, начатое російскими академиками XVIII в., заслуги коихъ останутся навсегда незабвенными. Естественно, конечно, что почти всѣ подобные труды выпали на долю профессоровъ физико-математи-

ческаго и медицинскаго факультетовъ. Нѣтъ нужды, что результаты не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ: важна была отзывчивость профессоровъ на нужды мѣстнаго общества. Перечислимъ эти труды. Гизе производилъ анализъ каменнаго угля, куски котораго были отысканы въ Изюмскомъ уѣздѣ, тотъ же Гизе подвергалъ испытанію разныя ископаемыя, полученныя отъ изюмскаго предводителя дворянства, онъ же изслѣдовалъ песокъ съ содой и открылъ глауберову соль у помѣщика Эли. Государственный Деркульскій конный заводъ обратился въ университетъ съ просьбою о присылкѣ ветеринара для излѣченія чесотки на лошадяхъ. Харьковскій губернаторъ Бахтинъ обращался въ университетъ съ просьбою указать ему средства для истребленія саранчи и назвать медоносныя травы. Опредѣленіемъ сѣмянъ занимался проф. Делявинъ. Подверглись внимательному изслѣдованію на мѣстѣ со стороны проф. Гизе минеральныя воды въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губ.; тотъ же Гизе напечаталъ о нихъ вмѣстѣ съ проф. Шумлянскимъ, изучавшимъ ихъ съ медицинской точки зрѣнія, цѣлую брошюру. Изслѣдованы и описаны были проф. Гизе и другія воды въ томъ же уѣздѣ, принадлежавшія Кочубею; тотъ же Гизе съ Шумлянскимъ изслѣдовалъ и описалъ въ особой брошюрѣ и воды въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ., въ Купянскомъ уѣздѣ и у слободы Рогань. Медицинскій факультетъ составилъ наставленіе о сохраненіи отъ прилипчивыхъ болѣзней. Проф. Пильгеръ ѣздилъ въ Лебединскій уѣздъ для борьбы съ болѣзью, напавшей на кавалерійскихъ лошадей. Проф. Венедиктовъ получилъ Высочайшую благодарность за усердіе по борьбѣ съ холерою. Усердно занимался университетъ и теоретическимъ научнымъ изслѣдованіемъ своего края въ разныхъ отношеніяхъ. Успенскій составилъ инструкцію для собиранія учителями историческихъ, топографическихъ и статистическихъ данныхъ, по которой и собирались ими свѣдѣнія; аналогичная инструкція была составлена для собиранія мѣстныхъ географическихъ данныхъ; въ 1811 г. университетъ командировалъ Роммеля въ Славянскъ для изслѣдованія найденнаго тамъ камня съ древнею загадочною надписью; собирались данныя о городищахъ; по запросу извѣстнаго Ходаковского, оказывалось содѣйствіе Кеппену въ собираніи свѣдѣній объ училищахъ. Въ 1814 г. были командированы въ Чугуевъ Тауберъ и Громовъ для осмотра мамонтовыхъ костей; въ Крымъ былъ командированъ адъюнктъ ботаники Каретниковъ для пріобрѣтенія тамошнихъ растений. Шнаубертъ и Гизе по порученію университета анализировали доставляемые имъ азролиты. Проф. Гуть выступилъ съ проектомъ астрономическихъ, геодезическихъ и метеорологическихъ наблюденій въ Харь-

ковскомъ учебномъ округѣ. Между прочимъ, здѣсь онъ первый въ Россіи въ XIX ст. высказалъ мысль о производствѣ русскаго граду-снаго измѣренія.

Всѣ эти научные труды имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ широкое обще-ственное и образовательное значеніе, но нужно сознаться, что большая часть ихъ относится къ первому десятилѣтію. Такое же значеніе могло имѣть и ученое общество, возникшее при университетѣ. § 9-й устава 1804 г. требовалъ учрежденія при университетѣ ученаго общества. У первыхъ дѣятелей университета однако было такъ много разнообразныхъ обязанностей, что оно основано было ими только въ концѣ пер-ваго десятилѣтія. Инициатива его созданія принадлежала Стойковичу и Роммелю, первый составилъ и его уставъ. Цѣль общества состояла въ распространеніи наукъ и знаній. Дѣлилось оно на 2 отдѣленія 1) естественныхъ наукъ и 2) словесныхъ. Первоначально общество состояло изъ 10 членовъ, во 2-й годъ число членовъ значительно воз-расло. Первое засѣданіе его состоялось 19 марта 1813 года. Въ 1-й годъ общество имѣло 3 засѣданія, въ 1814—7. Первымъ предсѣдателемъ его былъ Стойковичъ, вторымъ Роммель. Во 2-й годъ членами его доставлено было 10 рефератовъ; задумано устройство библіотеки. Въ 1817 году общество выпустило въ свѣтъ 1-й (и единственный) томъ своихъ трудовъ подъ заглавіемъ «Труды общества наукъ», въ которомъ помѣщены статьи Осиповскаго, Архангельскаго, Комлишинскаго, Гро-мова, Сухомлинова, Книгина, Каменскаго, Борзенкова, Успенскаго, Могилевскаго, нѣкоторые переводы попеч. Зах. Карнѣева, разборъ 13-го псалма и религіозно-нравственное разсужденіе: «О пути, истинѣ и жизни». Въ 1818 году состоялось только одно засѣданіе, а затѣмъ послѣдоваль 5-ти лѣтній перерывъ въ дѣятельности общества—до 1823 года, когда попечитель Е. Карнѣевъ предложилъ университету возобновить его дѣятельность. Но «слабая искра дѣятельности обще-ства»,—писалъ новый попечитель Перовскій,—«возгорѣвшаяся отъ напо-минаній моего предмѣстника, въ текущемъ (1828) году опять готова была потухнуть»; ее снова попытался зажечь Перовскій своими строгими предписаніями, но въ 1829 г. оно, повидимому, умерло отъ полного истощенія силъ. Истинною причиною его печальнаго существованія и смерти является равнодушное отношеніе къ нему университетскихъ дѣятелей, находившихся въ началѣ 30-хъ годовъ, по мѣткому выра-женію помощника попечителя гр. Панина, въ «ученой летаргіи», ко-торая началась однако еще значительно раньше и была вызвана глав-нымъ образомъ преслѣдованіями научной мысли въ эпоху реакціи. Сравнивая научную продуктивность Харьковскаго университета въ

1-е либеральное десятилѣтіе съ таковою же производительностью реакціоннаго 2-го и 3-го десятилѣтія, мы замѣчаемъ въ послѣднихъ скорѣе регрессъ, чѣмъ прогрессъ, и въ количественномъ и особенно въ качественномъ отношеніи. Рижскому, Успенскому, Осиповскому, Шаду, Гизе можно противопоставить тамъ въ сущности только одного Кронеберга; что же касается Осиповскаго, Шада, Успенскаго, дѣйствовавшихъ во 2-мъ десятилѣтіи, то два первые были удалены изъ университета, а третій умеръ въ 1820 г. Еллинскій самъ вышелъ прежде времени въ отставку. Актовыя рѣчи потеряли свой прежній жизненный характеръ; мѣстные изслѣдованія почти прекратились. Систематически подрывая университетскій уставъ 1804 г., вмѣстѣ съ нимъ подрывали и ту основу, на которой такъ быстро стала расти и развиваться университетская наука; сами того, быть можетъ, не подозревая, рубили корни дерева, соками котораго питалась эта наука. Объ этомъ свидѣлствуетъ въ своей официальной запискѣ гр. Панинъ, который приписывалъ ученую „летаргію“ Харьковскаго университета исключительно «примѣру бездѣйствія и страха къ наукѣ, поданнаго прежде бывшими министрами и попечителями, примѣру, заслужившему имъ вѣчную лидійскую улыбку современниковъ и карающаго потомства». Но онъ былъ не правъ, полагая, что это зло можно было быстро исправить энергическими распоряженіями учебнаго начальства, каковыя были приняты, между прочимъ, и имъ самимъ. По его собственнымъ словамъ, для возстановленія *увядшаго* достоинства университета, онъ *приказалъ* ускорить изданіе цѣлаго ряда сочиненій, „назначалъ“ Черняеву и Каменниченку составить руководство для украинскаго садоводства, „велѣлъ“ проф. Криницкому отправиться въ Крымъ для изслѣдованій и „поручилъ“ пр. Шагину начать астрономическія наблюденія. Гр. Панинъ, очевидно, думалъ, что наука можетъ быть привита къ профессорамъ его приказаніями и порученіями, забывъ свое собственное прекрасное выраженіе, что для этого должно горѣть въ сердцахъ «священное пламя любви къ просвѣщенію», т. е. существовать живая внутренняя потребность и интересъ къ наукѣ—а они были атрофированы совокупностью неблагоприятныхъ условій для развитія научной университетской жизни въ теченіе второго и третьяго десятилѣтія, и для возстановленія ихъ нужно было воздѣйствіе благоприятныхъ условій въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени. Въшнія стѣснительныя мѣры (цензура) отразились также крайне неблагоприятно на журнальной дѣятельности, которая развилась подъ эгидою университета и затѣмъ прекратилась въ 1825 году; но въ виду того, что она имѣла широкое общественно-образовательное

значение, мы остановимся на ней въ послѣдней заключительной главѣ, которую посвятимъ просвѣтителъному вліянію университета на общество.

4-я глава.

Студенты.

Посмотримъ теперь, каковы были постановленія о студентахъ устава 1804 года, а затѣмъ приведемъ данныя объ ихъ дѣйствительномъ положеніи. Окончившіе гимназію принимались сначала безъ экзамена; остальные подвергались предварительному испытанію въ особомъ комитетѣ. Впрочемъ, нѣсколько позже вступительному экзамену стали подвергать и окончившихъ гимназіи. Принятый въ студенты зачислялся на извѣстное отдѣленіе, но предварительно долженъ былъ прослушать курсъ общеобразовательныхъ предметовъ. Всѣ экзамены производились въ факультетахъ подъ предсѣдательствомъ декана. Студенты дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первыхъ полагалось по штату 40 чел. и на содержаніе каждаго изъ нихъ назначено было отъ казны по 200 р., предпочтеніе давалось неимущимъ; кромѣ того, на содержаніе 12 кандидатовъ назначено было 3600 р. Курсъ ученія въ отдѣленіяхъ былъ трехлѣтній. Казеннокоштнымъ студентамъ бесплатно преподавались также разныя искусства (рисованіе, музыка, танцы, гимнастика). Для надзора за казеннокоштными совѣтъ долженъ былъ избирать особаго инспектора изъ ординарныхъ профессоровъ и для ближайшаго наблюденія двухъ помощниковъ ему изъ кандидатовъ или магистровъ. Студенты руководствовались въ своемъ поведеніи особыми правилами, которыя долженъ былъ выработать совѣтъ.

Практика во многомъ расширила и видоизмѣнила эти правила устава.

Въ самые первые годы университету пришлось считаться съ очень печальнымъ фактомъ—недостаткомъ студентовъ, что объясняется слабымъ стремленіемъ общества къ высшему образованію и недостаточнымъ количествомъ подготовительныхъ школъ—гимназій; объ открытіи ихъ стали заботиться только со времени учрежденія университета. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ рѣшили привлечь въ студенты семинаристовъ, которые дѣйствительно явились туда въ качествѣ первыхъ питомцевъ его. По Высочайшему повелѣнію, согласно ходатайству

попечителя, вѣдѣно было выбрать изъ Курской семинаріи и Харьковскаго коллегіума 30 семинаристовъ, которые и приняты были въ казенно-коштные студенты. Для лучшей и болѣе быстрой подготовки лицъ, желавшихъ поступить въ студенты, были учреждены при университетѣ особые курсы, на которыхъ преподавали адъюнкты и которые потомъ были преобразованы въ приготовительный классъ при университетѣ. Кромѣ студентовъ, посѣщали лекціи посторонніе слушатели, а нѣкоторые предметы (медицинскіе) слушали и воспитанники Харьковскаго коллегіума. Вообще нужно сказать, что мѣстная епархіальная власть, въ лицѣ епископа Христофора Сулимы, относилась съ полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ къ университету.

Въ первый годъ существованія (1805) въ университетѣ было 57 студентовъ (33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ), въ томъ числѣ изъ духовнаго званія 28 и дворянскихъ дѣтей 23; изъ нихъ уроженцевъ г. Харькова и Слободско-Украинской губ. было 30, Курской губ. 15; изъ нихъ 15 воспитывалось въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 15 въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ и 15 въ Курской семинаріи. Въ концѣ 1807 года было 65 душъ (39 казеннокоштныхъ и 26 своекоштныхъ), 1808 года—61 (33 и 28), 1809 года—72 (45 и 27), 1810—82 (40 и 42), кромѣ того, 10 вольнослушателей; въ 1811 году—86 (31 и 55), въ 1812 г.—118 (50 и 68) въ 1816 г.—122 чел., въ 1819—1820 акад. году—201, въ 18²⁰/₂₁—195, 18²¹/₂₂—213, въ 18²²/₂₃—165, въ 18²³/₂₄—245, въ концѣ 1825 гражданскаго года—346, въ 1826 г.—305, въ 1827—260, въ 1828—237, въ 1829—334, въ 1830—265, въ 1831—247, въ 1832—282, въ 1833—244, къ 1 сентября 1834 г.—261, къ концу 1835 г.—263.

Итакъ, къ концу перваго десятилѣтія число студентовъ возросло вдвое, къ концу втораго десятилѣтія—почти впятеро по сравненію съ первымъ годомъ; къ концу третьяго десятилѣтія почти не увеличилось. Максимальная цифра относится къ 1829 году, но она такъ рѣзко выдѣляется изъ остальныхъ, что невольно возбуждаетъ наше сомнѣніе, тѣмъ болѣе что за полную точность всѣхъ приведенныхъ выше цифръ мы не можемъ поручиться. Мы привели выше распредѣленіе студентовъ по сословіямъ въ 1805 году; въ 1809 г. первое мѣсто занимали дѣти дворянъ и чиновниковъ, за ними шли дѣти духовенства и разночинцевъ. Больше всего питомцевъ въ 1809 г. дала уже Харьковская гимназія, далѣе слѣдовали—Харьковскій коллегіумъ, Новочеркасская гимназія, за нею идутъ лица домашней подготовки, Бѣлгородская семинарія, приготовительный классъ при университетѣ и другія гимназіи и семинаріи. Въ самомъ началѣ по числу студентовъ факультеты шли въ такомъ

порядкъ—физико-математическій, словесный, этико-политическій, медицинскій; затѣмъ порядокъ нѣсколько измѣнился: первое мѣсто занялъ этико-политическій факультетъ, затѣмъ медицинскій, физико-математическій и словесный. Образовательный цензъ лицъ, поступавшихъ въ университетъ былъ крайне разнообразный: тутъ мы видимъ и воспитанниковъ гимназій и семинарій и съ домашнею подготовкою, питомцевъ заграничныхъ университетовъ и т. п. Такъ было въ первое десятилѣтіе. Въ 1825 году факультеты идутъ въ такомъ нисходящемъ порядкѣ; этико-политическій (129), медицинскій (97), словесный (79) и физико-математическій (53); въ 1830 году мы видимъ этотъ же нисходящій порядокъ факультетовъ—этико-политическій (96), медицинскій (73), словесный (49), физико-математическій (29). По сословіямъ студенты распредѣляются теперь такъ, что на первомъ мѣстѣ стоятъ дѣти дворянъ, затѣмъ чиновниковъ, разночинцевъ и потомъ уже духовенства и иностранцевъ. Въ 1832 году, напримѣръ, изъ 276 студентовъ было 127 дѣтей дворянъ, 68 чиновниковъ, 61 разночинцевъ, 11 иностранцевъ и 9 духовенства. Для лицъ податныхъ сословій доступъ въ университетъ былъ очень затруднителенъ. Одно время ихъ принимали туда только въ качествѣ вольнослушателей. Въ третье десятилѣтіе своего существованія университетъ сталъ требовать повѣрочнаго испытанія и отъ лицъ, окончившихъ гимназій, чѣмъ, по всей вѣроятности, и объясняется слабое возрастаніе въ немъ числа студентовъ въ это время. Эта мѣра была вызвана слабой подготовкой къ слушанію лекцій молодыхъ людей, вступавшихъ въ университетъ. Впрочемъ, испытанія эти были вообще весьма снисходительны, и только по временамъ здѣсь примѣнялась строгость требованій, сразу и сильно понижавшая процентъ принятыхъ; въ 1834 г., напр., изъ 115 экзаменовавшихся было принято только 55. Слѣдуетъ отмѣтить то важное обстоятельство, что въ университетъ поступали теперь главнымъ образомъ молодые люди, получившіе школьную подготовку; число лицъ съ домашнимъ образованіемъ было ничтожно; духовная школа теперь въ отношеніи доставляемаго ей контингента учащихся для университета совершенно отступаетъ на задній планъ передъ свѣтской. Число гимназій въ Харьковскомъ учебномъ округѣ возросло до такой степени, что можно было уже дѣлать выборъ изъ оканчивавшихъ въ нихъ курсъ; давали извѣстное число питомцевъ и пансіоны, число которыхъ также сильно увеличилось. Обратимся теперь къ занятіямъ студентовъ и ихъ экзаменамъ.

Учебное время было тогда гораздо болѣе нынѣшняго—лекціи продолжались до 1 мая. Но были, кромѣ обычныхъ каникулъ, еще особыя

«грязные каникулы» («feriae lutae»), во время весенней и осенней распутицы. Факультетское преподавание начиналось со 2 курса: на 1-мъ слушали предметы общеобразовательные. Къ разряду этихъ общеобразовательныхъ предметовъ были отнесены—русская и латинская словесность, одинъ изъ двухъ новыхъ языковъ, теоретическая философія, чистая математика, географія и всеобщая исторія; въ 1811 г. рѣшили было даже посвящать общему курсу 2 года. Такъ было вначалѣ—впослѣдствіи были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Въ 1807 г., дабы не обременять студентовъ писаніемъ лекцій, совѣтъ постановилъ, чтобы каждый профессоръ читалъ курсъ по своему печатному руководству или по изданію другого автора. Впослѣдствіи попечитель Е. В. Карнѣевъ поднялъ вопросъ объ изданіи конспектовъ профессорскихъ чтеній. Казеннокоштные студенты должны были выслушивать особые курсы примѣнительно къ ихъ будущей учительской дѣятельности. Изъ экзаменаціонныхъ списковъ видно, что экзамены производились довольно серьезно. Письменные работы, которыя сохранились до настоящаго времени, въ общемъ написаны весьма складно и толково, хотя и отличались обыкновенно риторическимъ характеромъ—но это уже черта времени: не даромъ риторика являлась важнымъ предметомъ преподаванія. Факультеты, какъ и нынѣ, предлагали студентамъ темы для конкурсныхъ, медальныхъ сочиненій; въ 1812 году, напримѣръ, словесный факультетъ предложилъ задачу: «О цѣли и пользѣ знанія древнихъ языковъ и преимущественно латинскаго»; физико-математическій—«Объяснить явленія и законы, которые до сего времени извѣстны относительно испаренія капельныхъ жидкостей, а особенно воды». Въ 1828 г. этико-политическій факультетъ предложилъ тему «О давности». На одной сторонѣ медалей была надпись: «auspiciis Alexandri Primi Universitas Charcoviensis», а на другой: «ingenio et moribus» и лавровый вѣнокъ. Цѣнность золотой медали равнялась 4 имперіаламъ. Нѣсколько питомцевъ Харьковскаго университета оставило намъ воспоминанія о занятіяхъ студентовъ въ ихъ время. Проф. Венедиктовъ даетъ весьма благоприятный отзывъ о занятіяхъ студентовъ, въ особенности казеннокоштныхъ, въ то время, когда самъ онъ былъ въ университетѣ (въ 1814—1816 г.). Студентъ конца 20 и начала 30 годовъ Н. прибавляетъ, что изучали предметы студенты по профессорскимъ лекціямъ и запискамъ, такъ какъ русская наука была очень бѣдна учеными трудами и пособиями, и только усвоившіе себѣ знаніе иностранныхъ языковъ могли читать на нихъ соотвѣтственные сочиненія. Лекціи начинались въ 8 и продолжались до 12, а потомъ съ 2 до 6 час. послѣ обѣда; иногда онѣ сопровождались репетиціями. Большая часть оканчивавшихъ полу-

чала степень дѣйствительнаго студента, и только очень-очень немногіе (нерѣдко одинъ или два) степень кандидата за отличіе; обыкновенно же эту степень получали не ранѣе, какъ черезъ годъ, по представленіи диссертациіи и по выдержаніи новаго экзамена. Питомецъ Харьковскаго университета Н. И. Костомаровъ (30 годовъ) дѣлитъ студентовъ своего времени по ихъ занятіямъ на слѣдующія категоріи: богатыхъ студентовъ—шалопаевъ, помѣщенныхъ на профессорскихъ квартирахъ, стремившихся какими бы то ни было средствами получить дипломъ для чина; 2) молодыхъ людей, учившихся не изъ любви къ наукѣ, а ради будущей службѣ въ столицѣ; 3) студентовъ, занимавшихся охотно, съ любовью; изъ нихъ выходили будущіе учителя; 4) людей среднихъ, занимавшихся въ такой мѣрѣ, чтобы только не срѣзаться на экзаменѣ. Самъ Костомаровъ, конечно, принадлежалъ къ третьей категоріи. Онъ съ любовью и увлеченіемъ занимался въ университетѣ древними языками, исторіей и античнымъ міромъ, новыми языками, наконецъ, — литературой. Попадались и среди богатыхъ молодыхъ людей способные, усердно занимавшіеся студенты, въ родѣ, напримѣръ, Д. Хрущева и многихъ другихъ. Ученая карьера нѣсколько пугала студентовъ того времени. Въ 1828 г. изъ студентовъ Харьковскаго университета не откликнулся первоначально ни одинъ для поступленія въ Дерптскій профессорскій институтъ, такъ что Имп. Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, написалъ: «довольно стыдно Харьковскому университету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу». Справедливость однако побуждаетъ насъ прибавить, что охотники были, но они не могли удовлетворить требованіямъ; а кто, удовлетворялъ, не обладалъ должной смѣлостью. Во всякомъ случаѣ на вторичный вызовъ уже откликнулись, и среди нихъ оказался знаменитый впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета О. И. Иноземцевъ.

Переходимъ теперь къ вопросу о числѣ окончившихъ курсъ. Выходила изъ университета до окончанія курса, особенно въ первое десятилѣтіе, огромная, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, часть студентовъ. Но неблагопріятныя послѣдствія этого факта умѣрялись тѣмъ, что многія изъ этихъ лицъ занимали мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ, — а на такихъ дѣятелей былъ огромный спросъ. За 5 лѣтъ (съ 1808 по 1812 годъ включительно) въ учителя поступило изъ окончившихъ и не окончившихъ 83 чел., въ гражданскую службу 39 чел. и въ военную 18. Первый выпускъ въ Харьковскомъ университетѣ былъ въ 1808 году: окончило университетъ (три факультета его) 13 лицъ кандидатами и 13 дѣйствительными студентами. Въ 1809 году степень дѣйств. студ. получили 11 человекъ (въ томъ числѣ двое по медицинскому

факультету) и кандидатскую 3. Въ 1810 году степень дѣйств. студ. получило 7 душъ, кандидатскую 1. Въ 1811 году кандидатскій дипломъ получило 10 душъ. Въ 1812 году 11. За время съ 1808 по 1812 годъ выпущено было 37 кандидатовъ, изъ коихъ на долю физико-математическаго факультета приходится 18, этико-политическаго 12, словеснаго 8; магистерскую степень за это же время получило 6 чел. Нѣкоторые лица держали при университетѣ экзаменъ на разныя званія. Въ 1815 году окончило 14 кандидатами, 9 лекарями и 3 дѣйствительными студентами; въ 1816 г.—20 кандидатами, 6 дѣйств. студ. и 2 лекарями; въ 1817 г.—6 кандидатами и 6 лекарями (по медицинскому факультету—о другихъ факультетахъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1818 году—7 лекарями (по медицинскому факультету—о другихъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1819 г.—20 кандидатами и 10 лекарями (о дѣйств. студентахъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1820 г.—11 кандидатами и 12 лекарями (о дѣйств. студентахъ свѣдѣній нѣтъ); въ 1821 г.—7 канд., 18 дѣйств. студентами и 16 лекарями; въ 1822 г.—12 кандидатами, 30 дѣйств. студентами и 21 лекарями; въ 1823 г.—5 кандидатами, 13 дѣйств. студентами и 21 лекарями; въ 1824 г.—8 канд., 29 дѣйств. студ. и 3 лекарями; въ 1825—6 канд., 38 дѣйств. студ. и 8 лекарями; въ 1826 г.—6 канд., 40 дѣйств. студентами и 22 лекарями; въ 1827 г.—10 канд., 44 дѣйств. студент. и 8 лекарями; въ 1828 г.—9 канд., 28 дѣйств. студентами и 33 лекарями; въ 1829 г.—13 канд., 26 дѣйств. студ. и 10 лекарями; въ 1830 г.—10 канд., 31 дѣйств. студ. и 16 лекарями; въ 1831 г.—8 канд., 34 дѣйств. студ. и 25 лекарями; въ 1832 г.—2 канд., 31 дѣйств. студ. и 11 лекарями; въ 1833 г.—2 канд., 46 дѣйств. студ. и 16 лекарями; въ 1834 г.—5 кандидатами, 25 дѣйств. студентами и 20 лекарями. За 19 лѣтъ вышло 164 кандидатами, въ среднемъ только немногимъ болѣе, чѣмъ въ 1-е десятилѣтїе. Нужно однако замѣтить, что цифры эти значительно ниже дѣйствительныхъ. Лекарями было выпущено за 20 лѣтъ 273 чел., т. е. въ среднемъ ихъ выходило въ годъ по 14 душъ—вдвое болѣе, чѣмъ кандидатовъ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся питомцевъ Харьковскаго университета Остроградскій—ученикъ Осиповскаго (впослѣдствїи знаменитый академикъ-математикъ) не получилъ кандидатской степени, хотя совѣтъ находилъ его достойнымъ ея, благодаря мистикамъ Дудровичу и З. Я. Карнѣву, сдѣлавшимъ соотвѣтственное представленіе министерству.

Какія цѣли преслѣдовали молодые люди, поступая въ университетъ? Лица, близко стоявшія къ дѣлу, свидѣтельствуютъ, что здѣсь дѣйствовали главнымъ образомъ практическіе интересы. Да это и понятно. Идея необходимости высшаго образованія не захватила еще,

особенно въ самомъ началѣ, широкихъ круговъ общества. Среди «отцовъ» въ полной силѣ господствовалъ утилитарный взглядъ на образованіе: они цѣнили университетъ за то, что онъ открывалъ дорогу ихъ дѣтямъ къ служебной карьерѣ—военной или гражданской службѣ. Служба давала не только матеріальное обезпеченіе, но и общественное положеніе, соединенное съ должностями, чинами и орденами. Дворянство въ общемъ было настолько обезпечено, что могло прожить безъ жалованья въ своихъ помѣстьяхъ съ крѣпостными крестьянами; но оно считало необходимой службу. Чины и ордена въ то время ставились необычайно высоко и дослуживаться до нихъ, особенно людямъ безъ протекціи, было не легко. А между тѣмъ былъ изданъ указъ, который требовалъ особаго университетскаго экзамена отъ лицъ, желавшихъ получить чинъ статскаго совѣтника и коллежскаго ассессора. Естественно, что въ университетъ и стремились за столь цѣнными тогда благами. Военная служба сильно привлекала дворянскихъ дѣтей и въ представленіи общества наиболѣе соотвѣтствовала званію дворянина; но и гражданская служба также привлекала многихъ. «Почти вся молодежь»,—говоритъ современникъ профессоръ Роммель,—«смотрѣла на занятія, какъ на степень къ высшимъ чинамъ по службѣ, потому что всякій студентъ, счастливо выдержавшій экзаменъ на кандидата, пользовался правами на 12 классъ». Но было не мало и такихъ лицъ, которыя шли въ университетъ по призванію, изъ любви къ занятіямъ. Наконецъ, было, какъ всегда, не мало и такихъ, у которыхъ объединялись оба мотива—и практическія соображенія, и стремленіе къ научнымъ занятіямъ.

Симпатичнѣйшею чертою студенчества изучаемаго нами времени является увлеченіе его литературою и его самостоятельныя упражненія въ ней. Они начались уже въ первое десятилѣтіе существованія университета и свидѣтельствуютъ о томъ, что, не смотря на господство утилитарныхъ взглядовъ въ обществѣ, университетъ благотворно вліялъ на молодежь и развивалъ въ ней идеалистическія настроенія—привлекалъ къ высшимъ духовнымъ интересамъ. Первыми харьковскими студентами были по преимуществу питомцы Харьковского коллегіума и главнаго народнаго училища—а и тѣ, и другіе заявляли себя стихотворными опытами (образчикъ послѣднихъ В. Н. Каразинъ представилъ даже въ министерство, какъ доказательство способностей здѣшней молодежи). Въ университетѣ ихъ литературные вкусы получили дальнѣйшее развитіе, тѣмъ болѣе что русскую словесность (туда входила риторика и пиитика) слушали всѣ студенты. Первый преподаватель этого предмета, «знаменитый риторикъ» Рижскій, весьма благотворно вліялъ въ этомъ

отношеній на молодежь; по словамъ современника Розальонъ-Сошальскаго, онъ выслушивалъ сочиненія студентовъ, указывалъ ихъ недостатки и давалъ имъ дѣльные совѣты. Его преемникъ И. Е. Срезневскій и самъ далъ многочисленные опыты своихъ литературныхъ занятій. Его преемники — Гонорскій, Склабовскій, Золотаревъ, Якимовъ — всѣ печатали стихи, а Склабовскій былъ даже настоящимъ поэтомъ съ довольно замѣтнымъ художественнымъ дарованіемъ. И они, подобно Рижскому, оказывали вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій студентовъ и на самый характеръ ихъ поэтическихъ опытовъ. Но еще сильнѣе, конечно, дѣйствовало на учащуюся молодежь непосредственное вліяніе русской литературы въ лицѣ ея тогдашнихъ представителей. Изъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка царилъ еще Державинъ; но онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто писателямъ XIX вѣка — Карамзину, Жуковскому, Крылову, Гнѣдичу, Батюшкову, наконецъ, — Пушкину. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что русская литература отражалась на произведеніяхъ харьковскихъ студентовъ какъ бы съ нѣкоторымъ запаздываніемъ: сами профессора словесности отличались консерватизмомъ и старались держаться старыхъ образцовъ. Извѣстное значеніе имѣла также отдаленность Харькова отъ тогдашнихъ литературныхъ центровъ — Петербурга, Москвы. Но въ концѣ 20 и началѣ 30 годовъ харьковскіе студенты, кромѣ перечисленныхъ выше писателей, зачитывались уже произведеніями Гоголя, Лермонтова, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Полевого, изъ журналовъ болѣе всего интересовались «Московскимъ Телеграфомъ», «Московскимъ Телескопомъ» и «Вѣстникомъ Европы». Знавшіе иностранные языки знакомились въ подлинникъ съ западно-европейскою словесностью (Викторомъ Гюго и др.). Наконецъ, нѣкоторое вліяніе, особенно въ концѣ изучаемаго періода, должна была оказать народившаяся недавно передъ тѣмъ малорусская литература, въ лицѣ Котляревскаго и харьковскихъ выдающихъ ея представителей — Гулака-Артемовскаго и Квитки Основяненка. Къ литературно-художественной стихіи присоединялась научная, которая не отличалась, впрочемъ, спеціальнымъ характеромъ, а носила характеръ научно-литературный.

Литературно-научные опыты харьковскихъ студентовъ пранадлежали частью отдѣльнымъ лицамъ, а отчасти явились результатомъ совмѣстной дѣятельности научно-литературныхъ кружковъ.

Первыя научно-литературныя работы харьковскихъ студентовъ напечатаны были въ официальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія — «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» за 1809 и 1810 годы: Розальонъ-Сошальскаго «Эстетическія замѣчанія на 17-й псаломъ», Архангельскаго «Госгомысль,

преклоняющій новгородцевъ на избраніе Рюрика, и три басни Ак. Нахимова, который вскорѣ пріобрѣлъ значеніе крупнаго выдающагося баснописца и сатирика. Студентъ Парпура издалъ въ Харьковѣ въ 1811 году «Слово похвальное Александру Невскому», а кандидатъ Одинецъ-Заставскій перевелъ съ франц. языка твореніе Демутъера «Утѣшенія». Левшинъ напечаталъ въ Харьковѣ отдѣльнымъ изданіемъ «Письма о Малороссіи», представлявшія для своего времени значительный литературный интересъ. И этотъ первый опытъ внушилъ ему впоследствии любовь къ занятію наукой. Въ 1819 году вышли въ свѣтъ «Опыты въ стихахъ Ал. Складовскаго». Этотъ сборникъ состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) лирическихъ стихотвореній, 2) посланій и 3) смѣси. Произведенія эти частью переводныя, а частью самостоятельныя и всѣ почти проникнуты религіознымъ характеромъ (авторъ былъ однимъ изъ видныхъ адептовъ новаго мистическаго направленія). Въ нихъ замѣтенъ несомнѣнный поэтический даръ.

Первый сборникъ студенческихъ сочиненій вышелъ въ 1811 году подъ заглавіемъ: «Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Имп. Харьк. у-тѣ». Издатели—студенты Гречановскій и Кондратьевъ—посвятили его донскому атаману Платову: Здѣсь есть и научно-литературныя прозаическія статьи, посвященныя Донской области, и стихотворенія. Въ 1817 году вышли «Сочиненія студентовъ и вольнослушателей Имп. Харьковскаго у-та, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 г., какъ продолженіе экзамена въ семь отдѣленій»; въ 1818 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьк. у-та, читанные 1818 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ»; въ 1819 г.—«Труды студентовъ, любителей отечественной словесности въ Имп. Харьк. у-тѣ»; въ 1820 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьк. у-та, читанные 1819 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ», и «Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1820 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ»; въ 1821 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьковскаго университета, читанные 1821 г. іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ»; въ 1822 г.—«Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1822 года іюня 30 числа, по окончаніи экзаменовъ ихъ».

Обращая вниманіе на основной господствующій тонъ и характеръ помѣщенныхъ въ нихъ статей, мы замѣчаемъ, сильнѣйшее отраженіе духа времени. То реакціонно-мистическое направленіе, представителями котораго были кн. А. Н. Голицынъ, поп. З. Я. Каргѣевъ, профессора Джунковскій и Дудровичъ, нашло себѣ въ нихъ яркое выраженіе. Указаніемъ на піэтизмъ можетъ служить выборъ темъ и даже

подчасъ заглавіе; вотъ нѣкоторые изъ нихъ наиболѣе характерныя: «Разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія къ поправленію оной» (впослѣдствіи профессора Складовскаго), «О развитіи нравственнаго чувства» (Левицкаго), подражаніе 18-му псалму (Шкляревича), «О познаніи Бога изъ природы» (Левицкаго), «Нравственность безъ истинной вѣры не существуетъ» (Трошинскаго), «Чистота сердца награждается приближеніемъ къ Богу и зрѣніемъ Его» (Соколовскаго), «Гимнъ Богу» (Карасева), «Рѣчь объ отношеніи религіи къ государствамъ» (Прогопова, впослѣдствіи профессора) и мн. др. Но, кромѣ этихъ тенденціозныхъ, есть въ указанныхъ сборникахъ не мало и другихъ, такъ сказать, нейтральныхъ. Конечно, съ нашей точки зрѣнія, литературные опыты, помѣщенные въ сборникахъ, неудовлетворительны; но ихъ нельзя оцѣнивать мѣркою нашего времени. Кромѣ того, эти опыты свидѣтельствуютъ о глубокомъ интересѣ учащагося юношества къ тогдашней литературѣ, объ увлеченіи ею, которое и привело къ переводамъ и подражанію и первымъ самостоятельнымъ попыткамъ. А это были интересы высшаго, идеальнаго порядка, увлекавшіе отъ будничной жизни въ міръ идеаловъ и дававшіе субъективныя радости, соединенныя съ художественнымъ творчествомъ. Кромѣ того, при такомъ общемъ подъемѣ духа, не могло уже заглухнуть никакое, даже самое маленькое, поэтическое дарованіе. Для насъ же теперь эти произведенія представляютъ историческій интересъ, какъ первыя «пробы пера» нашей учащейся молодежи, которыя интересно сопоставить съ послѣдующими и современными намъ сочиненіями студентовъ. Послѣ 1822 года замѣраетъ, по крайней мѣрѣ не находитъ себѣ выраженія въ сборникахъ: въ это время появился «Украинскій журналъ», дававшій мѣсто и студенческимъ работамъ, а съ 1825 г. наступила, какъ мы знаемъ, рѣзкая реакція противъ мистицизма со стороны Шишкова. Исчезло покровительство кн. А. К. Голицына—исзякла и литературная продуктивность въ духѣ мистицизма и піэтизма. Въ десятилѣтіе, съ 1825 по 1835-й годъ, начинается формироваться и развиваться въ мѣстной студенческой средѣ новое литературное теченіе: съ одной стороны—пробивается сатирический элементъ, блестящимъ представителемъ котораго въ первое десятилѣтіе былъ Нахимовъ, а съ другой развивается мѣстная малорусская стихія, выдвинувшая вскорѣ на поле этнографіи такихъ выдающихся пигомцевъ Харьковскаго университета, какъ Изм. Ив. Срезневскій, Н. П. Костомаровъ, А. Л. Метлинскій. Сатира была грубовата и, будучи направлена противъ извѣстныхъ въ то время лицъ, трактовалась современниками, какъ пасквиль. Образчикомъ подобной

сатиры можетъ служить найденное нами въ бумагахъ инспектора студентовъ проф. Венедиктова стихотвореніе подъ заглавіемъ «Харьковскій бульваръ». Замѣтимъ кстати, что увлеченіе сюжетами фривольнаго нецензурнаго характера совпадаетъ съ моментомъ наиболее суровой дисциплины, введенной у студентовъ Харьковского университета. II. II. Срезневскій и его 4 товарища по пансіону, поступившіе на этико-политическій факультетъ, сплотились въ тѣсный кружокъ и стали поддерживать другъ друга и въ любви къ литературѣ, и въ стремленіи изучать Украину; но были тогда и правильно организованныя студенческіе кружки. Въ 1819 году Харьковскіе студенты составили «Общество любителей отечественной словесности», которое имѣло еженедѣльные засѣданія въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ и состояло подъ предсѣдательствомъ одного изъ своихъ сочленовъ Складовскаго и подъ руководствомъ инспектора проф. Успенскаго и проф. Дудровича. Оно издало томъ своихъ трудовъ, но въ томъ же 1819 г., повидимому, и прекратило свое существованіе. Однако въ концѣ 1825 г. студенты черезъ того же Складовскаго, бывшаго тогда уже адъюнктомъ, подали ректору прошеніе, въ которомъ ходатайствовали объ утвержденіи студенческаго «Общества любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ». Въ 1814-1815 гг. образовался, съ вѣдома ректора Осиповскаго, студенческій кружокъ любителей сценическаго искусства, который давалъ представленія на домашнемъ театрѣ во время масленицы и святой недѣли. Поставлены были драмы, трагедіи и комедіи (Коцебу, Дмитріевскаго, Мольера, Капниста). Наконецъ, среди студентовъ Харьковского университета существовало нѣсколько дѣтъ религіозно-нравственное общество—студенческое библейское сотоварищество, основанное въ 1821 году по внушенію попечителя Э. Я. Карнѣева, подъ ближайшимъ руководствомъ проректора Джунковскаго и инспектора казеннокоштныхъ студентовъ проф. Дудровича. Въ своемъ прошеніи студенты прямо заявляли, что они были воодушевлены высокимъ примѣромъ попечителя (по инициативѣ котораго, какъ, извѣстно, возникло Слободско-украинское отдѣленіе библейскаго общества) и что ихъ собрали и внушили мысль объ этомъ проф. Джунковскій. Въ директоры общества были избраны кандидаты Складовскій и Байковъ (будущій профессоръ и инспекторъ студентовъ), въ секретари студ. Золотарева, въ кассиры—студ. Сорочинскій. Попечитель, конечно, одобрилъ такое «спасительное» намѣреніе студентовъ и въ представленіи министру воздалъ за это похвалу Джунковскому. Въ 1822 г. сотоварищество имѣло уже 102, а въ 1823—159 членовъ. Главною цѣлью сотоварищества было распространеніе книгъ священнаго писанія

и развитіе религіозно-нравственнаго настроенія посредствомъ соотвѣтственныхъ чтеній. Такъ, на генеральномъ собраніи въ 1823 году, въ присутствіи попечителя Е. В. Карнѣева, бывшаго попечителя З. Я. Карнѣева, ректора коллегиума архим. Тимофеева, были произнесены рѣчи: студ. Сапфировымъ—о важности библейскихъ собраній, студ. Протопоповымъ—о важности евангельскаго ученія; послѣ отчета прочитано было евангеліе, читавшееся въ тотъ день въ церкви. Но и это общество оказалось недолговѣчнымъ: нужно думать, что оно прекратилось немедленно, съ прекращеніемъ того особаго покровительства, которое оказывалъ ему попечитель и университетское начальство. Основные цѣли этого сотоварищества, какъ и библейскихъ обществъ вообще, были почтенны. Но къ ихъ чистымъ цѣлямъ, къ сожалѣнію, присоединились еще постороннія—реакціонно-мистическія. Успѣхъ библейскихъ обществъ могъ лежать исключительно въ свободномъ и сознательномъ отношеніи къ ихъ призыву, а кн. Голицынъ и подчиненные ему дѣятели учебнаго вѣдомства пытались распространить ихъ внѣшними мѣрами въ школѣ, и при томъ не только высшей, но и средней, которая такимъ образомъ дѣлалась орудіемъ для вторженія въ нее политики: библейское сотоварищество было организовано даже среди гимназистовъ. Данное движеніе, по существу свободно общественное, шло сверху, изъ правительственныхъ сферъ, и принималось часто не по внутреннему убѣжденію, а формально, какъ нѣчто внѣшнее и даже навязываемое; твердой же почвы у него не было. Въ этомъ отношеніи очень характерно свидѣтельство лица, ему сочувствовавшего,—президента Харьковского отдѣленія епископа Павла, который писалъ митрополиту Серафиму, что «всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть не могутъ библейскихъ обществъ и что сборъ денегъ и продажа книгъ производится во всей епархіи, по его распоряженію, посредствомъ одного духовенства и то по принужденію». И юные члены студенческаго библейскаго сотоварищества повторяли въ своихъ рѣчахъ, съ чужого голоса, мысли о духовномъ возрожденіи, а дѣйствительнаго внутренняго, нравственнаго обновленія не достигали. Такимъ образомъ, это было зданіе, воздвигнутое на пескѣ.

Студенты въ то время дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первымъ давалъ полное содержаніе университетъ. На каждаго студента—а ихъ полагалось по штату 40—отпускалось отъ казны по 200 р. Но, очевидно, что задачу содержанія ихъ можно было только разрѣшить, устроивъ для нихъ общее хозяйство. Университетъ такъ и поступилъ, приглашая особыхъ лицъ, бравшихъ на себя за условленную сумму полное содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ. Но

студенты были ими недовольны и уже въ 1806 году взяли въ свои руки свое хозяйство, избирая при этомъ сами отвѣтственнаго распорядителя; такъ было до 1826 года. Но скоро, вслѣдствіе всеобщаго вздорожанія товаровъ, студенты не могли уже обходиться назначавшейся имъ суммой, вынуждены были обращаться съ просьбою о прибавкѣ ея въ правленіе, которое и входило въ ихъ положеніе—удовлетворяло ихъ ходатайство. Въ 20-хъ годахъ казеннокоштные студенты получали уже по 300 руб. въ годъ на свое содержаніе. Въ 1826 году ректоръ Кронебергъ предложилъ уничтожить самостоятельное студенческое хозяйство и поручить его особому эконому, что и было выполнено при Байковѣ, въ 1828 г., принявшемъ первоначально временно на себя завѣдываніе этимъ хозяйствомъ. Реакція выразилась и здѣсь въ уничтоженіи студенческой хозяйственной организаціи; но выиграло ли отъ этого дѣло,—не знаемъ. О своекоштныхъ студентахъ замѣтимъ только, что и они платы за право слушанія лекцій не вносили и матеріальное положеніе ихъ въ общемъ было выше, чѣмъ у нынѣшнихъ студентовъ.

Въ заключеніе намъ нужно еще остановиться на правилахъ, регулировавшихъ студенческую обществѣнную жизнь. Основы студенческаго быта были регулированы въ общихъ чертахъ уставомъ 1804 года. Должность инспектора занимали профессора. Совѣту предоставлялось право вырабатывать болѣе подробныя правила для студентовъ. Такія правила дѣйствительно и вырабатывались нѣсколько разъ совѣтомъ Харьковскаго университета, и на нихъ въ сильнѣйшей степени отражался духъ времени. Въ первое десятилѣтіе и самыя правила, а главное—примѣненіе ихъ, отличались сравнительною мягкостью. Правда, правила 1807 года (редактированныя проф. Белень-де-Баллю) напоминаютъ намъ нѣсколько нынѣшнія гимназическія, но они касались только казеннокоштныхъ студентовъ и, повидимому, смягчались въ дѣйствительномъ примѣненіи. Долгіе годы во главѣ университета стоялъ Рижскій, который любилъ молодежь, былъ деликатенъ съ нею и пользовался взаимно ея уваженіемъ. Инспекторами студентовъ были по большей части также лучшіе представители профессорской коллегіи—Белень-де-Баллю, Якобъ, Рейнишъ, Успенскій, Каменскій. Не удивительно, что у студентовъ сохранились хорошія воспоминанія объ этомъ времени. Студентъ той эпохи Розальонъ-Сошальскій вспоминаетъ, что тогдашніе казеннокоштные студенты, «не только не были подчинены военной дисциплинѣ (о которой свидѣтельствовалъ проф. Роммель), но не терпѣли никакихъ стѣсненій, и я, прибавляетъ онъ, имѣвъ между ними не мало близкихъ товарищей, никогда не слышалъ ни малѣйшей

жалобы въ этомъ отношеніи, а нерѣдко по вечерамъ мы гуляли вмѣстѣ по городу, гдѣ только хотѣли. Имѣю право прибавить, что вообще студенты того времени вели себя съ достоинствомъ, почему и не требовался для нихъ надзоръ, какъ за дѣтьми». Венедиктовъ подтверждаетъ это свидѣтельство и прибавляетъ, что помощниками инспекторовъ назначались кандидаты, преимущественно изъ тѣхъ, которыхъ желали оставить при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію (Филомафитскій, Сухомлиновъ). У своекоштныхъ студентовъ инспектора не было. Строже всѣхъ инспекторовъ былъ Успенскій, но и его управленіе вообще было отеческое.

Въ 1820 г. былъ выработанъ проектъ правилъ для студентовъ вообще и казеннокоштныхъ въ частности, который подвергся измѣненію, по указанію министерства, и въ 1821 г. введенъ въ дѣйствіе. Въ нихъ уже замѣтно отразился духъ времени—извѣстный намъ мистицизмъ З. Я. Карнѣева. «Поелику ни истинное просвѣщеніе ума, ни образованіе сердца безъ религіи не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого прочнаго основанія, ибо начало премудрости есть страхъ Божій, то воспитанники относительно поведенія и ученыхъ занятій своихъ непремѣнно должны за единственное основаніе принимать *благочестіе* и ревностно упражняться во всѣхъ родахъ христіанскихъ добродѣтелей». Въ соотвѣтствіи съ этою основною задачей—насажденія благочестія—регулированъ былъ весь образъ жизни казеннокоштныхъ студентовъ, совершенно подходившій къ гимназическому. Мы знаемъ, что Карнѣевымъ не удалось чисто внѣшними мѣрами насадить религіозность, нравственность и благочестіе среди профессоровъ. Не было перевоспитано такимъ путемъ и учащееся юношество. Увеличивался только все болѣе и болѣе мелочный надзоръ съ его строгостями, вызывавшими раздраженіе. Въ 1820 г. для усиленія надзора, по мысли З. Я. Карнѣева, была учреждена особая должность инспектора своекоштныхъ студентовъ, на которую назначенъ (а не выбранъ) былъ проф. Пауловичъ. Попеч. Перовскій въ 1825 г. ввелъ штатъ педелей. Въ 1826 г. онъ же завелъ такъ называемую черную книгу; послѣ двукратнаго занесенія студента въ эту книгу, онъ исключался изъ университета. Казалось, что строгія правила гарантировали и хорошіе результаты,—и однако въ томъ же 1826 г. новый ректоръ Кронебергъ представилъ положеніе института казеннокоштныхъ студентовъ въ самомъ печальномъ видѣ и предложилъ цѣлый рядъ необходимыхъ реформъ. Новый инспекторъ Байковъ довелъ систему мелочнаго надзора до самой крайности (дальше идти было некуда), объединивъ въ своемъ лицѣ инспекцію и надъ казеннокоштными, и надъ своекошт-

ными студентами. Надзоръ здѣсь былъ доведенъ до геркулесовыхъ столбовъ: квартирныя хозяева должны были наблюдать за своими постояльцами своекоштными студентами и доносить о нихъ инспекціи; и все это, по свидѣтельству современника, приправлено было ненужною грубостью и ругательствами. Новый инспекторъ проф. Венедиктовъ дошелъ до того, что тайно, вопреки всякому закону, высѣкъ двухъ студентовъ, чѣмъ вызвано было студенческое движеніе. Отношенія его къ студентамъ были прямо враждебныя: въ студентахъ онъ видѣлъ враговъ и заговорщиковъ. Учебное начальство въ это время, при попечителѣ Филатьевѣ, примѣняло къ студентамъ самыя строгія мѣры.

Такъ прежній патріархальный строй смѣнился суровой, формальной регламентаціей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находился и образъ дѣйствій инспекторовъ. Весь этотъ печальный режимъ смягчился только при попечителѣ гр. Ю. А. Головкинѣ. Но характерно, что при болѣе суровомъ режимѣ было больше и студенческихъ проступковъ, и они приобрѣли болѣе тяжкій характеръ. До 1825 года проступки отдѣльных лицъ были не особенно тяжки и многочисленны; выдѣляется только случай похищенія однимъ студентомъ книгъ изъ университетской библіотеки. Въ попечительство Перовскаго и Филатьева случаи тяжкихъ проступковъ учащаются (пьянство, буйство) и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается число студентовъ, исключаемыхъ изъ университета, отдаваемыхъ въ писцы или солдаты.

Коллективныхъ нарушеній правилъ, или такъ называемыхъ «студенческихъ исторій», было немного, и ни одна изъ нихъ не имѣла политической подкладки. Въ 1816 году былъ расклеенъ пасквиль на директора харьковскаго общественнаго театра вице-губернатора Гежелинскаго, вызвавшій сильное нравственное осужденіе со стороны попечителя гр. С. О. Потоцкаго (виновные не были открыты). Попечитель осуждалъ пасквиль, какъ подлое средство, и взывалъ къ чести студентовъ. Въ 1818 г. появился грубый пасквиль на инспектора студентовъ проф. Успенскаго, быть можетъ, впрочемъ вышедшій не изъ студенческой среды. Въ 1817 г. произошла театральная студенческая исторія, направленная, главнымъ образомъ, противъ полицеймейстера Лаврова и окончившаяся удаленіемъ одного студента и арестомъ еще нѣсколькихъ другихъ. Въ 1823 году вспыхнула гораздо болѣе крупная театральная студенческая исторія, выразившаяся въ столкновеніи на улицѣ студентовъ съ полиціей и жандармами. Она взволновала университетъ, администрацію и общество и служила, подобно первымъ, предметомъ разбирательства въ комитетѣ министровъ, съ утвержденіемъ его резолюціи государемъ. Окончилась она содержаніемъ виновныхъ студентовъ подъ

арестомъ, удаленіемъ отъ должности экзекутора и запрещеніемъ харьковскимъ студентамъ вообще посѣщать театръ. Впрочемъ, въ послѣдствіи все это было смягчено.

5-я глава.

Просвѣтительное вліяніе университета на общественную среду.

Помимо непосредственнаго воздѣйствія на вѣренную его попеченію молодежь, университетъ имѣлъ образовательное, просвѣтительное вліяніе и на болѣе широкіе круги общества—на учащихся и учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ огромнаго харьковского учебнаго округа¹⁾ и отчасти на мѣстное общество вообще. Главною, типическою, никогда потомъ не повторявшеюся особенностью устава 1804 года было то, что онъ предоставилъ университету полное и непосредственное завѣдываніе всѣми училищами въ округѣ—какъ средними, такъ и низшими, какъ правительственными, такъ и частными (пансіонами). Уже въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, стремившагося къ усиленію правительственной централизаціи, въ 1826 году возникла мысль о передачѣ среднихъ и низшихъ школъ въ вѣдѣніе попечителей округовъ. Въ 1832 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи училищныхъ комитетовъ университетовъ. Въ 1835 г. издано было положеніе объ учебныхъ округахъ, гдѣ было сказано, что «профессора не имѣютъ ни времени, ни надлежащихъ способностей къ практическому управленію и успѣшному обозрѣнію гимназій и училищъ, университетамъ трудно завѣдывать учебными заведеніями, разбѣянными на разстояніи 3 или 4 тыс. верстъ». Въ тотъ же годъ былъ изданъ новый университетскій уставъ, уничтожившій власть университетовъ надъ училищами. Но настоящая причина реформы коренилась не столько въ сущности дѣла, сколько въ соображеніяхъ политическаго характера. Министерство Уварова стремилось вообще къ ослабленію университетской автономіи, усиленію правительственной власти

¹⁾ Въ составъ его входили первоначально—Слободско-Украинская (или Харьк.), Ворон., Орлов., Курская, Черн., Полтав., Никол., Таврич., Екатерин. губ., земля Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ; въ послѣдствіи онъ еще болѣе расширился.